

ДРУГИЕ
МИРЫ

Лесса Каури

Золушки при делах

Annotation

В Вишенроге буйствует весна. Срывает маски, заставляет пылать сердца, толкает на глупости. Принц Колей по-прежнему не выбирает слов при общении с принцессой Ориданой, но коварство его отца обеспечивает этой паре несколько страстных мгновений. Старшая Королевская булочница расстраивается из-за влюбленности Пипа, а Дрюня переживает из-за Его Величества, который, в свою очередь, переживает... Но тс-с-с! О ком переживает Его Величество, попробуйте догадаться сами!

- [Лесса Каури](#)

- -
-

Лесса Каури

Золушки при делах

© Л. Каури, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Весна в Драгобужье пришла с месяц назад. Повсюду вылезли смешные сиреневые и белые кулачки первоцветов. Снег сошел, обнажив мокнущую хвою и прошлогодние листья; кое-где вершины небольших гор явили лики небу. Но в Синих чертогах все было по-прежнему. Газовые фонари и светящиеся грибы освещали голубоватым холодным светом подземные улицы, на площадях это делали магические светильники – забавные, в кованых рамах и витражных разноцветных стеклах.

Цеховой старшина, Виньогрет Охтинский Синих гор мастер, сдвинул шторку на окне и выглянул наружу. Стояло раннее утро, под землей отмечаемое мелодичным перезвоном будильных колокольцев и далеким ревом сирен – с шахт, разработок и со Сталелитейного. Почтенные мастера похохатывали, позевывали, потягивались, дружески толкали друг друга и спешили на работу. Позже улицы опустеют на какое-то время. А еще позже появятся уважаемые гномеллы, матери семейств, с выводками детей спешащие на рынок, ведь помогать матери и отцу по хозяйству должны все – от ранних лет до того возраста, когда каждый находит себе свою дорогу.

Виньогрет вздохнул, задернул шторку и протер красные от бессонницы глаза: над текущим бюджетом страны сидел всю ночь. Смерть Его Величества Крамполтота Первого сильно снизила стоимость драгобужских активов, поэтому приходилось пересматривать многие статьи, прикрывать прорехи. А думать хотелось... о гномеллах. Почтенный старшина снова вздохнул. Его супруга умерла за несколько лет до совершеннолетия Виньовиньи, подарив ему кроме дочери трех могучих сыновей. Скончалась скоростижно от болезни сердца... Это надо же! Гномелла, что двоих взрослых отпрысков легко поднимала за пояса, – и от сердца! Эти двое давно уже работали на Сталелитейном, обзавелись собственными семьями. Из третьего сына получился прекрасный инженер-

изобретатель; кроме того, он проявлял интерес к управленческим наукам. Виньогрет надеялся, что сын пойдет по его стопам, став цеховым старшиной и одним из тех, кто решает судьбы Синих гор, но с некоторых пор не давил, предоставляя сыну право решать самому. Перед глазами стояло живым укором полное отчаяния лицо младшей дочери в тот момент, когда он откопал ее из-под развалин дома в Вишенроге. Тоже свой путь искала... И что нашла?

Гном раздраженно оттолкнул бумаги. Сразу по возвращении домой отправил в столицу Ласурии доверенное лицо – найти беглянку, вернуть! Не постеснялся бы и попросить о помощи нового друга, Его Величество Редьярда – добрый человек и в воспитании толк знает! Да только пропала Виньовинья, как в недра бездонные канула! Неужели снялась с насиженного места с возлюбленным своим (удушил бы собственной бородой собственными руками!) и вновь отправилась странствовать?

Звякнул колокольчик на двери. Один – пауза – два раза. Не из близкого круга кто-то. Не ко времени!

Виньогрет нажал одну из кнопок на рабочем столе. Дверь щелкнула, открылась, впуская... Хранителя Королевского Молота.

Старшина торопливо поднялся, склонился в низком поклоне, поспешил встретить гостя у порога, под руки подвести к гостевому креслу – таковых стояло в его кабинете три, с большим количеством оппонентов спорить Виньогрет считал пустым делом.

– Мое почтение, уважаемый Хранитель! Выпьете чего-нибудь освежающего?

Тоннертротт пришел без Молота, значит, разговор пойдет личный и можно выпить!

– С удовольствием позавтракаю с тобой, почтенный старшина! – прошамкал Хранитель, лукаво улыбаясь. – Слыхал я о твоей чудесной ветчине! Желаю отведать!

Склонив голову в знак согласия, Виньогрет откинул на столе деревянную панель, под которой располагались несколько кнопок. Нажал их в определенной последовательности. Тоннертротт внимательно следил за ним.

– Рофельхаарт придумал, – довольно улыбнулся старшина, – младшенький мой. Закодировал те блюда, что я люблю и чаще всего ем. Стоит мне набрать этот код здесь – номер блюда высвечивается на кухне.

– Однако! – удивился посетитель. – Приятно видеть, как умнеют дети старых соратников, уважаемый мастер!

– Воистину! – расцвел тот.

Спустя несколько минут в кабинет вошла дородная гномелла, легко неся по подносу на каждой ладони. Ловко составила их на стол. На блюдах истекали прозрачной морозной слезой пышная буженина и розовая ветчина, украшенные солеными грибочками и кислой капусткой. Финьорина, экономка в доме Виньогрета, достала из высеченного из цельного дубового ствола буфета штоф самогона, хрустальные стопки, составила на стол. Поклонилась и бесшумно исчезла.

Виньогрет повел рукой, приглашая отведать яства.

Почтенные гномы закусили. Выпили. Крякнули. Снова закусили.

– Итак, – сказал Тоннертротт, с довольным видом откидываясь на спинку кресла, – Его Величество Редьярд Третий ночью прислал порталом вестника: договор найден и может быть предоставлен для экспертизы по первому нашему требованию. Но с условием.

– С каким же? – спокойно спросил Старшина.

Все верно. В подобной ситуации он бы тоже поставил условие, а то и несколько!

– Договор будет доставлен в Синие чертоги наследным принцем, который не выпустит его из рук, дабы исключить подмену. Думаю, не стоит говорить, что случится, если на Его Высочество Аркея здесь будет совершено нападение?

– Спаси Руфус и Торус! – сделал оберегающий жест Виньогрет.

– В связи с этим я объявляю десятидневную подготовку к Великому мастеровому сходу. Срок достаточный для обеспечения безопасности пребывания Его Высочества у нас и вызова отсутствующих старшин. Нам важно всех убедить в том, что договор подлинный!

Виньогрет задумчиво разлил по новой. Ласурский принц вряд ли пробудет в Чертогах больше нескольких часов – времени, достаточного для того, чтобы ознакомить всех цеховых старшин с личным мастеровым клеймом Его Величества на договоре. Но и за несколько часов может случиться всякое!

– Что требуется от меня, почтенный Хранитель? Помогу, чем смогу!

– Тебя, уважаемый, прошу не вмешиваться в дискуссии, каковые обязательно возникнут, а тако же соблюдать спокойствие и невозмутимость, какие подобают цеховому старшине. В общем, все то, с чем ты прекрасно справляешься!

Тоннертротт выпил, повторно насладился ветчиной и отбыл, оставив хозяина дома в недоумении.

Отдернув шторку и глядя на спешащих по делам соотечественников, Виньогрет Охтинский Синих гор мастер раз за разом задавал себе вопрос:

«Ради чего приходил такой уважаемый гном, как Хранитель Королевского Молота?» И не находил ответа.

* * *

Весенние ветры были сильными, теплыми. Их так любил Эдгар Мореход! Смотрел грозowymi глазами вдаль, смолил трубочку, хищно шевелил ноздрями: старый моряк чуял скорую навигацию, как гончая – охоту, мечтал увидеть, как торговые караваны покинут порт, чтобы уйти через успокоенный весной пролив в Гаракен или дальше, к окраинам Дикоземья. Страсть к перемене мест жила в нем с раннего детства. Передалась она и дочке, ранее носившей имя Матушки Бруни, а ныне именуемой Ее Высочеством Брунгильдой Ласуринг, герцогиней рю Мерсаль.

Каждую весну Бруни, ни разу не покидавшая родной Вишенрог, приходила на пляж и смотрела вдаль – как когда-то отец, – и в груди ее трепетно и нежно пела страсть к приключениям, так и не нашедшая выхода среди трактирных чугунков и сковородок. Вот и сегодня Ее Высочество, не так давно с этими самыми чугунками и сковородками расставшаяся, стояла на уже подсохшем песке столичного пляжа, что спускался к морю от набережной Русалок, и смотрела вдаль, задумчиво вертя на безымянном пальце левой руки перстень с огромным рубином. Сие чудовищное украшение преподнес ей Его Величество Редьярд Третий, получив известие о скором появлении наследника.

Пустой пляж. Пустое море. Штиль. Крики чаек. И непривычное тепло внутри. Тепло, говорящее о новой жизни. Даже несмотря на перстень-переросток, Бруни никогда еще не была так счастлива. И никогда так не нуждалась в тишине и покое! «Ваше Высочество, спокойствие и уверенность придут позже! – объяснял ей королевский целитель. – Сейчас ваш организм свыкается с новой ролью, поэтому возможны неконтролируемые эмоции, раздражительность, вялость, некоторая утомляемость...» Однако мэтр Жужин ошибался. Энергия была в принцессе ключом, да таким, что через пару месяцев от нее шарахались королевский казначей, городской глава, смотритель приютов и училищ и ректор Военного университета. Только иногда силы покидали Бруни, и вот тогда ей нужны были мгновения, которые она с удовольствием провела бы с мужем. Однако, увы, тот был человеком куда более занятым, поэтому она довольствовалась недолгими прогулками в относительном одиночестве.

Ходили слухи, что Его Величество Редьярд собирается скоро вернуться из бессрочного отпуска, проводимого в Невьянском замке, где он прочно и надолго «окопался» вместе с официальной фавориткой герцогиней Агнешкой рю Филонель и некоторой частью свиты. С одной стороны, Бруни ждала этого, радуясь появлению у Кая времени для жены, с другой – и в этом стеснялась себе признаться – не хотела. Она видела, как в горниле ответственности перед страной и народом меняется супруг, выковывается, будто клинок: дивный, острый, опасный, который невозможно ни погнуть, ни сломать. Да, Бруни беззаветно любила мужа, но как гражданка Ласурии уже обожала будущего короля.

Ее губы тронула улыбка. Надо же, какими словами стала думать! «Гражданка!» Гражданка Ласуринг...

Принцесса скользнула взглядом по небу: солнце уже высоко. Пора возвращаться назад, во дворец.

– Я здесь, – раздался тихий голос из-за спины.

Григо Хризопраз не оставлял ее одну в прогулках по городу и за его пределами, пусть иллюзорная внешность и не давала людям узнать свою принцессу.

– Едем! – кивнула она.

В последний раз обежала глазами пляж: небо с росчерками редких чаек, море... Решительно развернулась и направилась на набережную, где ждал неприметный экипаж. Сев в карету, посмотрела на Григо. Тот держал во рту трубку, но при принцессе не курил. В руках у него была голубая бархатная папка с вензелями – документы для доклада. Бруни кротко вздохнула.

По прибытии во дворец ее взяла в оборот герцогиня рю Воронн. Статс-дама после новостей о беременности принцессы строго контролировала режим ее питания и сна, и никакие уговоры, срочные дела или неудовольствие Ее Высочества решимость Ее Светлости поколебать не могли.

Бруни торопливо ела, мечтая побыстрее увидеть тарелку пустой (тогда принцесса будет выпущена из-за стола зоркой Фироной) и пойти в кабинет, к своему рабочему месту, теперь заваленному бумагами не хуже стоящего напротив стола мужа. Однако едва она шагнула в гостиную, как ее позвал секретарь:

– Ваше Высочество, вам записка!

И протянул какой-то клочок бумаги. Взяв его, Бруни прочитала единственное слово, написанное большими угловатыми буквами: «ПРАИЗВОЛ!», и с недоумением взглянула на Григо:

– И что это значит?

Тот хмыкнул:

– Видите ли, сегодня неприемный день, однако к вам просится некая матрона Мипидо... Дворцовая охрана стойко держит оборону, но ее энергия грозит сровнять оплот ласурских королей с землей!

– Клози! – воскликнула Бруни. – Григо, ну что же ты стоишь, веди ее сюда!

Секретарь сурово нахмурил брови, хотя его губы дрожали от едва сдерживаемого смеха.

– Не могу, Ваше Высочество! Ее нет в списке постоянных посетителей!

– Где этот список? – строго спросила принцесса. – У вас?

– Конечно! Я же сам его составляю, основываясь на ваших ежедневных планах!

– Дайте!

Хризопраз порылся в голубой папке и протянул ей бумажный лист. Бруни размашисто вписала имя и вернула список. Прочитав его, Григо в изумлении взглянул на принцессу.

– Ваше Высочество, здесь написано «Туча Клози»...

– Пресвятые тапочки! Отдайте! – потребовала Бруни. Исправила имя, подумала и добавила: «Немедленная аудиенция».

Посмеиваясь, секретарь забрал список и вышел.

Бруни догадывалась, что он мухлюет с перемещениями внутри дворца, поскольку путь из одного его конца в другой зачастую занимал у Григо подозрительно мало времени. Вот и сейчас мощное контральто Тучи Клози послышалось достаточно быстро, заставив напрячься дюжих гвардейцев в синих мундирах, охраняющих двери покоев королевской четы. А Бруни взволнованно прижала руки к груди – сейчас все ее прошлое звучало голосом матроны Мипидо, одной из тех подруг, которых принцесса надеялась не потерять и в настоящей жизни!

Двери распахнулись, впуская главу Гильдии прачек. Клозильда, в платье цвета томатного соуса, подбитом мехом плаще и красном капоре, напоминала помидор сорта «бычье сердце» – такие выращивали на юге страны и осенью привозили на вишенрогские рынки, где они важно лежали на прилавках, поблескивая яркими боками, и габаритами подавляли окружающие овощи.

Матрона всхлипнула, стиснула пухлые руки и попыталась поклониться с изяществом битюга, по ошибке зашедшего в посудную лавку.

– Клози, моя дорогая Клози! – воскликнула Бруни, бросаясь к ней и

пытаясь удержать от поясного поклона. – Как я рада! Дай-ка посмотрю на тебя – ты прямо цветешь!

– Да ты тож неплохо смотришься, Твое Высочество! – ответила та, явно собираясь взрыднуть. – Даже те симпатичные, но сердитые солдатики у входа во дворец не смогут покобелить моего мнения и испортить настроение от встречи с тобой! Ой... то есть вами!

– Наедине обращайся ко мне, как прежде, прошу! – Бруни подвела гостью к дивану и заставила сесть. – Расскажи, что там у нас, как там?

– Все путем, – заулыбалась Клози, – мастер Пип освоил оборотничью кухню, да так, что к нему зубастые со всего Вишенрога столоваться приходят и нахваливают! Вдова Рашписа померла седьмого дня. Прямо во сне и отбыла в чертоги Пресветлой – хорошая смерть, всем бы так! Да вот денег на похороны еле наскребли! Кварталом собирали – своих-то сбережений у нее, как вы... ты знаешь, и не было. А Виеленна твоя никак замуж собралась за Питера, только оба делают морды каменны, едва речь заходит о летнем тепле. Видать, огласки хотят избежать, да только модистки уж нашептали, что дева приходила на платья поглазеть.

– А вы с мастером Висту не надумали еще? – скрывая улыбку, поинтересовалась Бруни.

Туча всплеснула руками.

– Вот с этого я и должна была начать, Твое Высочество! Сговорились мы с Вистунчиком жениться, и – что важно! – таково наше обоюдное желание! Но поскольку мы с ним люди не простые, главы Гильдий, праздновать, надо полагать, будет весь квартал!

– Надо полагать! – засмеялась Матушка и даже в ладоши захлопала.

«Чуйство», зародившееся и расцветшее на ее глазах, было одним из тех чудес, что придавали жизни смысл.

– Вот мы и хотим сделать это после Весеннего бала! Во-первых, потеплеет уже, а во-вторых, – Клозильда лукаво блеснула глазами, – денежки сэкономим на музыкантах, благо в городе из-за Большого Поэтического турнира их будет как крыс на Центральном рынке!

– От всего сердца поздравляю вас! – Бруни обняла Клози и расцеловала в обе щеки. – И мастеру Вистуну передай мои поздравления! Ваше обоюдное счастье делает и меня счастливее!

– Тогда и ты осчастливь нас, Матушка Бруни, – поднялась матрона Мипидо и поклонилась, – будь моей подружкой на свадьбе... ежели то, конечно, позволительно для принцессы.

Бруни нахмурилась. Не успела подумать о том, кто мог знать наверняка, как он уже стоял рядом. Клозильда Мипидо испуганно

вскрикнула – так мгновенно Григо Хризопраз появился из-за дверей.

– Прецедентов не было, Ваше Высочество! – сообщил тот. – Но кто мешает вам его создать?

– Не нужны мне цеденты на свадьбе! – насупилась Туча Клози. – Это кто такие?

Принцесса и секретарь переглянулись и в один голос ответили:

– Это будет сюрприз!

* * *

– Энергетическая матрица индивидуума представляет собой определенные вибрации, нарушение которых является проявлением болезней на физическом уровне. Целительская энергия – назовем ее энергией синей сферы – корректирует нарушение вибраций, что проявляется на физическом плане исцелением данного существа.

Преподавателя теории целительства, пятидесятилетнего Райдо Оживалова, в целительской сфере боготворили, но предпочитали держаться подальше. Мэтр был поклонником теории унификации и стандартизации и все встреченное в жизни, будто то человек, процесс, книга или случай, пытался расчленить (в научном, естественно, плане), описать и присвоить категорию.

– Вторая сфера, фактическая жизненная энергия разумного существа и окружающего его мира, – «энергия красной сферы» – помогает восстановлению потерянной жизненной силы или увеличению ее в организме...

Виньовинья слушала вполуха, но писала старательно. Зачеркивала и снова писала. Писала и опять зачеркивала. Нелегко подобрать верные слова при обращении к родному отцу, в глазах которого при последней встрече она увидела и гнев, и растерянность, и любовь... Почтенный родитель был зол, ох как зол на непутевую дочь, сбежавшую из дома с совсем не юным и вовсе не богатым гномом. Но, кажется, больно ему было не поэтому...

«Уважаемый родитель, бесценный отец мой, многие лета вам и долгие метры вашей несравненной бороде! Пишет вам непутевая дочь, которую вы отхлестали бы старшинским ремнем за непослушание и неуважение к традициям. Время, прожитое вдали от родины и вас, заставило меня о многом передумать, многое пережить. Я побывала в таких переделках, которые обычной аркандитироской гномелле и не приснились бы! Я вожу дружбу с воинами, рубаками и магами, и они, смею вас заверить, уважают и

любят меня. Я нашла свой путь – путь целителя, с которого отступать не намерена ни при каких обстоятельствах. Все, что я пишу, вызовет ваш гнев, знаю, отец. Так же, как и тот гном, что открыл мне дорогу в неведомый и недоступный прежде мир. Я люблю его, почтенного Йожевижа Агатского, Синих гор мастера, и не страшусь в этом признаться. Знаю, как бы я ни скучала, вы никогда не примете нас в семью, не простите и не позволите вернуться, чтобы повидаться с вами и любимыми братьями. Более того, вы предпримете все меры, дабы вернуть меня домой в одиночестве, оторвать от гнома, в коем заключена вся моя любовь и жизнь. Отец, я ваша дочь. Вы хорошо учили меня. Посему в приложении к данному письму прилагаю документ, который не позволит вам сделать задуманное. Это копия брачного свидетельства, подписанного лично Его Подгорным Величеством Ахфельшпроттенем Первым и скрепленного его печатью, заверенная здесь, в Вишенроге, почтенным нотариусом Руммельшритценем Рохинским, Серой скалы мастером. Согласно сему документу я, Виньовинья Виньогретская, становлюсь Виньовиньей Агатской со всеми вытекающими последствиями, и никто, даже родной отец, не имеет права отлучить меня от законного супруга. Как видите, я все-таки уступила традициям, отец. Возможно, не так они и плохи иногда. Засим хочу попроситься, но прежде – сказать явственно и открыто: отец, я люблю вас и отношусь со всем уважением, что бы вы обо мне ни думали! Мне жаль, что так получилось, но зов сердца для уважающей себя гномеллы – это зов сердца. Я не была бы дочерью своей почтенной матери, если бы поступила по-другому! Ваша дочь Виньовинья Агатская (в девичестве Виньогретская)».

Виньо подняла полные слез глаза и вдруг обнаружила прямо перед собой крючковатый нос и ехидный прищур мэтра Оживалова.

– А кто нам расскажет про третью энергетическую сферу? – гнусаво осведомился он. – А сделает это студентка Агатская! Ведь она так тщательно записывает лекцию!

Гномелла покраснела и вскочила, едва не опрокинув стул. Мэтр, конечно, заметил, что пишет она совсем другое, но публично позорить не стал, не тот человек. А вот спросить со всей строгостью по теме – это пожалуйста. Ее счастье, что теория целительства, хоть и была довольно занудна, для дотошной Виньо являлась одним из самых любимых предметов. Сказывалась, видно, отцовская склонность – как у мэтра Оживалова – анализировать, раскладывать по полочкам картину мира. Поэтому учебник для второго курса она изучила от корки до корки еще в первую неделю обучения. Несмотря на это, лекции Райдо слушать было по-прежнему интересно. Целитель с огромным опытом часто добавлял к

сухому учебному материалу случаи из собственной практики.

– Третья сфера кристаллически-белого цвета. Она является второстепенной по отношению к первым двум. Используется для очищения негативных действий и применяется только в комплексе с двумя другими сферами, – не моргнув глазом отрапортовала Виньовинья.

– Мда? – мэтр Оживалов посмотрел на нее с сомнением. – Зайдите ко мне после занятий, студентка Агатская.

– Конечно, мэтр!

Виньо села. Ноги у нее тряслись. Борода Торуса, а если бы не ответила?

Она посмотрела на письмо, свернула, убрала в сумку. Покосилась на пустой стул рядом. Тариша Виден прогуливала уже который день. И гномелла догадывалась, с кем!

* * *

Ники Никорин озадаченно почесала в затылке, разглядывая кучку свитков, вываленных герцогом рю Виллем из дорожного мешка, который должен был взять с собой в путешествие Лихай Торхаш Красное Лихо. Но не взял.

– Ни одного порталного? – на всякий случай уточнила архимагистр.

Троян покачал головой.

– Ни одного. Аргументировал, мол, хочет порыскать по тем местам, где встречали бешеных, проверить их следы и понять, какова логика передвижения.

– Какая логика может быть у бешеных? – пробормотала Ники.

Сердце тревожно сжалось. Лихо уходил в никуда и знал об этом. Была ли у него возможность отказаться? Такие, как он, от опасностей не отказываются...

– Ники? – рю Вилль внимательно смотрел на нее. – Что происходит?

– Ничего, – она передернула плечами и с трудом отвела глаза от свитков. – Ровным счетом ничего, Трой.

– Я так давно тебя знаю, – усмехнулся начальник Тайной канцелярии, – слишком давно, чтобы позволить тебе врать мне! Возможность, что ты когда-нибудь согласишься стать моей женой, похоже, превратилась в эфир, окончательно и бесповоротно?

Ники обошла стол, подошла к Трояну сзади и обняла. Прижалась щекой к широким плечам старого пирата, грустно улыбаясь. Люди стареют.

Люди уходят. У герцога появились новые морщины у глаз и опустились уголки рта. И седины больше, чем смоляных волос... Все это ровным счетом ничего бы не значило, если бы она любила Трояна рю Вилля. Но она не любила его. Никого-то она не любила...

...Аркаеш, почему Лихай не взял свитки? В минуту опасности те перенесли бы его в безопасное место!

– Я хочу когда-нибудь проводить тебя в последний рейс без горечи и разбитого сердца, Трой, – тихо призналась архимагистр. – Вспоминать как друга и ценить дружбу.

– Ох, Ники-Ники, – преувеличенно тяжело вздохнул тот, однако голос его дрогнул, – ты будешь вспоминать только дружбу? А стол в моем кабинете?

– Стол – непременно, – серьезно ответила она, – и те склады на окраине порта, и какую-то забегаловку на углу улицы Колокольчиков и Макового бульвара, и еще много чего.

– Что ж... Тогда я умру с улыбкой на губах!

– Обещаешь? – она сбоку заглянула в его лицо.

Троян улыбался, но в темных глазах ничего нельзя было прочесть.

Чувствуя себя виноватой, архимагистр по-девчачьи чмокнула его в щеку и перенеслась в Золотую башню. Спустя мгновение появился Брутобрутт – стоящий у него на столе магический колокольчик мелодичным звоном предупреждал, когда хозяйка возвращалась в покои.

– Принести морсу?

– Благодарю, Брут, не хочется. Срочные запросы, дела есть?

– Все в штатном порядке, моя госпожа.

– Тогда ты мне не нужен.

Ухмыльнувшись в бороду, гном поклонился и, исчез, шагнув на порталные плитки. Он-то знал, что нужен хозяйке Золотой башни если не всегда, то часто.

Ники села, закинув ноги на рабочий стол. На нем царил идеальный порядок: секретные депеши сложены в шкатулку, запечатанную соответствующей руной, бумаги выложены по краю стола ровными стопками. В чернильницу налиты свежие чернила, перо остро заточено. Не иначе Брут прибрался.

Где-то далеко блуждал в ласурской чащобе лис в богатой красно-рыжей шкуре. Отсутствие на нем магических маячков лишь удлиняло время поиска для Ники, но искать его сейчас было слишком рано. Вот подготовить почву для появления Лиха в Узаморе стоило, тем более что люди той земли издревле славились нетерпимостью к оборотням.

Раздраженно постучав тонкими пальцами по столешнице, архимагистр подвинула к себе зеркало связи. Разговор предстоял неприятный.

* * *

Внизу, в лесах, уже везде хлюпало – это ласурские родники пробивали себе дорогу из-под снега. Еще немного – и к ним присоединятся рябчики, мускари и пролески. Земля украсит себя взблесками голубого, желтого, белого. Люди говорили: Индари балуется красками, макает кисточку в цвета радуги и стряхивает на землю.оборотни считали первоцветы каплями слюны Арристо, спящего всю зиму, а под весну пробуждающегося и выходящего на ноздреватый снег – на первую охоту.

Поскольку кошачьи во все времена не любили мочить лапы, Тариша и Дикрай уходили в холмы. Здесь, на присыпанных каменным крошечком вершинах, сохранялась с лета сухая жесткая трава и можно было устроить лежбище с подветренной стороны какого-нибудь камня. Охотиться и спать, обнявшись, сплетя хвосты, положив морды друг на друга...

Это была их первая весна. Первая весна для пары – как кровь для детеныша, впервые вышедшего на охотничий зов сердца. Ее помнят до самой смерти: запахи, звуки, прикосновения. Как помнила Тариша их с Дастином первую весну... И как только вспоминала, ее будто холодной водой окатывало.

Дикрай словно почувствовал что-то – приподнял голову, притянул фаргу к себе. Они потеряли счет дням, проведенным вместе, но она часто застывала вот так, смотрела внутрь себя, и в расширившихся зрачках он видел страх и ненависть. Сейчас они – обнаженные, принявшие человеческий облик – лежали в небольшой пещере, образованной двумя склонившимися друг к другу валунами. Холод оборотням был не страшен – разгоряченные почти постоянным движением тела, наоборот, наслаждались прохладой.

– Тари, что с тобой?

– Ничего, Рай...

Она спрятала лицо у него на груди. Ее сильные руки и ноги обвили его тело – такую фаргу, гибкую, мощную, брать одно удовольствие! Дикрай почувствовал, что опять хочет ее, и недовольно поморщился. Не ко времени! Каждый раз, когда он пытается вызвать ее на откровенность, она заставляет его терять голову, но от разговора уходит!

– Почему ты так ненавидишь людей? – тихо спросил он и по

напряжению ее тела понял, что попал в точку.

Она чуть подняла голову. Волосы скрыли обезображенную половину лица. Криво усмехнулась:

– Это так заметно?

– Нет, почти нет. Но я чувствую тебя не так, как другие. Я чувствую тебя...

Он замолчал. Для того чтобы получилась пара, нужны двое. В своей партнерше оборотень был не уверен...

– Ты чувствуешь меня, – пробормотала та. – Рай, люди уничтожили мой клан и долго глумились над моей парой, прежде чем убить. И надо мной тоже. Я оставила шрамы на лице как напоминание о том, что людям нельзя доверять, какими бы благородными и добренькими они ни казались! Иногда я ловлю себя на желании выйти на улицу и убивать направо и налево... Слышать их крики, хруст их костей... Таких мягких костей! Думаю, Арристо не был бы против!

– Арристо больше нет, – Дикрай откинулся на спину, задумчиво смотря в потолок, – бог плодородия сгинул в Вечной ночи, оставив своих детей выживать. Это не очень-то по-родительски!

– Кто ты такой, чтобы осуждать бога? – Тариша резко села. – Мы не знаем, что там произошло, и даже старейшины не вспомнят! Все, что мы можем, – не забывать имя божественной силы, что создала нас!

– Ты права, этого мы не знаем, – согласился оборотень, – но я точно знаю, что люди способны не только забирать чужие жизни, но и отдавать свои – за наши...

– Я не верю, – фыркнула фарга.

Дикрай покосился на нее с усмешкой. Упрямица! Не верит после сумасшедшей эскапады в Крей-Лималль?

Он тоже сел, скрестив ноги. Грубовато притянул ее к себе, сломив легкое сопротивление.

– Я расскажу тебе, чем обязан Вителье Таркан ан Денец, только обещаю тебе, что никто из наших не узнает об этом!

– Обещаю, – кивнула Тариша. В полумраке пещеры глаза ее диковато светились. – Рассказывай!

Пока он рассказывал о встрече с бешеной росомарой, бое и укусе, о том, как, не щадя себя, молодая волшебница попыталась спасти его, и спасла, и едва выжила, – фарга не издала ни звука, не сделала ни движения. Лишь когда он замолчал, заглянула ему в лицо, будто не доверяя. Он спокойно встретил ее взгляд. Она наморщила нос и с сомнением пожала плечами.

– Почему Вита смогла то, чего не могут другие маги?
– Она не такая, как другие маги! Ты вспомни, как эльфы охотились за ней! – Дикрай теснее прижал фаргу к себе. – Я не прошу тебя забыть прошлое и понимаю твою жажду крови. Мне жаль, что случилось то, что случилось, и ты живешь с этим, не отпуская. Но прошу хотя бы попытаться поверить мне: не все люди хотят убивать нас!

Тариша молчала, обдумывая услышанное. Затем потерлась об него головой.

– Мне сложно принять сказанное тобой, но понять я могу... Спасибо, что поделился! И знаешь...

Она замолчала. Дикрай чуть подался вперед, ожидая ее слов. Ему показалось, сейчас она скажет нечто важное, такое, что еще ни разу не говорила.

Фарга неожиданно с силой оттолкнула его и вскочила на ноги. Силуэт ее крепкой фигуры замер у выхода из пещеры.

– Я проголодалась, Рай! Догоняй!

Спустя мгновение мелькнул и пропал полосатый тигриный бок.

Денеш тяжело вздохнул, обращаясь. Толстые лапы не спешили попать землю – он все равно нагонит ее, как бы далеко она ни ушла. Он самец, и ее запах висит для него в воздухе красной лентой, вдоль которой так сладко идти. Запах его самки.

* * *

Герцогиня рю Филонель давно жила вдалеке от родины. Она смогла привыкнуть к громогласности и запаху людей, к их плоским шуткам и скудному интеллекту, к перенаселенным городам, в которых нечистот порой бывало больше, чем пресной воды; лишь к одному она так и не привыкла – к межсезонью всего остального, кроме Лималля, мира. К этой странной границе между осенью и зимой, зимой и весной, границе, тонкой, как комариный писк, и такой же раздражающей. В этот период на Агнушу нападала тоска, она становилась раздражительной и жестокой по отношению к фрейлинам и прислуге, беспричинно упрекала Его Величество Редьярда в том, чего он не делал (или, наоборот, делал), бесконечно ссылалась на головную боль и слабость. Причиной всему была, как ни странно, банальная тоска по родине. Эльфийка отчаянно желала снова ощутить душистый воздух Хрустальных лесов, зачерпнуть прозрачной воды из их водоемов, омыть лицо, трепетной ланью вступить

обнаженной в ласкающие шелка волн, лечь на спину, глядя в медленно кружащийся небосвод... И навсегда забыть Тикрей с его грязью, шумом, интригами! Она мечтала об этом и сейчас, с тоской глядя из окна своих покоев на весеннюю распутицу, взявшую в плен Невьянский замок, работы по внутренней перепланировке и ремонту которого были почти завершены. Агнуша заказывала декоративный камень, обивку, мебель и прочие предметы интерьера только у дорогих мастеров, и те стремились осуществить поставки по крепкому снегу, без задержек, а работы – максимально быстро. Поэтому сейчас бóльшая часть невянских покоев уже могла похвастаться новой обстановкой, современной канализацией и системой водоснабжения с холодной и горячей водой. В одном из заброшенных бальных залов первого этажа донжона был сделан бассейн, который наполнялся родниковой водой из ближайшего леса. Вода подавалась системой насосов, спроектированной Гильдией механиков. Герцогине нравилось по утрам, после горячих и обильных ласк короля, погружаться в этот обжигающе студёный поток, нравился шедший от воды запах снега и, едва уловимый, железа. Хлесткий удар холода по нервам словно пробуждал ее от многовекового сна, делая живой...

Живой...

Агнуша сдержала вздох. Стоило признаться себе, что она устала. Устала жить среди людей. Устала ждать, когда один, не самый худший из них, но однозначно один из самых влиятельных, сделает ее своей женой. Должно быть, она ошиблась в расчетах, не приняв во внимание пресловутую человеческую непредсказуемость!

Взгляд герцогни вяло следовал по хитросплетениям раскинувшегося внизу садового лабиринта. Геометрически подстриженные вечнозеленые кусты казались черными. Полосы грязного снега перемежались с подмокшими, посеребрившими тропинками. Лужайки, покрытые не тронутым пока снежным покровом, по краям потемнели и казались подтухшими. Каскарты, какая тоска!

Позади раздался мелодичный звон: магическое зеркало сигнализировало хозяйке о том, что ее желает видеть кто-то из своих. Герцогиня удивленно обернулась. Давно не поддерживала связи с Лималлем, кто бы это мог быть?

Она направилась к столу, привычно задержавшись у зеркала: великолепно как всегда! Не стыдно будет посмотреть в глаза любому эльфу... Однако в туманной глубине амальгамы герцогиню ожидал совсем не любой эльф, а Ксарион Перкатипотль, советник Мудрейшего по личным вопросам.

– Тени плохих снов да не коснутся вас, личный советник Ксарион! – проявляя уважение, первой заговорила Агнуша. – Это чудо, я как раз думала о родине!

– И вас да не коснутся, прекрасная дочь клана Филонель! – едва заметно склонил голову Ксарион. – Вижу, что пребывание среди людей ни в коей мере не пошло вам во вред! Я поражен вашей красотой, Агнуша!

Герцогиня тонко улыбнулась. Советник по личным вопросам просто обязан был владеть таким непростым оружием, как лесть, и Ксарион пользовался им виртуозно.

– Мне приятны ваши слова, но я хотела бы перейти к делу. Его Величество Редьярд в любую минуту может вызвать меня...

Агнуша откинулась на высокую спинку стула и ослепительно улыбнулась: мол, твое место высоко, Ксарион, но и я не сижу у подножия трона, а по крайней мере стою за плечом Его Ласурского Величества!

– Разговор с деловой женщиной приносит удовольствия не меньше, чем с красивой, – усмехнулся советник, – а в вас сочетаются оба этих качества, Агнуша. Слышит ли нас кто-нибудь? Разговор пойдет конфиденциальный.

Герцогиня щелкнула тонкими пальцами – замок в двери повернулся, а на окно пала занавесь.

– Хорошо, – улыбнулся Ксарион, – вижу, о нашей магии вы не забывали?

– Среди людей есть смысл использовать ее только в бытовом аспекте, увы, – вздохнула эльфийка, – например, чтобы быстрее подогреть воду в купальне или охладить напиток в жаркий день. Я очень занятая женщина, личный советник, у меня нет времени на глупости вроде совершенствования того, в чем я не чувствую себя первой.

– Реальный взгляд на вещи и понимание собственных целей – еще один плюс в вашу пользу, Агнуша, – загадочно произнес Перкатипотль. – Итак, знаете ли вы что-нибудь о последних событиях на родине?

Герцогиня нахмурилась. За судьбой Лималля она не следила уже лет десять или больше, поскольку не собиралась возвращаться, даже несмотря на желание это сделать. Да и что там могло измениться, в этом спящем царстве?

– Завеса пала... – пояснил Ксарион.

Агнуша моргнула. Завеса? Пала? Этого не может быть! Это значит... Но ведь это...

С трудом справившись с волнением, она вновь нацепила на лицо маску прекрасного спокойствия и поинтересовалась:

– Значит ли это, что наши братья и сестры смогут проснуться?

Братья, сестры... и родители! Уснувшие вместе с остальными еще до ее отъезда на Тикрей!

– Уже есть единичные случаи пробуждения, – личный советник был явно доволен произведенным эффектом. – Мы изыскиваем пути пробудить остальных, но все они требуют дополнительных вливаний маны... Артефакты Вечной ночи в Лималле нынче на вес золота! Но не это самое чудесное из того, что произошло, Агнуша!

Эльфийка нахмурилась.

– Не это? Что еще могло произойти, личный советник? Неужели Крей выпустил родину из своих кривых когтей?

Ксарион не скрыл вздоха.

– Увы... Я тоже желаю свободы всем сердцем, как и Мудрейший, однако расстановка сил на политической арене Тикрея явно не в нашу пользу... Предлагаю вернуться к этой теме после того, как большинство сограждан пробудится. Вопрос, который я хочу доверить вам, гораздо более важный. Дети.

– Дети? – изумилась герцогиня.

Дети перестали рождаться в Лималле около двух сотен лет назад. Что явилось тому причиной, сказать было затруднительно: то ли это был побочный эффект Завесы, то ли резко сократившееся эльфийское население, вынужденное все чаще использовать кровосмесительные браки, совсем потеряло способность к деторождению.

– Дети, – нежно улыбнулся личный советник. Кажется, впервые он позволил себе проявление собственных эмоций. – Одна из пробужденных оказалась беременной, и беременность развивается нормально! А в Дайелитель сразу две соотечественницы из тех, кто не спал, понесли от своих партнеров. Агнуша, вот истинное чудо!

Рю Филонель оценила степень искренности советника и позволила себе не меньшую: в восторге захлопала в ладоши и засмеялась. Прекрасно знала, как действует этот подобный звону хрустального колокольчика смех на мужчин.

– Это прекрасная новость, советник Перкатипотль! Я благодарна вам за то, что сообщили о ней! Лучшего известия нельзя было и желать!

Улыбка Ксариона неуловимо изменилась. Перед ней вновь был не просто пятитысячелетний эльф, но эльф, облаченный полномочиями, дарованными самим Мудрейшим. Очень широкими, надо сказать, полномочиями.

– Всегда стоит желать большего, Агнуша, – рассудительно заметил

он. – Однако вам простительно, ведь вы так молоды!

Рю Филонель едва не залилась румянцем, еле сдержалась, хотя кончики ушей все же запылали. Среди людей никто не делал комплиментов ее возрасту, лишь красоте и уму. А для женщины такие комплименты – как глоток свежего воздуха в душной комнате.

– У меня есть и лучшая новость, но касается она не всех эльфов, а лишь пяти эльфиек, в число которых повезло войти и вам! – продолжил советник. – Все, что я сейчас скажу, строго конфиденциально и не должно обсуждаться ни с кем – я подчеркиваю, ни с кем! – из соотечественников, кроме меня. Про остальные расы даже и говорить не буду.

Агнуша подалась вперед и ослепительно улыбнулась. Вот оно!

– Все так серьезно, личный советник? Я вся внимание. В моей лояльности по отношению к информации вы могли убедиться, если навели справки. А вы их навели!

– Навел, – не стал отпираться Ксарион, – подробное досье, заключение семейных целителей, отзывы дриад, образ жизни, предпочтения, в том числе в сексе, чистота крови, наличие в роду больных белой лихорадкой... И не только о вас – о каждой из пяти претенденток!

По мере перечисления брови герцогини все более поднимались вверх. Когда он замолчал, она откинулась на спинку кресла, тяжело дыша. Все оказалось гораздо серьезнее, чем она могла предположить! Гораздо, гораздо серьезнее!

– Вы позволите мне догадаться? – пытаюсь сдержать дрожь в голосе, спросила эльфийка. – Мудрейшему нужен Сосуд для его мудрости?

Глаза личного советника вспыхнули, как у дикого кота на охоте, увидевшего дичь.

– Bravo! – воскликнул он. – Bravo, дочь клана Филонель! Я в восхищении!

– Я рада, – дрогнув ресницами, ответила Агнуша. – И каковы условия?

– Официальный брак с Мудрейшим при условии зачатия, вынашивания и рождения здорового потомка. Пол значения не имеет. Участие в жизни и воспитании ребенка, прививание традиционных эльфийских ценностей, возможно, обучение магии на первоначальной ступени. Он или она должны расти истинными гражданами своей страны, ощущать любовь и заботу, уметь нести ответственность и противостоять трудностям. В общем, от вас потребуется все то, что каждый из эльфов дал бы своему отпрыску...

Герцогиня давно научилась не доверять услышанному и потому уточнила:

– Ограничения?

Ксарион качнул головой.

– Почти никаких, кроме трех! Первое: развод по вашему желанию невозможен. Второе: если вы будете хорошей матерью, у ваших ног будут весь Лималль, сокровищница, свита... Все, что пожелаете! Но ребенок должен оставаться в непосредственной близости от отца. Кроме того, вы должны дать согласие на предварительный осмотр нашим целителем. Данные, что мной получены, несколько... хм... устарели.

– Условия разумные, – усмехнулась Агнуша. – Раньше я бы не задумываясь приняла их... Но теперь мне нужно время на обдумывание. Надеюсь, оно у меня есть?

– Конечно, – уголки рта личного советника приподнялись в волчьей ухмылке, – скажем, до первого месяца лета по календарю страны вашего пребывания.

– Я отвечу раньше, – небесные глаза герцогини потемнели, – и подожду вашего ответа. До первого месяца лета по календарю страны моего пребывания.

Ксарион прищурился.

– Вы опасная женщина, Агнуша, но вы мне нравитесь. Свяжитесь со мной, как только будете готовы дать ответ. Мой личный канал связи прописан в ваше зеркало. До встречи!

Амальгама потемнела. Рю Филонель задумчиво накручивала на палец безупречный локон. Ее сердце дало ответ сразу, едва услышало вопрос. Ответ, удививший ее саму. Теперь стоило выдержать паузу и донести его до личного советника. И после этого она будет знать о своем будущем. Будущем королевы Лималля или безымянной эльфийки, прозябающей где-то на окраине зримого мира.

* * *

Пока Его Величество отдыхал в Невьянском замке, оставшиеся во дворце родственники завели традицию второго завтрака. Первый, ранний, в шесть утра, Бруни по-прежнему готовила сама и кормила мужа в личных покоях. А вот на второй, около полудня, в Малую королевскую столовую собирались Их Высочества и иногда близкие друзья. Принц Колей данное мероприятие посещал редко, ибо ночной образ жизни не способствовал даже полуденному подъему.

Сегодня подавали короля завтраков – омлет с замеченными в нем

перепелами, три вида ветчины, буженину, зелень и «деревенский» хлеб. Последний был предметом особой гордости Старшей королевской булочницы, ибо услышанный на рыночной площади от какой-то торговки рецепт серой булки Ванилла довела до совершенства, пробуя добавки разных трав и ароматических смесей. К краюхе – ноздреватой, с толстой коркой – руки одновременно потянули и Ее Высочество Бруни, и Ее Высочество Оридана, и Его Великолепие Дрюня Непревзойденный! Последний оказался шустрее всех. Посмотрев на вытянувшиеся лица принцесс, шут возвел глаза к небу и елейным голоском произнес:

– О, Пресветлая, молю тебя о мужестве слопать этот дар богов в одиночестве!

Индари молчала.

– Нет? – удивился Дрюня. – Ну тогда, – он лукаво сверкнул глазами, – молю тебя о мудрости! О! Я чувствую ее!

Разломив краюху на три равные части, он отдал две Бруни и Оридане, а третью почти целиком запихнул в рот, заявив:

– Одной божественной мудрости в день вполне достаточно!

Смеясь, Бруни взглянула на гаракенку.

– Ваше Высочество, помните, я говорила про обычай выходить на улицы города и сажать цветы? Мэтр Шабин, королевский астролог и метеоролог, предсказывает, что почки лопнут через три седмицы. А это значит, что будет объявлен Весенний бал, а после – Большой поэтический турнир, и в город съедутся менестрели и труверы со всей страны. Интересно, – Бруни посмотрела на мужа, – а как они об этом узнают?

Тот взял ее за руку, поднес к губам, улыбнулся.

– Я отправил глашатаев по стране еще седмицу назад. Поэтому не волнуйся, родная, приедут все!

– О-о! – Оридана захлопала в ладоши. – Это значит, новые платья, платья, платья...

– И танцы, – вздохнул принц.

Сидящий у ног гаракенской принцессы маленький коричневый щен-оборотень с белым кончиком хвоста залиvisto тявкнул. И тут же получил кусок ветчины.

– Он у вас скоро в двери не влезет, Ваше Высочество, – заметил Дрюня, наконец пережевавший свой ломоть.

Оридана с изящным высокомерием изломала черную бровь:

– Он много бегать! Это Коля все больше спать, а Саник – бегать как часики!

– Часики – ходить! – не моргнув глазом, подсказал шут. – А когда он

обернется, кто-нибудь знает?

Его Высочество коротко глянул на щена и только головой покачал. Саник Дорош явно чувствовал себя в безопасности, оставаясь зверем среди людей.

Маленький оборотень, геройски спасший упавшего в море поросенка Колю, был привезен из больницы решительной Ориданой и теперь обитал в ее покоях. За прошедшее время он стал ласковее и игривее, чем раньше, с принцессой жил душа в душу, и ни ее, ни его не смущало то, что он так и не пробует оборачиваться, оставаясь щенком с белой кисточкой на хвосте. Как относится к приемышу супруги принц Колей – оставалось тайной, ибо в покоях супруги он не появлялся.

– Бедный малыш, – вздохнула Ванилла, тоже делаясь с Саником ветчиной, – охота на тебя взглянуть, какой ты? Шкурка-то в рыжину! Неужели будет рыжий?

– У нас говорить, рыжики – к счастью, – улыбнулась Оридана, и ее глаза повлажнели.

Принцесса скучала по дому. На ее родине весна наступала на месяц раньше, чем в Ласурии, куда устремлялась оттуда на крыльях теплых ветров и океанских течений. В Гаракене сейчас всюду цвели огромные коряжистые акации, обсыпанные мелкими листьями и еще более мелкими цветами, которые источали одуряющий аромат, и ласточки рисовали в высоком небе сакральные письмена, готовясь к многодневному перелету на Тикрей.

– Ваше Высочество, а в чем вы будете сажать цветы? – спросила Бруни, желая отвлечь Оридану от грустных мыслей. – У вас есть подходящее платье?

– О! – оживилась принцесса. – Нет, увы! Надо такое... Прекрасная садовница, да? С передницей?

Дрюня подавился омлетом. Ванилла одной рукой принялась долбить мужа по спине, а другой неаристократично почесала в затылке.

– Ваше Высочество, наверное, имеет в виду передник? – осведомилась она. – Такой фартук, чтобы не испачкаться?

– Да-да! – обрадовалась принцесса. – Фар-тук!

Саник поддержал лаем. Видимо, слово ему тоже понравилось.

Двери распахнулись, впуская... Его Высочество Колея.

Несмотря на мутный взгляд и нетвердую походку, принц был выбрит, причесан и пахло от него приятно. Укропным рассолом.

– Всем добрых улыбок и теплых объятий! – заявил он с порога. – Я в кои-то веки соскучился по семье!

– Действительно, в кои-то... – улыбнулся Аркей, хотя глаза его не улыбались. – Садись, брат.

– О, благодарю, мой господин! – склонился в шутливом поклоне Колей.

Подойдя к Оридане, чмокнул ее в макушку, как маленькую, сел между ней и Бруни, к руке которой приложился с видимым удовольствием.

– Сестренка, в твоем положении стыдно быть такой красивой, – заявил он, пока слуги подставляли посуду и накладывали омлет. – Тебе следует ходить с распухшим лицом, красным носом и толстыми губами, вон как супруга нашего обожаемого шута!

Губы Ваниллы задрожали. Она с оскорбленным видом поднялась, сделала реверанс и выскочила из покоев.

– У Вашего Высочества замылен глаз... Нет, оба! – воскликнул Дрюня, порываясь идти за ней. – Женщина, носящая в себе жизнь, прекрасна уже просто потому, что носит в себе жизнь! При чем тут лицо, нос и губы?

– Действительно, – фыркнул Колей и взглянул на Оридану, внимательно рассматривающую узор на тарелке, – интересно, как будете выглядеть вы, моя дорогая, когда наконец понесете?

По лицу принцессы поползли красные пятна.

Бруни заметила, как на щеках мужа заиграли желваки, и успокаивающе положила ладонь на его руку.

– Вы будете хорошим отцом своим детям, Ваше Высочество? – спросила она.

– Конечно, малышка! – пожал плечами принц, принимаясь за еду. – От отца я научился в совершенстве пользоваться таким инструментом воспитания, как ремень, от старшего брата – нотациями и выговорами. Что еще надо?

Матушка смотрела на него во все глаза. Почему ей казалось, что под маской циничного самца прячется мальчишка с добрым сердцем, однажды навсегда разуверившийся в окружающем его мире?

– Что еще? – пробормотала она. – Ласка, внимание, забота, тепло... Любовь. В вас это есть?

– Или все растворилось в крепких напитках? – мстительно добавил обиженный Дрюня.

Колей повернулся к Бруни и посмотрел ей в глаза.

– Во мне есть все, сестренка; нет только женщины, к ногам которой можно было бы сложить эти дары!

Ее Высочество Оридана встала, подхватила Саника на руки, коротко кивнула всем присутствующим и вышла. Прямая спина, гордая шея... и

истинно королевский шлейф отчаяния.

Аркей осторожно положил вилку.

– Брат, почему ты всегда все портишь?

– Я? – изумился Колей. – Я?! С каких пор правда все портит, брат? Я сказал лишь ее!

– Не вина Ориданы, что ей пришлось стать твоей женой, – заметил наследный принц. – За что ты мучаешь ее?

– Не моя вина, что мне пришлось стать ей мужем, – прищурился его младший брат. – За что мне это? Это ты должен был жениться на ней! Но отец решил иначе...

Аркей и Бруни переглянулись. Если Колей и знал про проклятие лесной ведьмы, долгие годы долевшее над старшим принцем, то знал не все. Например, не знал о том, что, давая согласие на брак Ориданы и Колея, Его Величество Редьярд спасал гаракенской принцессе жизнь, а ласурской династии – саму возможность существования.

– Не нам осуждать его решение, – спокойно сказал Аркей. Мгновение гнева прошло – теплая ладонь жены на его руке была тому порукой. – Признайся себе, брат, брак ничего не изменил и не изменит в твоей жизни! Как и отец, я не стану требовать от тебя верности Оридане, но потребую выполнения протокола! Еще одно обидное слово, взгляд в ее сторону – и ты будешь наказан.

– Да кто ты такой, чтобы наказывать меня? – изумился Колей.

– В данный момент – король Ласурии, – Аркей внимательно смотрел на него.

Под взглядом темных глаз старшего брата младшему принцу стало не по себе. Он поднялся, швырнув салфетку на тарелку.

– Вот и позавтракал в кругу семьи! Спасибо за теплый прием!

И вышел, хлопнув дверью. Следом ушел шут.

Бруни, пригорюнившись, смотрела вслед. Великовозрастного балбеса воспитывать поздно, но что-то с ним делать нужно?

В коридоре Дрюня догнал супругу и привлек к себе с такой страстью, что оба едва не кувыркнулись:

– Не верь никому, радость моя! Ты у меня самая красивая!

И в ту же минуту Ванилла действительно стала прекрасной.

* * *

Чуть изменив настройки зеркала, Ники разглядывала бескрайние

заснеженные пространства с темными пятнами непроходимых чащоб, иззубренные фьордами берега, свинцовую воду Северного моря...

Узамор, страна контрастов, осколок Вечной ночи, более других сохранивший тогдашний климат и природу. Человек, с которым она собиралась побеседовать, не так давно стал полновластным господином этой земли – герцог Аatron рю Воронн, королевский наместник в Узаморе, по высочайшему указу Редьярда Третьего сменивший на посту владетельного герцога Ульверта.

Архимагистр рю Воронна, мягко говоря, не любила. Знала кое-что о его проделках – она о многих кое-что знала, – и не раз ловила себя на желании развеять этого черноволосого красавца в пыль, чтобы и воспоминания о нем не осталось на тикрейской земле. Однако, каким бы ни было желание Ники, архимагистр Никорин развеивала в пыль только по служебной необходимости, а таковой пока не случилось. К ее величайшему сожалению.

Зеркало показало приближающийся Рокунар, древнюю резиденцию узаморских князей, столицу княжества. Ульверта сейчас здесь не было – с облегчением передав Аатрону бразды правления, стодевятилетний старец удалился в уединенную обитель на берегу моря.

Мощные каменные стены, поросшие белым арктическим лишайником, арки и висячие мосты, на которые страшно ступить – такими тонкими они казались, – знаменитые рокунарские мосты без перил, горбатые, с двойными ступенями – настоящее испытание мужества для приезжих. Княжеские хоромы – просторные, террасами взбирающиеся к низкому серому небу.

Подперев кулачком щеку, Ники смотрела на бесконечные коридоры со стрельчатыми потолками, украшенные белыми шерстяными коврами, на залы, отделанные хрусталем и дымчатым кварцем – и то, и другое добывалось в шахтах Серой скалы, где обитала одна из крупных гномьих диаспор Тикрея. Узаморцы любили простор и не боялись холода, только этим и можно было объяснить размер помещений, которые невозможно было обогреть даже большими, щедро украшенными резьбой по камню каминами. Ники с грустной усмешкой думала, что королева Рейвин, в момент прибытия в Вишенрог более походившая на испуганного олененка, получила твердость и силу характера из соков родной земли. Они были очень похожи – Узамор, расцветавший невозможными оттенками летников всего на полтора месяца в году, а все остальное время скрывающий свою волшебную суть под свинцом камней, малахитом лесов и кобальтом моря, и юная принцесса, впоследствии ставшая самой любимой и почитаемой из

ласурских королев.

Архимагистр поморщилась – не любила вспоминать ту давнюю историю... Хотя и собиралась пообщаться с одним из ее непосредственных участников.

Он сидел над бумагами, хмурился и чуть шевелил губами, будто что-то подсчитывал или повторял. Красивый породистый самец с резкими чертами лица и черными волосами. Лишь виски стали совсем белыми. Легкая небритость делала его еще более привлекательным; простой камзол, распахнутый на груди, не скрывал ширину плеч.

Склоняя голову то к одному плечу, то к другому, Ники разглядывала Атрона рю Воронна, а он не знал об этом. Маленькие магические хитрости... В конце концов, архимагистр она или нет?

Его зеркалу наконец позволено было тренькнуть. Атрон поднял отсутствующий взгляд, увидел Ники, удивленно поднял брови.

– Архимагистр Никорин... – Едва кивнул, подлец! – Чем обязан?

– Если вы заняты, Ваша Светлость, я свяжусь с вами попозже, – ележно улыбнулась та.

– Ни в коем случае, – усмехнулся тот, – почтите меня своим присутствием, или будем разговаривать так?

Ники подумала мгновение.

– Пожалуй... я сейчас буду.

Движением руки приманила к себе меховую муфту, открыла портал и шагнула в Узамор, заранее повысив градус в подогревающем коконе. От дыхания Атрона шел пар – это значило, что теплолюбивая Никорин замерзла бы в его покоях уже в первые минуты разговора.

– Вы совсем устроились, я вижу? – прощепетала она, делая шаг на каменные плиты.

Ковры здесь лежали только под столом и у камина, толстые, мохнатые, белые. В такие было бы приятно погрузить босые ступни, если бы не холод. Бр-р... Ники еще чуть повысила градус.

Атрон встал, отодвинул ей стул напротив стола, отметил, как старательно она прячет руки в муфту, и предложил:

– Выпьете чего-нибудь согревающего? Для вас здесь слишком свежо!

– Свежо? Да здесь можно околеть, еще не произнеся приветствия, – сбросила маску любезности архимагистр, садясь и делая жест Атрону, чтобы тоже сядил. Жест, которому нельзя было не повиноваться.

Однако тот промедлил. Все же он был хозяином в своем доме, хоть она могла за мгновение превратить и этот дом, и Рокунар в груды тлеющих углей.

– Обойдемся без напитков, Атрон, – Ники холодно смотрела на него своими глазами цвета озерного льда, зная, как тяжело выдержать *такой* взгляд. – Герцог рю Вилль должен был направить вам секретное донесение о предположительном наличии на территории Узамора угрозы для всего королевства. Надеюсь, вы его получили?

– Получил и изучил со всем тщанием, – спокойно кивнул Атрон. – Данные проверяются. Мои люди нашли две подпольные лаборатории, где – предположительно! – проводились опыты не только над оборотнями, но и над людьми... Но, к сожалению, они давно брошены.

– Рю Вилль знает об этом? – уточнила Ники.

– Пока нет... Эта информация ничего не даст ему. Мы продолжаем поиски.

Архимагистр молча смотрела на него.

– Когда у меня будет что сообщить – я сообщу, – с нажимом добавил герцог.

Ники откинулась на спинку кресла, положила ногу на ногу.

– Что ж, перейдем к делу. С нашей стороны в вашу направляется... тайный агент. Он идет по следу тех бешеных тварей, что попали в Ласурию с севера.

– Оборотень? – уточнил Атрон и поморщился. – Здесь с ними сложно. Вражда пустила слишком глубокие корни. Большинство населения не одобряет последние реформы правительства.

– Им потребуется больше времени, чем остальным, но рано или поздно они поймут и прочувствуют выгоду союза с оборотнями, – пожалала плечами Ники. – Наш агент работает в одиночку, без прикрытия; какую дорогу он выбрал, мы не знаем. Знаем лишь, что рано или поздно он окажется в Узаморе. Мы не хотели бы... упустить этот момент.

Атрон прищурился.

– Не доверяете своему агенту, архимагистр?

– Не доверяю его инстинктам, – не стала скрывать Никорин. – Охотник вроде него, вставший на след, позабудет обо всем кроме дичи. Кроме того, он всегда был несколько... своеволен. И для любой ситуации у него найдется свой оригинальный взгляд.

– Я его знаю? – уточнил рю Воронн.

– Полковник Лихай Торхаш Красное Лихо.

– Кроме всего прочего, доверенное лицо наследника престола, – помолчав, пробормотал герцог. – Если он пропадет без вести на узаморской земле...

Ники молчала. Рю Воронн был негодяем и деспотом, но дураком его не

назвал бы даже злейший враг.

– Вы знаете свою землю, – мягко произнесла она, будто подсказывая. – Знаете лучше, чем кто-либо в Ласурии.

– Я вас услышал, архимагистр, – кивнул Атрон. – Чем еще могу быть полезен?

Ники поднялась, сладко потянувшись. Костюм натянулся на груди, грозя разойтись... Ей нравилось дразнить даже ненужных гусей!

Рю Воронн скользнул по ее телу равнодушным взглядом.

Сын Севера... Кусок льда!

Ступая в мягкий ковер своих покоев, архимагистр Никорин мечтала не о холодных мужчинах – о кружке с горячим брусничным морсом!

* * *

Бруни осторожно приоткрыла створку двери, ведущей в покои Ориданы. Надеялась услышать плач, но дело было куда хуже: хрупкая черноволосая фигурка принцессы недвижно застыла у окна. Саник Дорош лежал под ее стулом, тоскливо устроив морду на лапах. Почувяв чужого, заворчал, однако, разглядев посетительницу, замолчал, продолжая следить за ней умными коричневыми глазенками.

Матушка, поморщившись, покрутила на пальце рубиновый перстень – тяжел был, зараза, но снимать королевский подарок не полагалось по протоколу. Подошла к Оридане, села напротив, взяла ее за руки. Тонкие пальцы были ледяными.

– Что между вами происходит? – мягко спросила Бруни. – Чем мы с Аркеем можем помочь?

Гаракенка перевела на нее сухие глаза.

– Ничего... ничего не происходит! С той ночи... на корабель... он не ночует тут! Как я могу стать беременной без муж? – дрожащим голосом сказала она. – И как можно меня упрячь за это?

– Упрекать, – машинально поправила Бруни. – Ваше Высочество, я сожалею, что брат моего мужа ведет себя по отношению к вам как последний говнюк!

Оридана моргнула.

– Как кто?

– Какашкин сын, – перевела принцесса слово в более понятную для иностранки форму.

Оридана несколько минут смотрела на нее в полном обалдении, а

потом вдруг захохотала. Смеялась она долго, сделавшись неувовимо похожей на дядю, герцога Ориша. Затем вытерла слезы, нащупала под стулом Саника и, втащив его на колени, прижала к себе.

– У меня уже есть малыш! А Его Высочество Колей может спать где ему угодно!

Бруни почесала щена за ушами, заглянула в глаза с безмолвным вопросом: «Ну когда же ты обратишься?» Тот прижимал ушки, вилял хвостиком и на вопрос не отвечал.

– Только помните, Ваше Высочество, что Саник не игрушка, – попросила она. – Вам следует подумать об опекунстве, если вы хотите официально заботиться о нем. Естественно, следует спросить согласия супруга.

Гаракенка смешно приподняла верхнюю губу – явно у своего оборотня научилась скалиться, выражая нехитрой гримаской угрозу и насмешку одновременно. Однако ее голос звучал грустно, когда она сказала:

– Все дети не игрушки, кроме королевских.

Возвращаясь от нее, Бруни всерьез пыталась вспомнить, куда Его Величество дел подаренный цеховым старшиной Виньогретом ремень. Необходимо поговорить с Колеем, но нужно сделать это тогда, когда он будет трезв хотя бы вполонину от сегодняшнего! Как убедить его? И в чем? Что следует любить и почитать супругу? Принцесса мысленно взялась за голову. Бред! Ему не нужны ни любовь, ни почитание! Ничего не нужно, лишь прожигать жизнь день за днем, не задумываясь о будущем. И что с таким делать? Ах, как не хватало ей опыта ее матушки – матушки Хлои! Не хватало отцовских простых и понятных истин. Она даже вообразить не могла, что однажды задумается о воспитании не собственных детей, а одного здоровенного и не очень умного детины, которому жизнь отмерила сполна и здоровья, и знатности, и богатства!

От Его Высочества ни-в-чем-не-нуждающегося принца Колея мысли Бруни неожиданно перекинулись на тех, кто едва сводил концы с концами. Жизненный опыт ясно показывал ей, что богатство или бедность не влияют ни на характер, ни на внутренний стержень человека. Если тот подл – он останется таким и в роскошном экипаже, и в придорожной канаве! Правда, богатым не приходится задумываться о средствах на похороны. На них не собирают деньги всем кварталом, как на вдову Рашписа...

– Григо, – негромко позвала принцесса, идя в этот момент по одной из галерей, стены которой были украшены портретами государственных деятелей и витражными окнами, разбрасывающими по каменным полам пригоршни разноцветных бликов.

Хорошо, что в галерее никого не было, потому что секретарь выступил прямо из стены и почтительно склонился перед Бруни.

– Я здесь, Ваше Высочество!

– Можем ли мы основать фонд? – спросила она, справившись с удивлением.

– Еще один фонд? – уточнил Хризопраз, с готовностью раскрывая голубую папку.

– Еще, – кивнула Бруни, – для сбора средств от добровольцев на похороны тем, у кого нет ни родственников, ни возможности накопить деньги самостоятельно.

– Мы попробуем, – улыбнулся Григо, – отчего бы и нет?

– Отлично! – обрадовалась принцесса. Знала, что, когда Хризопраз говорит «мы попробуем», в успехе предприятия можно не сомневаться! – А сейчас за работу, Григо... Пресвятые тапочки, какое оно тяжелое!

– Кольцо? – уточнил тот, лукаво блестя глазами. – Когда мы дойдем до кабинета, вы его снимете! Ручаюсь, ни я, ни Его Высочество Аркей ничего никому не расскажем!

Бруни благодарно кивнула.

В одну из ночей она все-таки призналась Аркею в том, кто такой Григо Хризопраз. И наблюдала, как меняется выражение лица мужа – со внимательного, серьезного до удивленного, изумленного и наконец возмущенного. Судя по всему, он решил, что это розыгрыш! Но когда понял, что ошибается, затих и долго молчал. Затем притянул к себе взволнованную супругу, обнял крепко как мог и прошептал: «С тобой в мою жизнь вошла любовь – самое большее из всех чудес, что могли случиться! Все остальное... пугающе, но уже не так важно!» Она тогда расплакалась – с какого-то момента любое воспоминание о прошлом стало причинять боль, которую раньше удавалось сдерживать. Видимо, дело было все-таки в «неконтролируемых эмоциях», озвученных мэтром Жужином. На следующий день Его Высочество Аркей вызвал к себе секретаря принцессы и провел с ним несколько часов в кабинете, за закрытыми дверями, отложив остальные дела. Бруни все это время промаялась в гостиной-библиотеке, с ужасом наблюдая, как вылетает из-под дверей дымок, явственно пахнувший серой. Когда двери распахнулись, и принц, и секретарь выглядели как обычно, но смотрели друг на друга как люди, связанные общей тайной. Что рассказал Григо Хризопраз, осталось неизвестным, однако с тех пор Аркей гораздо спокойнее относился к прогулкам жены по городу инкогнито, лишь настаивал на обязательном присутствии личного секретаря.

– Ваше Высочество, сюда идут! – вдруг воскликнул секретарь и исчез, будто его и не было.

Принцесса посмотрела в дальний конец галереи. Крепкий светловолосый силуэт в дверях был слишком узнаваем. «На ловца и зверь бежит!» – любили говаривать оборотни. Бруни развела плечи и решительно пошла навстречу безобразию Ласурской династии.

* * *

Под лапами все чаще попадались островки сухой хвои и плотного снега. Зима здесь не собиралась сдавать позиции, наоборот, укрепляла как могла: укутывала ветки деревьев в снежные меха, подсыпала сугробы под корни. Каждый из сугробов вполне мог оказаться медвежьей берлогой – хорошо, что чуткий нос заранее предупреждал красного лиса о возможности встречи с серыми гризли, которых в Узаморе было полно. Гризли – непредсказуемые, хитрые, подверженные вспышкам гнева – представляли для путешественников по лесным тропам угрозу не меньшую, чем белые полярные волки, которые были вдвое крупнее обычных и к холодам сбивались в стаи. Герцог рю Воронн, вступив в должность, первым делом увеличил количество патентов на уничтожение хищников, впрочем, ограничив охотников территориями вдоль основных трактов. Расширение и укрепление этих самых трактов было вторым важным делом, к которому он приложил руку в качестве королевского наместника. Но сейчас Красному Лиху не было дела ни до герцога, ни до его реформ. Оборотень наслаждался движением, упивался многодневной погоней за призраками, редкими часами сна, трепыхающейся в пасти дичью. Впервые за долгие-долгие годы Лихай позволил своей животной ипостаси надолго взять верх, и ему это нравилось.

Он проверил все следы бешеных, которые нашел, начиная от конца их путешествия, а точнее, от мест упокоения, и пришел к неутешительным выводам. Подозрения герцога рю Вилля подтверждались! Бешеные, все как один, явились с Севера. Они оборачивались людьми, использовали гужевой транспорт или почтовые кареты, чтобы сменить маршрут, шли по воде, стараясь запутать следы, но явно были подчинены некоей цели, невзирая на болезнь... Дурной знак! И каждый из последующих зараженных все ближе подбирался к Вишенрогу, словно стрелы, ядовитыми остриями нацеленные на столицу.

Лис фыркнул, не поднимая носа от земли. Завтра он надеялся достичь

глухих лесов, разделяющих Узамор и Весеречье, которые тянулись до самого побережья, но день нынешний уже клонился к закату. Следовало поискать место для ночлега. Ночевал Лихо чаще всего на деревьях. В человеческой ипостаси забраться на удобную ветку ему было не сложно, а сон на высоте гарантировал возможность проснуться несъеденным. Ему уже случалось поутру разгонять волчьи стаи, терпеливо ждущие, пока добыча свалится с дерева, но то были обычные волки. А здесь, в Узаморе, могли встретиться полярные, которые хотя и были крупнее своих серых братьев, но по деревьям лазить также не умели. Зато умели барсы!

Лисью морду исказила усмешка. Нет, он и в самом деле балдеет от таких перспектив! Давно надо было отпроситься у Арка в дальний вояж и засунуть подальше свою человеческую ипостась! Когда идешь по следу, думая только о предстоящих драках, кошки на сердце не скребут и не нагленют разочарования прошедших дней!

Сзади неожиданно донеслось смешное похрюкивание. Лихай оглянулся и прибавил ходу. Узаморские гризли, особенно проснувшиеся слишком рано, хрюкали похлеще матерых кабанов... до того как зареветь. Что и сделал здоровенный самец-пятилетка, бросившись за чужаком. «И чего привязался?» – лениво подумал оборотень, понадеявшись, что гризли скоро отстанет, ведь известно: медведи долгой беготни не любят. Однако пятилетка оказался упорный. «Да что такое?» – в очередной раз оглянувшись и убедившись в том, что гризли продолжает погоню, удивился лис.

И вдруг ощутил это...

Эту свежесть...

Это биение сердца в ритмике мелкой вибрации...

Эту сладость бытия.

Весна, хоть и не являла цветущий лик заснеженному Узамору, слала своего вестника, главного для всех животных, – Гон.

Пришедший в себя от долгого зимнего сна гризли защищал свою территорию от чужаков!

Поняв, что от него не отделаться, Лихо начал притормаживать, подпуская преследователя ближе. Когда горячее медвежье дыхание едва не коснулось великолепного рыжего хвоста с черным кончиком, оборотень резко остановился и развернулся боком. Налетевший на него гризли перекувыркнулся, смешно сверкнув в воздухе розовыми пятками, рухнул на землю и тут же оказался прижат тяжелым телом оборотня. Не давая противнику двигаться и касаясь его горла кинжалоподобными клыками, Лихо низко зарычал, подавляя его волю. И рычал до тех пор, пока

пятилетка не перестал дергаться и не признал победителя. Лишь тогда, для верности щелкнув зубами, лис сделал огромный прыжок в сторону и помчался дальше, уже не ощущая за спиной погони. На его морде было написано блаженство. «Еще бы со стаей полярных волков... Один на всех... Поищу, пожалуй!»

* * *

Они шли друг к другу с разных концов галереи – маленькая принцесса, сурово сжавшая губы, и не совсем трезвый принц.

– Ваше Высочество, – кивнула Бруни, – есть разговор, но для него вы слишком пьяны...

Криво улыбающийся Колей от удивления едва не запутался в ногах и не упал.

– Ты откровенна, сестренка, – заявил он, подходя и целуя ей руку. – Мы можем подождать, пока я протрезвею, и побеседовать, например, о погоде. Нынче потеплело, Ваше Высочество, с гаракенских берегов задули теплые ветры, значит, и течения не за горами!

– А я настаиваю, чтобы вы прогулялись со мной...

– Куда угодно, малышка!

– ...к мэтру Жужину!

– Зачем? – изумился принц. – Я совершенно здоров!

– Но наследника у вас пока что нет? – прищурилась Бруни, беря его под локоть крепкой ручкой трактирщицы и разворачивая к тому выходу из галереи, что вел в сторону покоев королевского целителя.

Колей попытался вырваться.

– Сестренка, умоляю, не уподобляйся моему братцу-зануде! Тебе это не к лицу... Ты пахнешь так восхитительно...

Он наклонился к ней, со стоном вдохнув аромат ее волос.

Бруни со всей силы лягнула его в голень.

– Оу! – воскликнул принц.

– Я серьезно намерена поговорить... с тобой! – впервые обращаясь к нему на «ты», сказала принцесса. – И не позволю помешать мне в этом! Или ты идешь со мной к мэтру, или – на все четыре стороны, но больше доброго отношения не жди!

Его Высочество взглянул на нее с изумлением и простодушно заметил:

– Ты же трактирщица, малышка! Подавальщица! Как смеешь ты говорить так с особой королевской крови?

– В тебе сейчас вина больше, чем крови, – пожала плечами Бруни, – и – да! – я была трактирщицей и не стеснялась подавать еду и напитки тем, кто в этом нуждался. А ты стесняешься подарить супруге хотя бы одно доброе слово!

Колей очумело затряс головой, перехватил руку принцессы и сам потащил ее к выходу.

– Мне определенно нужно протрезветь. Хотя я уже начал – от твоей, малышка, наглости!

– Меня зовут Бруни, – ровно ответила та.

Мэтр Жужин с наслаждением предвкушал препарирование лягушки. Когда раздался стук в дверь, несчастное земноводное уже сидело на лабораторном столе.

– Войдите! – крикнул целитель, поворачиваясь.

На пороге стояли запыхавшаяся принцесса Бруни и принц Колей со странным выражением лица. У людей с таким выражением мэтр обычно диагностировал запор.

– Дайте мне что-нибудь для трезвости мысли! – рявкнул красный как рак Колей, в эту минуту очень похожий на отца.

Жужин развел руками:

– Но, Ваше Высочество, трезвость мысли – вовсе не ваш конек!

– Дайте ему что-нибудь от опьянения, – устало пояснила Бруни. – Чтобы прийти в себя быстро и без последствий... для трезвости мысли.

– О, тогда конечно, – пробормотал растерянный целитель и отправился к стеклянному шкафу, где стояли на полках различные уже готовые тинктуры.

Выбрал одну, накапал в стакан, долил воды. С поклоном поднес Колею.

– Выпейте, Ваше Высочество!

– Это не то, что было в прошлый раз? – с подозрением поинтересовался принц, беря бокал. – От того у меня были проблемы с...

Он вдруг покраснел еще сильнее.

– Что вы, что вы! – замахал руками Жужин. – То средство я только тестировал, а это старый продукт, не раз испытанный на вашем почтенном батюшке. Пейте.

Колей жалобно посмотрел на Бруни. Та сердито сощурила серые глаза. В зимнем море и то тепла было больше, чем в них.

Тяжело вздохнув, Его Высочество выпил напиток. Покачнулся. Икнул. С благодарностью вернул стакан Ожину и тоскливо оглядевшись, констатировал:

– Не люблю трезвость мысли за серость обыденности! – Перевел взгляд на спутницу. – Ну? Довольна, сестренка? Давай, веди меня на эшафот семейных разборок!

Мэтр смотрел на них с изумлением. Бруни кивнула ему:

– Благодарю за помощь!

Схватила принца за руку и как маленького увела прочь. Тот расстроено качал обросшей головой.

Опомнившись, Ожин вспомнил о заброшенной лягушке, но негодяйки на месте не оказалось – она самовольно решила сбежать от казни во имя науки.

– И что творится в этом замке? – расстроено пробормотал целитель и с тоской поглядел по углам: не шевельнется ли где-нибудь что-нибудь зеленое и лупатое?

* * *

Почтенный Йожевиж Агатский, Синих гор мастер, любил кашеварить. Это занятие совершенно не противоречило образу уважающих себя гномов, поскольку те во все времена обожали покушать и далеко не всегда полагались в этом на уважающих себя гномелл! Нынче Йож колдовал над жарким со свининой, тушенным в горшочках. В печи их стояло около десятка – на обеды и ужины в новый дом гномьей четы по-прежнему любили собираться друзья.

Конечно, дом был совсем не новым: в этот раз они с Виньо жилье не купили, а сняли. И сняли недорого, поскольку стоящий на отшибе дом располагался на задворках квартала пресвятых тапочек, в роце на берегу реки. Молодожены наслаждались уединением и невысокой арендной платой, в будущем планируя покупку дома, который должен был в обязательном порядке обладать требуемыми для дома почтенного мастера качествами: основательностью, крепостью и респектабельностью. Подобные приобретения, как известно, стоили немалых денег, и поэтому Йожевижу срочно требовалась постоянная работа, не связанная с нарушением закона.

Пробуя жаркое, аромат которого уже вовсю витал в небольшой кухне, Синих гор мастер гнал невеселые мысли прочь. В настоящий момент их с Виньо молодая семья не нуждалась в деньгах – вознаграждение за эскападу ласурской бригады оказалось по-королевски щедрым. Но на дом его все равно бы не хватило... Точнее, хватило бы, вот только жить потом на что?

Виньо, как лучшая ученица курса, получала стипендию, на которую могла прокормить только себя, и рвалась работать в больницах по ночам – в ночные смены санитаркам и помощникам целителей платили двойной тариф. Однако муж категорически воспротивился. «Ты моя жена, Виньовинья Агатская, и я желаю засыпать с тобой каждую ночь и просыпаться каждое утро! – сказал он, нахмутив мохнатые брови. – Не для того мы с тобой бегали по лесам, как зайцы, чтобы и в семейной жизни разлучаться по ночам!» Студентка Высшей школы целителей повздыхала... и согласилась. А Синих гор мастер продолжил ломать голову над тем, куда и как устроиться на работу. Он был хорошим ювелиром, любил свое дело и соблюдал традиции мастерства. Его пальцы до сих пор тосковали по инструментам, камням и драгоценным металлам, однако, видимо, этой странице его жизни пришло время закрыться навсегда. Ведь, покидая родину тем образом, каким он ее покинул, Йож лишил себя возможности получить рекомендации почтенных мастеров или старшин Драгобужья, а без них не стоило соваться в ласурские гильдии механиков или ювелиров. Следовало поискать счастья у мастеров-одиночек или в других гильдиях, где требовались ученики или подмастерья. То есть, по сути, начинать все заново.

Гном сдержал тяжелый вздох. Хусним, за все надо платить – это правда. За возможность смотреть в голубые глаза любимой – тоже. Есть ли в этом справедливость?

Он заворчал, как рано разбуженный узаморский гризли. Дурным мыслям и дурным вопросам не стоит давать воли, ведь боги лучше знают, что делают!

На ступеньках крыльца зазвучал топоток, и в дом влетела запыхавшаяся Виньо.

– Торус, какой аромат! Йож, я голодна, как Дробушек! – вскричала она, вешая плащ и сумку с учебниками на одежный крюк у двери.

– У троллей нет чувства голода! – проворчал Йожевиж, любуясь супругой.

Встрепанная, румяная с весенней прохлады, с горящими глазами, она была чудо как хороша.

– Правда? – удивилась Виньо, моя руки под рукомойником в углу кухни.

– Правда, Вителья как-то рассказывала. Им еда вообще не нужна, но доставляет удовольствие. Так сказать, эстетический процесс!

Гномелла села за стол, аккуратно сложила руки перед собой и умильно уставилась на мужа.

Тот поставил перед ней горшочек с жарким, снял крышку, положил ложку.

– Эстетический? – обжигаясь жарким и шипя от раздражения и жадности, переспросила она. – Когда они лошадь с телегой целиком заглывали – это было очень эстетично!

– Ты видела? – улыбнулся Йожевиж.

Ну девчонка, как есть девчонка-заучка! Руки чесались обнять ее, погладить, как котенка.

– Книги надо читать! – назидательно подняла палец Виньовинья. – В книгах – свет мудрости!

– К Аркаешу мудрость, почтенные хозяева, подавайте мясо! – раздавалось от двери.

В дом в обнимку ввалились Дикрай и Тариша – разнеженные, как могут быть разнежены оборотни, отмечающие свою первую весну.

– Проходите, гости дорогие, – заулыбался Йожевиж. – Руки мойте и присаживайтесь!

Что ни говори, а дорога и совместные приключения сближают разных существ, заставляя ощущать друг друга семьей.

– Завтра самостоятельная работа по болезням желудочно-кишечного тракта, – сообщила Виньо фарге, – прогуливать настоятельно не рекомендую!

– А лекции? – тут же наострила уши та, выворачиваясь из объятий Дикрая, к вящему неудовольствию последнего.

Гномелла кивком указала на свою сумку.

– Я почитаю? – воскликнула Тариша.

Не дожидаясь ответа, выхватила из сумки тетрадь и устроилась в кресле у окна, иногда поводя носом в сторону обеденного стола.

– Какие еще-то болезни, кроме поноса? – хохотнул блондин, садясь за стол и с вождением вдыхая носом мясной аромат.

Виньо укоризненно посмотрела на него.

– Ты хоть знаешь, сколько отделов насчитывает желудочно-кишечный тракт? Ты вообще знаешь, что это такое?

– Ну... кишки, – растерялся Дикрай, подтаскивая поставленный Йожем горшочек поближе, – случилось видеть, как они из животов выпадают. Скользкие такие...

– Пр-р-приятного аппетита, – мурлыкнула из кресла фарга, не отрываясь от лекций.

– Ну как можно быть таким необразованным! – схватилась за огненную голову гномелла. Червячка она немного заморила, потому могла

отвлечься от жаркого и поговорить на любимую тему. – Вот слушай: рот, глотка, пищевод, желудок...

– Это все кишки? – с подозрением поинтересовался оборотень, не прекращая есть.

– Молчи и слушай! Тонкий кишечник с подотделами: двенадцатиперстной, тощей и подвздошной кишкой. Толстый кишечник, а в нем...

– Известно, что в нем, – скрывая улыбку, поддел Йожевиж.

Виньо метнула на него негодующий взгляд и продолжила:

– Слепая кишка с червеобразным отростком, ободочная кишка с подотделами...

– А чо он червеобразный? – снова раздалось от двери. – Названия красивше не придумали? Виньо, зачем ты сказала? Как представила, что во мне сидит червеобразный отросток, так и настроение упало ниже Аркашевых тестикул!

– Тори! – обрадовалась Виньо. – Руф!

Поднялась, одновременно с мужем поклонилась гостям.

Сестры Рубаки ответили церемонным поклоном и тоже отправились к рукомойнику.

– Давай закроем тему, – накрыв пальцы Виньо своей ручищей, предложил супруг, – а то так и до заднепроходного, хусним, отверстия недолго осталось! И до любимого кошаком поноса!

– Дизентер-р-рия... – снова мурлыкнула Тариша от окна.

Рубаки в отчищенных доспехах выглядели великолепно и грозно, но носами поводили на жаркое, как и остальные. Нового контракта они пока не заключали, разумно решив, что после приключений в Лималле нужно как следует отдохнуть. Однако оставаться без работы их деятельные натуры не могли, потому они устроились вышибалами в один из трактиров квартала механиков. Работа оплачивалась не ахти, но деньги сестрам Аквилотским были не нужны – хватало от щедрот ласурского короля. А вот потолкаться среди гномьей публики, послушать новости да иногда призвать к порядку уважающих себя мастеров им было по сердцу.

– А что, мастер Йож, ты все еще ищешь работу? – отведав жаркое, поинтересовалась Руфусилья.

– Ищу, почтенная, – коротко ответил тот.

– Гемор-р-рой, – задумчиво проворковала фарга.

– Есть один мастер у нас в квартале, уважаемый кузнец Хлопблехель. Давеча жаловался, мол, не может нормального подмастерья найти. На те деньги, что он предлагает, один молодняк безголовый идет, а ему нужен

человек с понятием. И лучше в годах, дабы ветер в голове не свистел. Что скажешь, почтенный мастер?

Йожевиж, отвернувшись к печи, принялся доставать оставшиеся горшки, чтобы жаркое не пригорело. Ну и дал себе время подумать.

– Я с удовольствием выпил бы с мастером Хлопблехелем пива, – ставя перед Дикраем второй горшочек взамен опустевшего, сообщил он.

– Тогда завтра вечером, почтенный мастер, будь готов вечером в «Длиннобороде», и я вас представлю друг другу! – улыбнулась старшая Рубака.

Йожевиж поклонился с искренней благодарностью.

Руф прекрасно знала об отсутствии у него драгобужских рекомендаций, но ее это не смутило, как не смутила любовная история мастера в годах и молодой гномеллы из знатного семейства. Воистину друзья существуют для того, чтобы помогать друг другу в непростые моменты жизни, а не следовать установленным правилам!

– Я тоже хочу в «Длиннобород»! – заявил Дикрай. – Слышал, там варят отличный темный эль!

Рубака улыбнулась:

– Значит, ты идешь с нами, Рай.

– Куда это приглашают всех, кроме нас? – раздался задорный голос.

– Вита! – Виньо поспешила навстречу подруге, за спиной которой улыбались Ягорай рю Воронн и Дробуш Вырвиглот. – Яго! Дробушек!

– Мойте руки, и за стол! – привычно произнес Йожевиж.

Его настроение улучшалось с каждой минутой. Главное – не поддаваться унынию, не предавать свою любовь, доверять богам и иметь друзей; остальное – дело наживное.

– Пр-р-рободение... – мечтательно пропела Тариша.

* * *

Жемчужиной древнего замка ласурских королей был крытый розарий – круглое помещение в центре донжона, куда выходили несколько дворцовых галерей. Капризные цветы распускались здесь круглый год – не без магического вмешательства, разумеется. Королевский маг, мэтр Просто Квасин, лично контролировал необходимые для этого условия. В числе подарков, привозимых Его Величествам из разных стран, часто встречались экзотические растения. Большинство из них в ласурском климате существовать не могли и тоже нашли здесь прибежище под

дополнительным стеклянным куполом, под которым мэтр поддерживал постоянную температуру, уровень влажности и освещенности. Экзоты крепили и разрастались, обвивая специальные подставки и образуя среди цветочного моря скрытые для посторонних глаз гроты. Поскольку разговор предстоял тяжелый, Бруни именно сюда привела принца Колея, собираясь поведать всю правду о проклятии, наложенном лесной ведьмой на старшего сына короля.

Его Высочество вертел головой, будто впервые попал в розарий. Когда принцесса спросила его об этом, легко ответил:

– Вспоминаю, где и с кем проводил время! Вон в той беседке у меня была такая горячая фрейлина, просто ах... А вот там...

– Сядем! – твердо прервала поток воспоминаний Бруни и за рукав камзола утянула принца в один из гротов. – Я хочу рассказать тебе кое-что и надеюсь на твою честность и честь.

– Даже так? – изумился Колей, покорно усаживаясь на украшенную малахитом скамейку напротив нее. – Ты изменила моему братцу и не знаешь, как сказать ему об этом? Или, – он картинно схватился за голову, – ты только собираешься ему изменить? Со мной! О! Это было бы замечательно!

– Неужели тебя интересуют только победы на любовном фронте? – не выдержала принцесса. – Ведь есть в жизни гораздо более важные вещи: преданность, долг, любовь...

– Ой, не надо! – Колей с брезгливой миной затряс в воздухе кистями красивых рук. – Слышал я эти сказочки и раньше, но для меня они так и остались сказками. Все, о чем ты говоришь, пыль земная, а жить надо сегодняшним днем так, как будто он последний! Люди, знаешь ли, иногда неожиданно умирают!

Бруни пожала плечами.

– Тем более стоит задуматься о том, как ты живешь, чтобы пред ликом Пресветлой не краснеть за прожитое, как помидор!

– Ты позвала меня читать нотации? – прищурился принц, становясь серьезным и даже злым. – Уволь, я ухожу. Мне хватает отца и брата!

– Постой! – она положила ладонь на его плечо. – Я хочу тебе рассказать одну историю. О трактирщице и знатном господине, пришедшем поужинать в ее заведение. И о том, что из этого вышло. А ты слушай и не перебивай меня, хорошо?

От того, что она обращалась с ним ровно, спокойно и как-то... близко, Колею с самого начала было не по себе. Задушевных бесед с придворными он не водил, друзей, как Дрюни у Его Величества, или офицеров полка, как

у Аркея, с которыми можно было бы болтать обо всем и быть таким, какой ты есть, у него не нашлось. А с женщинами о чем вообще разговаривать?

Поэтому в ответ на вопрос он молча кивнул.

По мере повествования Бруни на лице принца проступала гримаса изумления, смешанного с возмущением. Девчонка дурит его, рассказывая о нависшем над братом проклятии, о драконьей чешуе и о том, что свое счастье можно просто так отдать за счастье другого человека!

– Я хочу, чтобы ты понял... Кай, то есть Аркей, тогда не мог жениться на Оридане. Ни на ком не мог! Поэтому твой отец принял такое решение. А дальше... Дальше обстоятельства оказались сильнее нас всех! – закончила говорить принцесса, смахивая со щек невольные слезы. Воспоминания вновь причинили ее сердцу боль.

Его Высочество долго молчал, разглядывая ее, как разглядывают дети удивительную рыбу в аквариуме. Затем поднялся, прошелся по дорожкам, сбивая нежные головки роз резким ударом ладони. Вернулся. Встал напротив Бруни, засунув руки в карманы брюк.

– Я тебе не верю! Признайся, ты это придумала, желая вправить мне мозги! Драконов уже несколько тысячелетий не существует! Ну, положим, я могу поверить в то, что какая-то ведьма, с которой перепихнулся мой отец, решила испортить ему жизнь. Так почему она прокляла Арка, а не его? Уж я бы знал об этом!

Бруни пожала плечами. В душе было пусто, будто там пронесся сильный ветер, выметая эмоции. В очередной раз принцесса задалась вопросом: неужели это все произошло с ней? Удивительно!

– Твое дело, Колей, – медленно ответила она. – Я честна перед Пресветлой и людьми, честна и перед тобой. Тайна, которую я открыла тебе, не исправит прошлое, повернув вспять твою семейную жизнь. Но, возможно, ты перестанешь чувствовать себя несправедливо обиженным малышом, которому подарили не ту лошадку!

– Твоя терминология меня убивает! – пробормотал принц.

– Я говорю лишь то, что вижу, – пожала плечами Бруни, – а вижу я не Его Высочество Колея, а просто Колея – молодого человека, бесцельно прожигающего свою жизнь.

– Молодого? – возмутился тот. – Да я тебя старше на два года!

– А ведешь себя как дитя неразумное, – впервые за время разговора улыбнулась Бруни. – Будь добр, ответь мне: почему?

Принц промолчал.

– Прощу тебя, ради нас всех, будь добрее к супруге! – взмолилась принцесса. – По несчастливому стечению обстоятельств Оридана в любви

оказалась обделена судьбой, как и ты. Но ты дома, Колей. А она – на чужбине!

Его Высочество резко выдохнул.

– Ты просишь меня о жалости, сестренка?

– О сочувствии. Если, конечно, ты знаешь, что это такое!

Принц отступил на шаг назад, оглядел невысокую темноволосую собеседницу с ног до головы.

– Ты до ужаса сейчас напоминаешь мне кого-то, но я никак не могу понять кого! Однако чувствую – когда вспомню, мне это не понравится!

Бруни спокойно смотрела на него своими глазами цвета осеннего моря. Не нервничала, не сердилась – молчала, и было понятно, что ждать ответа – того ответа, что желает услышать, – принцесса может до скончания века.

– Соблюдение этикета, небольшие знаки внимания, цацки – этого будет достаточно? – буркнул Колей.

С братом, буде тот решил бы поговорить с ним об этом, он не согласился бы просто из чувства противоречия. А здесь...

Шевельнулось в душе что-то забытое, теплое и строгое одновременно. Да, его тянуло к Бруни, как к женщине, он был бы не прочь полакомиться такой милашкой, невзирая на то, чья она жена, но тянуло к ней и по-другому... А как – он и сам пока не понимал.

– Принцесса заботится об оборотне, Санике Дороше, – заметила Бруни. – И хотела бы стать его официальным опекуном, но для этого требуется твое согласие.

– Ему мамка нужна, – покачал головой принц, – он же совсем малявка еще...

– У Ее Высочества сердце полно любви и нежности, а детей пока нет... – тихо сказала Бруни.

Колей вскинул на нее глаза. Только один человек на его памяти мог быть мягок, как любящие объятия, и тверд, как алмаз в навершии ласурской короны. Только один человек мог в несколько слов уместить столько смыслов. Человек, которого он оплакивал до сих пор – там, в глубине души, куда никому и никогда не давал доступа. Его мать.

Неожиданно сердечная скорбь вскипела мутной пеной ярости. Никто не достоин того, чтобы быть похожим на нее, Рейвин Моринг, ласурскую королеву! Никто, и тем более эта выскочка, кабатчица, грязная потаскуха!

– Теперь я понял: ты и у себя в трактире сводней подрабатывала, сестренка, – зло рассмеялся Колей. – От прежних привычек трудно избавляться! Вот что я скажу тебе, трактирщица-подавашка, шла бы ты к...

моему братцу и ублажала бы его речами или чем ты там его ублажаешь по своей простецкой традиции! А ко мне не вздумай больше подходить с задушевными разговорами! Или я не посмотрю на то, что ты жена Арка, и оприходую тебя так, как пожелаю. А после расскажу всем, что ты сама прыгнула ко мне в постель!

Он шагнул к ней, тронул сильными пальцами маленький упрямый подбородок... Резко развернулся и пошел прочь – красивый, широкоплечий, светловолосый.

– Ваше Высочество, вы как? – раздался голос Григо Хризопраза, едва принц покинул оранжерею.

Бруни задумчиво смотрела на пылинки, порхающие в солнечных лучах, косо падающих на пол из окон. А затем вдруг улыбнулась секретарю:

– Знаешь, Григо, мне кажется, я наконец до него достучалась!

– Знаете, Ваше Высочество, я уже тоже готов был ему настучать! – в тон ей проворчал Хризопраз.

* * *

Иногда Его Величеству Редьярду Третьему хотелось свернуть в бараний рог гибкое тело своей любовницы. О, этим телом можно было любоваться до бесконечности, ибо оно казалось самой природой: упругие холмы, уютные долины, заманчивые впадины, плавные линии, гладкость, яркие чистые цвета. Но за его великолепием стоял характер, за который Рэд одновременно и уважал, и недолюбливал герцогиню рю Филонель. Если Агнушке что-то втемяшивалось в прелестную головку – выбить это оттуда не представлялось возможным, не воспользовавшись палаческим топором. Мудрая эльфийка чрезвычайно редко показывала упрямство сиятельному покровителю, но уж если показывала, тому оставалось либо гневаться, либо просить помощи у Индари.

После успешной реконструкции внутренних помещений Невьянского замка герцогиня всерьез увлеклась идеей разбить новый сад на месте старого, заброшенного, – с зелеными лабиринтами, фонтанами, изящными беседками и прочей прелестной ерундой, на которую Его Величество обычно не жалел денег и не обращал внимания. Поэтому все разговоры о скором отъезде в Вишенрог Агнуша воспринимала в штыки. А между тем возвращение короля в столицу становилось насущной необходимостью.

– Пора уезжать, – в очередной раз сказал Редьярд любовнице, когда

они после страстной сцены отдыхали, лежа обнаженными на шкурах у горящего камина. – Мое отсутствие порождает массу кривотолков. Самые популярные из них: я подхватил дурную болезнь, вследствие чего сошел с ума и вообще нахожусь при смерти!

Агнуша, устроившаяся к королю спиной, развернулась и легла ему на грудь. На Редьярда обрушился водопад растрепавшихся белокурых локонов, скрыв окружающее.

– Мой дорогой, на эту весну надо задержаться здесь! – промурлыкала она. – Ваш сын со всем справляется, справится и со слухами! Он истинный правитель, перенявший эту черту от отца. Природа оживает, скоро тут будет просто великолепно! Я уже подготовила план разбивки нового сада! Мы будем с вами гулять, болтать о пустяках... В столице мне так не хватает вашего внимания!

– Вам вполне хватает внимания свиты, а болтать о пустяках королю не к лицу, – хохотнул Рэд, с удовольствием сжимая ее упругие ягодицы. И выдал главный аргумент: – Ласурии нужно срочно укреплять отношения с Драгобужьем, а в смутные времена, наступившие после смерти Крампполтота, это непросто!

Эльфийка гневно взглянула на короля и отстранилась:

– Какие-то гномы вам дороже меня, Ваше Величество?! Меня, которая выполняет все ваши прихоти и терпит гульбища с простолюдинками! Меня, которая обожает вас! Меня, что уже столько лет рядом с вами как... верная жена!

– Мое золотце, – Редьярд выпустил ее попку и почесал свои яйца, – настоящая королева не упрашивала бы меня остаться в Невьянском замке, гулять по саду и болтать о пустяках, когда на носу встреча с гномами!

Эльфийка на мгновение выпустила когти, оставляя на его груди красные полукружия. Только это и дало королю понять, что удар достиг цели и любовница в бешенстве.

– Вы правы, Ваше Величество! – холодно сказала Агнуша, поднимаясь и в чем была направляясь к двери. – Я не королева! И, если я правильно поняла вас, никогда ей не стану!

Король молча ждал, когда она покинет спальню, хлопнув дверью с такой силой, что зашатались позолоченные канделябры у входа, и лишь потом с облегчением произнес:

– Вы меня правильно поняли, дорогая...

Створка приоткрылась. На лице Редьярда отразилось изумление – герцогиня если обижалась, то надолго! Однако в образовавшуюся щель проник большой кожаный нос, поводил по воздуху и вытянул за собой

Стрему. Весеречский волкодав эльфийку не терпел и старался держаться от нее подальше.

Его Величество потрепал радостно процокавшего к нему пса по загривку, позвонил в колокольчик, вызывая прислугу, и отправился в купальню.

Вода с шипением вырывалась из крана, в бронзовой ванной играли радостные пузырьки. Конечно, от Агнушки был толк – подвергнутый капитальному ремонту замок с оборудованными системами канализации и водоснабжения тому пример! Но отношения слишком затянулись... Пришла пора расставить всё по своим местам.

Опускаясь в горячую ванну, король неожиданно вспомнил о жене, о которой старался вообще не вспоминать. Как много общего, оказывается, связывало его с Рейвин... Дети, устремления, отношение к народу и государству. Да почти всё, кроме любви! Пойми он это тогда, много лет назад, смог бы сделать счастливее себя и ее?

Вода ласкала кожу и не давала ответа. Как и прошлое.

После завтрака Его Величество задумался, чем бы занять день. Сезон охоты уже окончился, поскольку живность готовилась производить потомство, и королевские егеря начали регулярные объезды лесов для отлова браконьеров. Любовные утехи в ближайшее время королю не светили. Пожалуй, ему следовало обсудить с Арком кое-какие рабочие вопросы, чтобы возвращение в столицу не было слишком... напряженным. Под вздохи заснувшего у камина сытого волкодава Редьярд потянулся к зеркалу связи. Несмотря на обеденное время, наследный принц ответил сразу. Зеркало показало знакомую обстановку кабинета за его спиной.

Аркей склонил голову в приветствии:

– Отец, добрых улыбок и теплых объятий тебе!

– Теплые объятия и эльфы несовместимы, сын! – улыбнулся Его Величество и сразу взял быка за рога: – Вот гномы – другое дело! Что у нас с твоим визитом в Драгобужье?

– Протокол согласован с другой стороной и с архимагистром Никорин, – ответил принц.

– Ники? – удивился Редьярд. – А она зачем?

– Я отправляюсь в ее сопровождении.

Его Величество нахмурился.

– А с кем еще?

Аркей пожал плечами.

– Мы будем вдвоем и не задержимся там на время большее, чем понадобится, чтобы продемонстрировать участникам Великого мастерского

схода клеймо Крамполтота на кристалле с договором.

– Чье это решение? – осведомился король нехорошим голосом.

– Мое, – сын не отвел взгляда. – У гномов нет короля на троне, поэтому я не стану задействовать для встречи полный церемониал. Но мой личный визит в сопровождении ласурского архимагистра будет говорить им о том, что мы ценим отношения с ними и считаем их более чем дружескими.

– А так же о доверии... – задумчиво протянул Редьярд. – Хм... Мне не по душе твоя затея!

Аркей спокойно ждал продолжения. Его Величество намеренно затянул паузу – он всегда, когда позволяла ситуация, испытывал старшего сына на прочность. Лучше он, чем действительность, которая обрушится на Арка, когда его, короля, не станет!

– Но я с тобой соглашусь, – довершил Рэд, не добившись от сына ни признака беспокойства. – Самому мне отправиться к ним будет не по чину, а ты подойдешь в самый раз!

Принц кивнул.

– Благодарю, отец!

– А что, твоя жена носит мой подарок? – вдруг спросил король.

Арк едва заметно смешался, однако быстро взял себя в руки и честно ответил:

– С трудом, но носит...

– Перстень еще бабки моей, учти это! – поднял палец Его Величество. – Семейная реликвия ласурских королей! Так что пуцай носит и не пищит!

Его Высочество кивнул:

– Я передам.

– Передай еще, что я соскучился по ее стряпне, – улыбнулся в ответ король и без перехода поинтересовался: – А что у нас с Королевским советом? Сколько прошений об отставке подал рю Саднес?

– За прошедшее время – три.

Редьярд вздохнул.

– Тяжело старику... Что ж, рано или поздно придется удовлетворить его просьбу, однако нужно подготовить преемника. У меня есть на примете офицер, которого я начал бы продвигать, не задумываясь, если бы не одно обстоятельство.

Арк выжидающе смотрел на него. Вот ведь... сын своей северной матери!

– Твой кровник, – пояснил король, – полковник Лихай Торхаш.

Принц моргнул.

– Но я никогда этого не сделаю, – продолжил Редьярд. – Да, мы начали реформы и неплохо продвинулись, однако и до сих пор остались три вещи, которые делать не стоит. Во-первых, давать оборотням слишком много воли. Во-вторых, демонстрировать народу, что мы даем оборотням слишком много воли. И в-третьих, позволять народу выражать недовольство тем, что мы дали слишком много воли оборотням. Еще не время доверять им, как себе...

Аркей подался вперед, будто хотел прервать отца, но тот повелительно махнул рукой:

– Ты меня не понял! Как человек, друг, побратим – доверяй, пожалуйста. Но как государственный деятель – нет. Поверь, еще рано. Люди не увидели их на нашей стороне! Отдельных представителей – да, но не всех! И пока этого не случится, не стоит будить спящую собаку!

– Я не могу представить себе ситуацию, в которой это может произойти, – пожал плечами Аркей.

– Вот видишь, сын, – укорил Его Величество. – Ты, *ты*, который стоял у истоков слияния наших народов, не видишь перспективы, а что тогда говорить о простецах, которые не заглядывают дальше своей мощны? Поэтому я предложу другую кандидатуру в твое будущее окружение. Ведь наступит момент, когда я уйду... не в отпуск, и Королевский совет будет принимать или оспаривать не мои – твои решения! Этого человека ты сделаешь своим главнокомандующим, потому что он хорошо тебе знаком, предан короне и опасен! Опасен так же, как и твой драгоценный Лихо.

Принц слушал, испытывая противоречивые чувства. Нет, мудрость отца для него пока недостижима! Он, Аркей, строит планы на ближайшее десятилетие и воплощает их в жизнь, в то время как настоящий король заглядывает в далекое будущее!

Его Высочество откинулся на спинку стула. Этот урок он запомнит. Как и предыдущие.

– И кто же он, отец?

– Ягорай рю Воронн.

* * *

Ягорай рю Воронн распустил пояс.

– Твоя стряпня, Йож, выше всяких похвал!

– Благодарю, Яго, – поклонился польщенный гном, – я люблю

готовить, когда время позволяет и никуда торопиться не надо. Но, Руфус стукни меня по темечку, самое вкусное жаркое все-таки с костерка! И когда в котелок намешано...

– ...всякого мусора, – лукаво блестя глазами, перебил Дикрай, – вроде веточек пахучих, грибов неизвестного происхождения, ягодок волчьих, мха...

– Камушки иногда попадались... – добавила от окна фарга.

– Подлый, хусним, поклеп! – возмутился Йожевиж. – Когда это вам попадались камешки в моей каше? Когда это я использовал грибы неизвестного происхождения и какие-то палки?!

– Йож, взгляни на довольную морду кошака – он тебя уел! – засмеялся Яго.

За прошедшее время он стал смеяться гораздо чаще, и причина была рядом с ним: зеленоглазая волшебница, неуловимо похожая на дикую кошку.

– Грибы вообще-то полезны, – хихикнул оборотень, – особенно с необычными свойствами.

Ягорай внимательно взглянул на него.

– Рай, я чего-то не знаю?

– Погоды на завтра? – тут же сориентировался тот.

– РАЙ?

– Ну ладно, ладно, – блондин примиряюще поднял ладони. – Помнишь ту кордыбанку? Глюкозимую такую?

– Э? – наострил уши Дробуш, аккуратно скребущий ложкой по дну горшка.

Яго кивнул. А сидевшая рядом с ним волшебница воскликнула с нетерпением:

– Ну?

– Ну... – смущенно сказал оборотень, хотя его морда порозовела от удовольствия, – Дробуш ее съел... почти всю, но кусочек выронил. А я его прихватил, когда мы уходили из той пещеры... и в воду кинул. От греха подальше!

– В воду? – не понял Ягорай. – В какую воду?

– Ну река там у них, помнишь? Статикс...

Вителья неожиданно схватила за щеки и посмотрела на Яго. А тот на нее. И оба захохотали...

– Что? – обиделся Дикрай. – Что я сделал-то?

– Если в ближайшее время популяция эльфов в Дайелитель увеличится, мы будем знать, кто в этом виноват, – отсмеявшись, пояснил

Ягорай. – Тот приток, в который ты у грота выкинул кордыбанку, питает Цитадель. А это значит...

– Йа-ху! – противный голосок раздался раньше, чем появился его владелец. – А это значит, что двое дев в Дайелитель уже понесли от своих мужей! И еще пятеро понесут в ближайшее вре-мяу!

В середине стола само собой освободилось место, на которое тут же водрузилось плотное тулово с кошачьей головой. Подтянуло к себе горшочек Виты, отняло у обиженно взывшего тролля ложку и принялось есть, почавкивая и причмокивая.

Взглянув на очаг, Йож облегченно вздохнул: на приступке стояло еще несколько горшочков. На всех хватит, хотя орава, конечно, та еще!

– Знаешь что, почтенный бог, – произнес он и за шкуру поднял со стола Кипиша, достигшего размеров подвинка. – Руки ты не вымыл! Давай, отправляйся!

– Это произвол! – заверещала черноволосая красавица, трепетно прижимая к груди горшочек. – Я буду жаловаться своей жрице!

– А я не стану слушать! – Вита показала ему язык. – Почтенный мастер, дай мне добавки! А то этот паразит меня объел!

– Паразит? – возмутился божок, роняя горшочек. – Я? Да я причина бытия! Средоточие миропорядка! Абсолютный закон!

– Руки мой, абсолютный закон! – скрывая усмешку, сказал Йожевиж, подтаскивая его к рукомойнику.

Виньо смеялась вместе со всеми. Так хорошо рядом с друзьями, даже когда в душе серым котенком скребется тревога. О том, как отец воспримет ее послание. О том, стоит ли говорить о письме мужу.

– Все! – Тариша захлопнула тетрадь и подкинула в воздух. – Я добралась до... Не скажу, до чего я добралась, но о кишках я теперь знаю все! И мои, кстати, пусты! Почтенный Йож, позволь отведать твоих яств? Руки вымою сама!

* * *

Ники разглядывала лежащую на столе крысу, обычную, городскую, из тех, что роются в рыночных помойках, щеголяя розово-черными чешуйчатыми хвостами. Шкурка грызуна с левой стороны была испачкана кровью.

– Я хотел бы, чтобы вы взглянули на нее поближе, архимагистр, – отчего-то волнуясь, говорил мэтр Жужин. – Дело в том, что ко мне

обратился член магистрата, ответственный за санитарное состояние столицы. Снег сошел почти повсеместно, и под ним обнаружили многочисленные крысиные тела, подобные этому. Их исследовали на предмет инфекции, но никаких доказательств найдено не было. Причины смерти грызунов – либо рваные раны на теле, либо, как вот здесь...

Ожин растерянно развел руками и шагнул назад, давая Никорин возможность ближе подойти к столу.

Архимагистр склонилась над крысой, поворошила тонкими пальцами мех, разглядывая едва заметный след на коже в районе сердца, словно от прокола. Чем-чем, а брезгливостью она никогда не страдала.

– Вы выяснили, что это, мэтр?

– Больше всего это похоже на... колотую рану со смертельным исходом! – Жужин взглянул на нее с вызовом. – Только не сочтите меня сумасшедшим!

– Во дворце все немного сумасшедшие... – философски заметила Ники, поднимая тельце за хвост и осматривая его со всех сторон. – Удар был достаточно силен, а орудие убийства – длинно. Крыса пронзена насквозь! А что вы там говорили о рваных ранах? Откуда они, установили?

– Похоже, – мэтр казался совсем растерянным, – они просто перегрызли друг друга!

– Бешенство? – насторожилась волшебница, но тут же опомнилась. – Ах, нет! Вы же сказали, что наличие инфекции не подтвердилось! Все это очень странно, Ожин, вы правы! Спасибо за загадку, я подумаю о ней на досуге!

Архимагистр вернула крысу на стол и, кивнув целителю, вышла. Направилась она в дворцовую библиотеку, располагавшуюся в восточной башне и занимавшую три ее внутренних яруса. Книжки, среди которых попадались как весьма редкие, так и весьма странные, многие века собирались безо всякой системы представителями королевской династии. Встречались здесь трактаты о правильном принятии родов и об умывании росой на заре, рыцарские романы, не все из которых можно было показывать младшим Ласурингам, бестиарии, домострой, жития святых, и прочее, и прочее, и прочее. Одна из стен почти полностью была занята брошюрами и свитками о соколиной охоте, которой увлекалась прабабка Редьярда... Ники и сама не знала, зачем идет в библиотеку, раздумывая о крысиных смертях, однако она всегда следовала своей внутренней потребности, если таковая возникала.

В одном из пустующих коридоров от стены отделилась высокая тень и преградила ей дорогу. Архимагистр подняла недоумевающий взгляд и

наткнулась на... теплую насмешку в солнечных глазах Гроя Вироша. Не говоря ни слова, оборотень притянул волшебницу к себе и властно забрал ее губы поцелуем. Ники ответила по привычке, а потом разозлилась. На другого. Тоже по привычке. Однако досталось этому. Стукнув долговязого оборотня по фактурным плечам, архимагистр отступила.

– Что? – удивился тот. – Что-то случилось?

– Я занята! – отрезала она и, обойдя Вироша, двинулась дальше.

Но тот вновь встал у нее на пути.

– Мы давно не виделись...

Никорин предупреждающе подняла ладони.

– Грой... не сейчас. Я не в настроении!

– У архимагистров тоже болит голова? – сощурил он желтые глаза.

Ники молча смотрела на него и понимала, что соскучилась. Несмотря на то что Вирош был неутомим в любви, ее удовольствие всегда ставил выше своего. Редкое, надо признать, качество в мужчинах. А у нее так давно никого не было...

– Приходи в башню в полночь, – наконец сдалась она.

Резко обогнула оборотня и пошла прочь. В душе царил раздрай, причина которого, к сожалению, была ей совершенно ясна. Это число один приносит в нашу жизнь ясность. А число два – путаницу.

На пороге библиотеки Ники тряхнула головой, отгоняя ненужные мысли, и с тоской оглядела деревянные перила парапетов, похожие на прилегших отдохнуть толстых змей, и ряды книг на полках. Какого Аркаеша ее потянуло сюда, в место, полное мудрости и сумерек? Она щелкнула тонкими пальцами, зажигая светильники в стеклянных, покрытых пылью колбах, и прошла в центр помещения. Смахнула на пол медвежью шкуру, покрывающую кресло, села, откинулась на спинку и закрыла глаза. Сколько она не была тут? Десять лет? Двадцать? Больше?

Здесь царила оглушительная тишина, порождающая ощущение, что книги беззвучно перешептываются друг с другом, обмениваясь содержимым страниц и иллюстраций, скрывая лукавые улыбки корешков. Ощущение, недостижимое для обычного человека, но для Ники дело обстояло по-другому. С некоторых пор слова «реальность», «бытие», «мироздание» перестали быть для нее набором букв, оказавшись живыми и объемными. Все чаще против воли волшебницы действительность воспринималась с потрясающей ясностью, делаясь многоплановой и одновременно цельной, хотя Ники старалась не заострять свое внимание на тех мгновениях, когда умудрялась видеть не только мир, но и его изнанку, его отражения, его вечность... В такие минуты она переставала

чувствовать себя человеком. Наверное, возросшее в последние столетия могущество позволило бы ей увидеть свою дальнейшую судьбу, однако архимагистр не желала ее знать. Потому что однажды поняла: знание – не сила, а боль...

Стоя рядом, Ясин и Ники рассматривали гору, чью верхушку скрывал вечный туман.

– Интересно, каково это – войти в облако? – хмыкнул Зорель, обнимая подругу.

– Попробуем, мой капитан? – тут же отозвалась она.

В ее глазах отражались туманные пласты, отчего они казались темнее, чем были на самом деле.

– Говорят, туда никому нет дороги, – напомнил Ясин.

– Мы слишком долго искали это место, чтобы поверить слухам простецов, – пожалала плечами Никорин.

И первой ступила на узкую тропу, едва различимую в камнях. Потянула Зореля за собой.

– Идем же!

Вскоре тропа исчезла из вида. Туман – молочный, густой, вязкий – клубился вокруг, с любопытством касался влажными пальцами лиц, плеч и рук незнакомцев. Пока он был не опасен, но откуда тогда это ощущение, что призрачная сущность воздуха и влаги в любой момент может обратиться в ледяной кокон, в котором ты застрянешь, как муха в янтаре?

– Тебе тоже кажется?.. – спросил Зорель, и Ники, не дослушав, резче, чем хотела бы, ответила:

– Да!

Они остановились. За туманом не было ничего; казалось, и под ногами ничего не было. Не видно было серого камня, которого касались подошвы. Муха в янтаре? Нет, два мига, застывших в вечности между прошлым и будущим.

– К скату мороки! – заиграл желваками Зорель.

Испуганным не казался. Резко развел руки в стороны, приказывая туману разойтись. Тот дрогнул.

– Мы искали тебя тридцать лет, Белый старец с Безумной горы, – звучным голосом вскричал Ясин, – искали не для того, чтобы повернуть назад!

«Для чего?»

Ветер ли прошелестел, или тонкая струйка камешков, стекшая с бока утеса на тропу, грозя потянуть за собой камнепад?

– Мы слышали, ты один из магов, переживших Вечную ночь! И хотели бы учиться у тебя! – крикнула Ники. Ее звонкий голос будто увяз в тумане.

«Чему?»

– Всему! – не смутился Зорель. – Мы владеем Силой, но не владеем знанием! Знание мы хотели бы получить от тебя!

«Не владея знанием, вы не владеете ничем! Уходите!»

Ясин и Ники переглянулись. Взялись за руки. И упрямо шагнули вперед, сойдя с пустоты... в пустоту.

Архимагистр открыла глаза. Надо же, задремала! Стареет, что ли? Решительно встала и пошла туда, куда упал взгляд сразу после пробуждения. Взбежала по ступеням на первый ярус, приоткрыла тяжелую дверцу шкафа и вытащила на свет здоровенный талмуд. На обложке значилось: «Дворцовые интриги Ласурингов и их место в социополитике Тикрея».

– Вот ведь... – Ники добавила несколько витиеватых морских выражений.

С раздражением засунула книгу обратно, захлопнула шкаф и пошла прочь, чихая от поднятой резким движением пыли.

* * *

После разговора с Колеем принцесса Бруни вернулась в кабинет, поцеловала мужа, который, казалось, врос в стул и – руками – в кипы бумаг на столе, и до вечера проработала бок о бок с ним, сидя на своем рабочем месте и иногда перекидываясь репликами с Григо. Секретарь, расположившийся напротив, одно за другим подавал ей прошения, заявления, сметы и другие документы.

– Ваши Высочества, ужин подавать? – раздался из-за двери звонкий голосок старшей горничной Катарини Солей.

Собственно, вопрос Катарини означал, что ужин сервирован и ждет. Она, как и герцогиня рю Воронн, строго следила за режимом будущей мамы.

Григо тут же встал. Дождался, когда принцесса подпишет очередное прошение, забрал документ и подал ей руку, помогая.

– До завтра, Ваше Высочество! – он изящно поклонился и ушел, к облегчению Бруни, унося до утра голубую папку с вензелями.

Они с Каем тут же посмотрели друг на друга, как заговорщики.

– Все стынет! – Катарина из-за двери добавила холода в голос.

Аркей поднялся, потянулся с хрустом, покачал головой.

– Родная, с этим надо что-то делать! Я чувствую себя деревянным...

Бруни подошла к нему, прижалась к груди. Синий мундир, в котором он предпочитал работать, царапал щеку жесткой тканью.

– Тебе нужно движение, – вздохнула она. – Биться на мечах, ездить верхом... А я боюсь верхом! А на мечах не умею!

Принц засмеялся. Обняв ее за плечи, повел к двери.

– Индари упаси тебя биться на мечах! Я, пожалуй, поучаствую в полевых учениях старшекурсников Военного университета. Они там носятся как угорелые, особенно оборотни... Боюсь, поначалу буду отставать!

– Это только поначалу! – улыбнулась Бруни.

Гвардейцы, стоящие за дверью кабинета, услышав голоса, распахнули створки, выпуская их из кабинета, как из тюрьмы, в малую столовую, и вышли, печатая шаг. На ужин нынче никто не был приглашен. У стены вытянулся в струнку адъютант принца Лисс Кройсон, у стола присела в реверансе старшая горничная. Бруни внимательно посмотрела на нее, прежде чем занять свое место за столом, – показалось, или веки у Катарины припухли?

– Можете быть свободны, – сказал Аркей, когда горничная сняла крышку с блюда с жарким из птицы и овощей.

Катарина вышла, не поднимая глаз и не заметив, что Лисс поспешил открыть перед ней дверь, будто она была не горничной, а знатной дамой. Бруни проводила их задумчивым взглядом. Кажется, в ее окружении наметилась очередная проблема, решать которую придется ей. Подняла глаза и наткнулась на лукавый взгляд мужа.

– Снимай! – улыбнулся он.

Она вначале не поняла. Чуть не вспыхнула по привычке, а потом рассмеялась, с облегчением стаскивая с пальца королевский подарок.

– Это перстень моей бабки, – пояснил принц, беря его в руки и разглядывая на свету. – Да, умели в прежние времена делать вещи, не чета нынешним! Его и кузнечным молотом не сплющить!

– А мне дорого вот это! – Бруни протянула ему руку со скромным колечком, украшенным опалом. – Возможно, какая-нибудь наша правнучка будет говорить подругам – мол, умели в прежние времена делать вещи, не чета нынешним: простые и изящные!

Аркей поймал ее пальцы, поднес к губам.

– Родная, это так здорово... То, что ты говоришь! Но мы обязательно

должны поссориться!

– Почему? – удивилась принцесса.

– Родители всегда ссорятся, выбирая имя для ребенка!

– Разве в нашем случае у нас есть выбор? – пожала плечами она. – Мне казалось, все очевидно: сын получает имя Его Величества, а если будет дочь – Ее Величества.

С мгновение Аркей смотрел на нее, а потом спросил:

– А как же твои родители?

– Ваше Высочество, не надейтесь, что отделаетесь только одним ребенком! – рассердилась Бруни. – У меня должен быть шанс дать детям и такие имена, как Эдгар и Хлоя!

Принц, перегнувшись через стол, обнял ладонями ее затылок. От прикосновения его теплых сильных пальцев по спине Бруни пробежал холодок, а в животе, наоборот, разлилось тепло. Принцесса вспыхивала от малейшего прикосновения мужа и каждый раз удивлялась этому, как чуду. С того, первого раза на палубе его яхты – и до сих пор!

– Стоп! – тяжело дыша, Аркей оторвался от ее губ и сел обратно. – Сначала ужин, потом прогулка по дворцовому саду, полезная будущей матери, и только потом я предъявлю на тебя свои права, как тиран и деспот!

– Ты умеешь быть тираном? – уголками губ улыбнулась Бруни, ожидая, пока он положит ей на тарелку овощи и птицу.

– И докажу это! – кивнул муж.

Такие разговоры по вечерам, за ужином, стали их традицией. Они подшучивали друг над другом и делились достижениями за день, спрашивали совета... Обычно спрашивала Бруни, а Аркей отвечал, но бывало и наоборот.

– Отец сегодня удивил меня, – сказал принц, – настоятельно порекомендовал в мое окружение одного бывшего офицера...

– Что-то не так с этим офицером? – насторожилась Бруни.

Супруг пожал плечами.

– Не знаю... Но отец ничего не делает без причины. Ягорай рю Воронн служил в моем полку в звании лейтенанта, был награжден за отвагу во время войны с Креем. Сейчас он – один из тайных агентов рю Вилля. Опыт у него, несомненно, большой, но скорее полевой, тактический. А отец прочит его ни много ни мало в Королевский совет!

– Насколько я знаю, количество мест в Совете ограничено... – задумчиво произнесла принцесса. – Значит, кто-то должен будет уйти?

– Ты моя умница, – засмеялся принц. – Главнокомандующий рю Саднес подает прошения об отставке чаще, чем обычно. Будь я королем,

давно бы отправил его на заслуженный отдых, но ты знаешь отца – он держится старой гвардии до последнего.

– В смысле опыта это оправданно, – развела руками Бруни. – Я тоже не знаю, кем заменю Пипа, если когда-нибудь он не сможет стоять у плиты! Да, в трактире есть Питер, и он отлично справляется с простой кухней, но понятие кулинарии гораздо шире печеного картофеля, жареного мяса и вафель!

Аркей покивал, показывая, что соглашается с примером, и продолжил:

– А теперь, родная, представь, что тебе навязывают Питера на место Пипа в «Старом друге» – когда трактир откроется, естественно. Причем навязывает человек, которому ты не можешь отказать. Первый вопрос, который возникает в связи с этим...

– ...Почему именно его? – воскликнула Бруни. – Кай, тебе следует заняться этим и все выяснить. Его Величество предпочитает держать в рукаве туза, так вытаски его! Кто предупрежден – вооружен! В конце концов, ты должен быть уверен в тех, кто окружает тебя!

Его Высочество слушал жену, лаская ее взглядом. Приятно иметь дело с женщиной, которая тает от твоего прикосновения и восхищается твоим умом. Но гораздо приятнее – с той, что понимает тебя и поддерживает. Единомышленник... Он думал, что это слово можно применить только к мужчинам: друзьям, сослуживцам. И ошибся.

* * *

Его Величество, прервав бессрочный отпуск, наконец вернулся во дворец вместе со свитой. И замок ласурских королей моментально стал напоминать народную больницу имени королевы Рейвин в период эпидемий. По коридорам бегали с выпученными глазами фрейлины и пажи, потерявшие друг друга и своих господ, носились, сбивая ноги, горничные и слуги с тазиками, полными горячей воды, подносами с едой и напитками, бритвенными станками и стопками чистого или грязного белья. То тут то там раздавалось дружное ржание свиты Его Высочества Колея, с возвращением отца воспрянувшего духом. Красные мундиры вновь заняли свои места у дверей королевских покоев, а в кабинете Его Величества запылал камин, который Аркей предпочитал не разжигать. Перед камином разлеглась новая прекрасная медвежья шкура – продукт прошлого сезона охоты, на которой с неменьшим удовольствием разместился волкодав Стрема, прибывший во дворец вместе с хозяином, к радости всех

местных сук.

Наследный принц вернул королю алмазный венец – символ власти, – облегченно вздохнул и тут же с головой ушел в подготовку к визиту в Драгобужье, на которую оставалось всего три дня. Кроме того, в столицу уже начали стекаться на Весенний бал и сопутствующий ему Большой поэтический турнир менестрели, труверы и артисты со всех концов Тикрея. Магистратские волшебники старались вовсю, растапливая лежалый снег, и городские мостовые и газоны уже было не узнать. Садовники рыхлили землю, как сумасшедшие кроты, готовя ее к массовой посадке цветов, в которой могли принять участие все желающие.

С первым приведенным теплым течением кораблем в Вишенрог прибыл герцог Фигли Ориш, кузен Его Гаракенского Величества Йорли II. Невысокий, смуглый и жилистый герцог был полон сил и энергии и после официальной процедуры назначения его распорядителем двора Ее Высочества Ориданы развил бурную деятельность, стремясь, по его выражению, «поднять дух» любимой племяннице. Ориш действительно относился к дочери своей младшей сестры как к родной. Как человек опытный, он и без ее жалоб понял, что происходит, и принял единственно верный тон – деловитый и жизнерадостный. Человеческая судьба была не так благосклонна к «его девочке», как судьба коронованной особы, однако герцог не падал духом и не собирался позволять этого племяннице. Вечером, накануне визита принца Аркея в Драгобужье герцог и Оридана сидели в розарии, наблюдая, как свита Ее Высочества мечется по дорожкам, вылавливая из-под каждого куста Саника Дороша, которого охватила страсть к копателству.

– Мне не в чем упрекнуть королевскую семью, дядя, они добры ко мне... все, кроме мужа. Ее Высочество Бруни опекает меня как младшую сестру – жаль, что она не родная сестра мне! – рассказывала Оридана, грустно улыбаясь. – С ней в нашем дворце было бы больше порядка, а Харли не вырос бы таким похожим на Колея!

Герцог сочувственно похлопал ее по руке, оглянулся на крики фрейлин в дальнем конце оранжереи и спросил:

– Этот щен действительно оборотень? Ведет себя как совершенно невоспитанная собака!

– Ребенку нужно движение! – возмутилась принцесса. – А с обращением у него проблемы. Мне кажется, он перестал доверять людям и не хочет быть такими, как мы.

– Но тебе, по твоим же словам, он доверяет? – уточнил Ориш.

Оридана вздохнула. И вдруг лихо свистнула. Спустя мгновение Саник

– в земле по самые уши – стоял на пороге беседки.

– Ах ты мое горе горькое! – по-ласурски сказала принцесса, поднимаясь и беря его на руки. – Грязное какое, фу!

Умные карие глазенки Саника блестели так радостно, что никакому «фу» места в них не находилось.

– Видимо, доверяет не настолько, что стать самим собой, – Оридана села рядом с дядей, усадив щенка рядом и принимаясь кружевным платочком оттирать с него грязь. – Но я нужна ему, дядя, я это точно знаю! Поэтому хочу оформить опекунство – как Ее Высочество Бруни над своим воспитанником Веславом Гроденом из клана Черных ловцов.

Фигли с сомнением прищелкнул языком. Потрепал оборотня по лобастой голове, обратил внимание, как тот настороженно смотрит, хотя и не скалится.

– Ори, змейка моя, а если он никогда не сможет обернуться? – спросил он. – Ты принцесса, дитя королевского дома Гаракена; ты должна быть дальновидной и рассматривать все варианты. Я думаю, стоит подождать, пока этот ребенок не докажет, что может быть человеком. И только после этого принимать решение об опекунстве! Люди не поймут, если ты официально станешь опекать... собаку! Животному опекун не нужен – ему нужен хозяин.

Принцесса порывисто прижала к себе щенка. Тот твякнул, вырвался, соскочил со скамейки и снова унесся к вождленным розам. Оридана не поднимала глаз на дядю, раздумывая. Умом понимала: он прав. Сердцем рвалась к обладанию существом, которому – знала! – нужна. Но что такое сердце для отпрыска королевского дома? Не более чем эфемерная надежда когда-нибудь стать... обычным человеком. Не это ли роднило ее с оборотнем, неспособным к обороту?

Ориш взял руки племянницы в свои.

– Змейка моя, я лишь прошу не торопиться! Подумать! Ты же знаешь, я всегда на твоей стороне, какие бы мысли ни приходили в твою красивую, но сумасбродную голову!

Оридана вскинула взгляд. Фигли смотрел на нее с грустью.

– Вы видели его? – воскликнула она. – Видели?

Герцог тяжело вздохнул и отвел глаза.

– Прошу! – с мукой в голосе прошептала принцесса. – Лишь пара слов!

– Это будут печальные слова, Ори, – так же тихо ответил Ориш. – Иракли Ракеша нет в живых. Он погиб зимой в стычке на границе с Дикоземьем.

Будто почуяв неладное, Саник появился на пороге, как чумазый дух с блестящими глазами. Внимательно посмотрел на застывшую изваянием принцессу, побледневшую до синевы, вспрыгнул к ней на колени, подsunул голову под руку. Она растерянно погладила его, вздохнула судорожно, и вздох больше был похож на всхлип. Выпрямилась с сухими глазами:

– Отец отправил его на границу специально, я знаю!

Ориш сжал ее руку.

– Он просто отправил его подальше от тебя, Ори! Остальное сделала судьба!

– Судьба, – прошептала Оридана и поцеловала Саника между ушами. – Проводи меня в мои покои, дядя, я плохо себя чувствую...

В другое время она обратила бы внимание на платье, измазанное грязными лапами щенка, на упавший на пол платочек. В другое время. Не сейчас.

* * *

Деловое утро Драгобужья традиционно начиналось в пять утра. Архимагистр Никорин, лежа в своей постели и не открывая глаз, вслух проклинала Драгобужье, гномов, их понятие делового утра и Бруттобрута, который, стоя у кровати, нудным голосом читал статью двести сорок седьмую Магического кодекса. Единственное, что могло заставить волшебницу проснуться, когда она этого не желала, был канцелярский язык с обилием юридических терминов.

Завершая особо затейливое проклятие, архимагистр отметила, что секретарь, вторым голосом цитирующий по памяти статью, ни разу, мать его, не сбился!

– Хватит, Брут! – сдалась Ники и открыла глаза. – Я встаю!

– В четыре тридцать...

– ...Меня ждут у Его Величества, я помню! А сейчас сколько?

– Половина четвертого...

– Кракенские блохи!

Архимагистр со стоном скатилась с кровати и отправилась в купальню. По возвращении ее ждали чашка с горячим морсом и пара тонюсеньких сухариков, намазанных маслом. Позавтракав, она заглянула в гардеробную Башни. Выбранный костюм был брючным, кожаным, строгим. Белоснежная рубашка и пара украшений, за каждое из которых гномы добровольно отдали бы лучшие шахты, завершили образ.

– Я во дворец, – сказала она, спустившись вниз.

Бруттобрут разбирал бумаги по стопкам: доклады, отчеты, прошения. Кивнул, показывая, что услышал. Буркнул:

– Удачи!

– Благодарю, – улыбнулась Ники.

И с этой ослепительной улыбкой впорхнула в кабинет Его Величества, где уже собрались сам Редьярд, оба его сына, рю Вилль, первый министр Свин и начальник королевской канцелярии Викентий Висконсин, невысокий и спокойный мужчина с внимательными серыми глазами и седеющими висками.

Волкодав Стрема сладко дрых у камина, на зависть всем присутствующим.

– Добрых улыбок и теплых объятий, Ваше Величество! – Ники склонилась в изящном поклоне и с тоской покосилась на пса. – И всем присутствующим!

– В Большой тронный зал, – буркнул в ответ Его Величество, однако, проходя мимо волшебницы, скользнул глазами и по черной коже камзола, обтягивающей высокую грудь, и по глубокому и узкому вырезу белой рубашки, соблазнительно проглядывающему в белопенных кружевах.

Рю Вилль, улыбаясь, предложил архимагистру руку. Если начальника Тайной канцелярии и беспокоило предстоящее мероприятие, по нему никак нельзя было сказать об этом. Ники обменялась с ним многозначительным взглядом и посмотрела на Его Высочество Аркея. Старший принц был спокоен и собран, будто не в Драгобужье собирался, а не тренировку. В парадном полковничьем мундире он выглядел представительно, если не сказать роскошно. «Осанку особ королевской крови подделать нельзя!» – подумала Ники и вспомнила о совсем другой осанке. Сердце тревожно сжалось: от герцога рю Воронна до сих пор не поступило вестей насчет рыжего лиса. Никаких донесений не получил и Троян рю Вилль.

– Все нормально, Ники? – поинтересовался шедший рядом принц Аркей.

Архимагистр ослепительно улыбнулась:

– Не беспокойтесь, Ваше Высочество, я буду начеку, когда придет время.

И выбросила из головы сторонние мысли. У нее будет время заняться поисками Лиха, а сейчас нужно сосредоточиться на главном сегодняшнем событии – посещении в компании старшего принца Великого мастерового схода гномов Подгорного царства и Драгобужского наземья.

В тронном зале уже было полно народу. Непривычные к раннему

подъему придворные непрестанно зевали и возбужденно перешептывались. Однако шепотки смолкли, едва ведомая королем процессия миновала двери. Его Величество поднялся на трон, не обращая на присутствующих ни малейшего внимания. Младший сын встал за правым плечом – на место старшего. А старший вместе с архимагистром остановился внизу – у ступеней, ведущих на тронное возвышение. Стоя рядом с принцем, Ники обводила глазами толпу. Вот, в первом ряду, Ее Высочество Бруни. Только непривычная бледность выдает ее волнение. Герцогиня рю Воронн поддерживает принцессу под локоть, будто опасается, что та упадет в обморок... Ники усмехнулась про себя. Не дождется, не тот у Матушки Бруни характер! Чуть позади – принцесса Оридана, выглядит тяжело больной, с чего бы? Неужели от недостатка мужского внимания? Нет, на мужа не смотрит, таращится в пустоту. Кусает и так уже искусанные губы, кажущиеся ярко-алыми на пожелтевшем от бледности смуглом лице. Хм...

Шут Его Величества, в камзоле цвета тусклого золота и с кузнечным молотом в руках (и откуда только взял?), легко взбежал на возвышение, отсалютовал королю орудием труда и опустился на первую ступеньку у его ног. Не иначе в пику гномьему Хранителю Молота устроил представление! Хорошо, что у гномов, как и у Рэда, с юмором все в порядке!

Ощутимый холодок прошел по нервам. Воздух перед ступенями завибрировал – с той стороны пытались открыть портал. Началось!

Ники посмотрела на короля. Тот кивнул.

Архимагистр поймала энергетический поток, потянула и переплела со своим, давая возможность portalу открыться на обе стороны.

Толпа придворных раздалась в стороны. С пола внутри образованного ими круга поднимался зеркальный бутон на тонкой ножке, распускал лепестки, показывая внутри сумерки Подгорной тронной залы, в которой в то же мгновение вспыхнули настенные факелы. Залили неровным светом каменные своды, выхватывая насупившихся бородачей, стоящих плечом к плечу вокруг костяного возвышения с пустым тронном, украшенным радужниками и шпинелью. Уж насколько Ники была несентиментальна, но при виде его сердце екнуло. Пустой трон в данном случае символизировал осиротевший народ, а не обезглавленную власть!

С другой стороны портала гостей ожидал почтенный Тоннертротт. Хранитель Молота вежливо склонил голову, метя пол длинной белой бородой. Волшебница заметила его короткий взгляд, брошенный на радостно улыбнувшегося Дрюню, и... скрытую в бороде ухмылку.

– Идите! – приказал Редьярд. – И да будет к вам милостива Индари!

Принц Аркей низко поклонился Его Величеству и первым шагнул в

портал. Ники ступила следом. Поискала глазами архимагистра Драгодруга, Синих гор мастера, нашла, дружески улыбнулась. Старик лукаво блеснул глазами.

Хранитель Молота поклонился гостям первым, не теряя достоинства, но... чуть ниже положенного. Аркей кроме поклона ответил благодарным взглядом, признавая в Тоннертротте несомненного сторонника заключения договора между Ласурией и Драгобужьем.

Портал за спинами парламентаров схлопнулся, скрывая зал Вишенрогского дворца и оставляя смутное ощущение тревоги. Ники, стоящая за Аркеем, чуть изменила позу, окидывая взглядом слепую зону за спиной. Внешне все было спокойно – гномы по-прежнему молча наблюдали, не делая резких движений. Поставить бы щит на всякий случай, да нельзя: явное проявление недоверия отпугнет жителей Подгорья, щепетильных в подобных вопросах.

– От имени гномов Подгорного царства и Драгобужского наземья приветствую вас в Чертогах Синих гор, уважаемые гости! – прокрипел Тоннертротт. – Проследуйте за мной к королевскому трону, дабы с возвышения продемонстрировать присутствующим здесь почтенным старшинам предмет нашей встречи!

Хранитель Молота повернулся и тяжело пошел к костяным ступеням, на которых его ожидал коротышка даже по гномьим меркам, до того упакованный в доспехи, что казался железным ядром с ручками и ножками. На его шее, точнее, на ее отсутствии висела золотая гривна Королевского стража спокойствия. Этот смешной, выглядящий неуклюжим гном, с таким же неуклюжим и смешным именем – Трумпель, – был не менее опасен, чем драгобужский архимагистр.

Его Высочество Аркей, подойдя, поклонился ему с большим уважением. Среди гномов прошел одобрительный шепоток: ласурский наследный принц, которого многие видели впервые, не кичился принадлежностью к царствующему дому, выказывая уважение тому, кто был его достоин!

Тоннертротт встал рядом с Королевским стражем. Принц остановился на той же ступеньке, а Ники осталась стоять внизу. Отвернувшись от них, скользила равнодушным взглядом по присутствующим, гадая, откуда может последовать нападение.

– Светоч мудрости и почтенный мастер Торус, Благоприятствующий детям своим, вместе с братом Руфусом-воителем да будут свидетелями этому событию! – неожиданно мощно провозгласил Хранитель Молота. – Ваше Высочество, договор, подписанный Его Величеством Крамполтотом

Первым, находится у вас?

– У меня, – спокойно ответил Аркей.

В его лице не было никакого усилия, однако хорошо поставленный голос свободно разнесся по залу, не скрывая ни слов, ни интонации.

Ники внутренне усмехнулась. Принц умеет казаться тихим, когда ему это нужно.

– Вы готовы предъявить его по первому требованию любого из цеховых старшин, собравшихся на Великом мастеровом сходе? – подал голос Трумпель.

– Готов, уважаемый Королевский страж.

– Кто из вас, почтенные старшины, хочет первым удостовериться в подлинности договора? – снова вступил Тоннертротт.

– Я! – раздался громкий голос. – Я хочу удостовериться в том, что ласурцы пытаются обвести нас вокруг кирки!

Из толпы выступил могучий черноволосый гном, чьи кудри и борода были заплетены в тугие косы и украшены колокольцами.

– Кроссмост, – прищурился Хранитель Молота, – подойди к нам, уважаемый, дабы взглянуть на печать Его Величества.

– Все никак не уймется, – проворчал Трумпель, по-медвежьи переступив с ноги на ногу и шагнув ближе к принцу.

Его Высочество Аркей разжал ладонь. Когда он успел достать крупный радужник, Ники не заметила, поскольку следила за обстановкой в зале. Камень блеснул гранями.

Бородач шагал к трону неспешно и так, что присутствующим становилось понятно: он уверен в том, что увидит подделку. Гномы зашептались, кто-то сделал шаг вперед, потянул вверх сжатый кулак – вызваться следующим.

– Остановись, Кроссмост! – прогремело под потолком.

Ники вскинула руки, но вовремя опомнилась. Драгодруг, Синих гор мастер, бессменный архимагистр Драгобужья, в честь которого даже был назван магический университет славного города Грапатука, спустился со своего возвышения и теперь семенил к трону, придерживая полы простой серой мантии, торчащей из-под классического гномьего кожаного камзола в заклепках и ремешках.

– Позволь, сын мой, – прогнусавил маг, подойдя к Кроссмосту и без труда отодвигая его в сторону, – позволь удостовериться, что присутствующая здесь могущественная волшебница не наложила на камень обманные чары!

В глубине его черных, как время, глаз плясали озорные искры. Ники

чуть было не захохотала, но вовремя опомнилась. Отличный ход, дабы показать свое недоверие к Ласурии той партии гномов, что выступала против заключения договора! Показать – и лишить их возможности после выдвигать необоснованные обвинения!

Архимагистр Драгобужья покопался в кармане камзола, достал лупу на тонкой цепочке, поднес к глазам и склонился над ладонью Аркея. Архимагистр Ласурии понимала, что это не более чем представление, однако чувствовала себя идущей над пропастью по корабельному канату – тысячелетний опыт делал Драгодруга равным ей противником, а таких на Тикрее было по пальцам пересчитать. Одной руки.

– Камень без чар! – спустя несколько минут заявил маг. – Радужник отличной чистоты и прекрасной каратности! Печать, то бишь личное мастерское клеймо Его Величества Крамполтота Первого я подтверждаю!

Кроссмост издал свистящий звук. Так пищит бульон в котелке под крышкой, стремясь изойти мутной пеной.

– Все-все, я уже ухожу, сын мой! – по-старчески прошамкал Драгодруг и, спустившись со ступеней, вернулся на свое место.

– Взгляни, уважаемый старшина, – Тоннертротт сделал приглашающий жест, подзывая Кроссмоста.

Тот, как прежде маг, склонился над радужником, метнув в принца злобный взгляд. Лицо Его Высочества Аркея не выражало ничего, кроме вежливого внимания.

Терпение Хранителя Молота лопнуло спустя пятую минуту топтания, вздыхания и бормотания Кроссмоста.

– Будь добр, сообщи наконец нам свое мнение относительно подлинности договора, – проговорил он.

«...Или вали отсюда!» – мысленно завершила Ники.

Однако черноволосый гном сдаваться не спешил. Обернувшись к толпе, он воскликнул:

– Я не верю Ласурии! Они всегда нас обманывали!

– Что дает тебе право так говорить? – возмутился седобородый старшина Вафельсхеер. – Зачем ты позоришь нас перед гостями?

Молчание толпы лопнуло, как натянутая ширинка. Никорин только головой покачала: вот откуда мнение о гномах как о заросших сквернословящих коротышках! За пару минут последующего гвалта она узнала столько новых ругательств, сколько не слышал обычный человек за годы всей своей жизни.

Королевский страж спокойствия с беспокойством поглядывал на наследного принца, однако тот вел себя так, будто ничего не происходит.

Спину держал прямо, на цирк смотрел с вежливым интересом, руки не убирал – камень на его ладони переливался всеми цветами радуги, будто насмехаясь над гномами.

И вдруг стало тихо. В полном безмолвии почтенные старшины по-прежнему широко раскрывали рты, размахивали руками, напрыгивали друг на друга и бились лбами, заколачивая аргументы в сознание оппонентов. Однако постепенно дикость ситуации начала доходить и до них. Гномы растерянно расходились, с подозрением поглядывая друг на друга, терли многострадальные лбы и принимались в задумчивости жевать бороды.

– Дети, дети... – прозвучал укоризненный голос архимагистра Драгодруга, – нет на вас короля, что взял бы ремень и выпорол бы вас, почтенные, за неуважение к моим годам и закону гостеприимства! Кроссмот, вернись на свое место молча, тебе ведь нечего сказать нам? А вы, уважаемые старшины, встаньте в очередь и каждый – каждый! – подойдите и посмотрите на клеймо, что ваш король старательно выводил на договоре, борясь со смертью! Кто первый?

– Я!

Из толпы вышел знакомый Ники гном, рыжий как костер. Цеховой старшина Виньогрет подошел к Его Высочеству Аркею и поклонился с достоинством и уважением. Принц ответил тем же.

– Это клеймо Крамполтота, – внимательно оглядев радужник, сообщил Виньогрет. – Я узнаю камень! Я сам видел, как король выводил клеймо на нем! Руфус и Торус мне свидетели!

Он сошел со ступеней и пошел прочь, неся на широченных поникших плечах скорбь по другу, каковым был ему король Подгорья и Драгобужского наземья. Его настроение передалось окружающим. Один за другим, молча, гномы подходили к Аркею, разглядывали камень, выносили вердикт и возвращались – будто к телу подходили прощаться. Потеря вновь стала слишком явной, слишком острой. Пустой трон возвышался над ними немым укором.

По истечении двух часов больше половины гномов признали клеймо подлинным. Остальные отделились расплывчатым «затрудняюсь сказать», но и этого было достаточно, чтобы ратифицировать договор между Драгобужьем и Ласурией.

– Передайте Его Величеству Редьярду, – сказал Хранитель Молота, – что мы ждем его предложений по составу совместного комитета по взаимодействию!

– Непременно передам! – ответил Его Высочество Аркей. – Предложения будут направлены вам в ближайшие дни!

– Не держите зла на наших буянов, – подошел к нему драгобужский архимагистр. – Они потеряны и подавлены. Как оставшиеся без отца дети...

– Никакого зла между нами быть не может, – твердо ответил принц, – ведь у нас общие цели – мир и благоденствие Тикрея!

– Воистину! – грохотнул подкованным каблуком Трумпель.

Драгодруг кивнул Ники, и та мгновенно раскрыла портал в тронный зал Вишенрогского дворца.

Его Величество Редьярд раздраженно листал какие-то бумаги, подаваемые секретарем, а Дрюня сладко спал, положив голову на кузнечный молот. Половина придворных разошлась, другая скучала и обменивалась сплетнями.

Шут, встрепенувшись, поднял голову.

Аркей еще раз поклонился – как-то у него получилось сделать это сразу для всех гномов – и, ступив в портал, покинул Драгобужье. Ники поспешила следом, бросив благодарный взгляд на Драгодруга, и услышала, как Тоннертротт говорит старшинам:

– Великий мастеровой сход не закрыт, потому прошу никого не расходиться!

– А? Что? – отчаянно зевая, поинтересовался Дрюня. – Ваше Высочество, вы с гномами уже решили, где в Ласурии будет располагаться филиал Гнилого лабиринта?

* * *

Когда ожидание принца Аркея из Чертогов Синих гор затянулось, герцогиня рю Воронн настояла на возвращении Бруни в ее покои.

– Лисс остался дежурить. Как только Его Высочество вернется, он сразу же сообщит нам хорошие вести! – говорила она, уводя принцессу из тронной залы.

Это Бруни и сама знала. Кроме того, Григо всяко донес бы до нее информацию быстрее, ибо у него уши и глаза, казалось, были одновременно во всех уголках дворца. Но разве сердцу прикажешь не волноваться? Идя по коридору в их с Каем башню, принцесса нервно сжимала руки, как вдруг что-то толкнулось внутри. Будто провели изнутри по животу гибким птичьим пером. Странное ощущение – сильное и легкое одновременно! Она резко остановилась, прижав ладони к телу.

– Что такое? – тут же насторожилась Фирона.

Бруни подняла на нее полные восторга глаза.

– Ребенок... Я его чувствую! Он шевелится!

Герцогиня даже порозовела от волнения, всплеснула руками.

– Ну конечно, шевелится! Это же жизнь, Ваше Высочество! Это новая жизнь в вас бьется, как второе сердце!

– Поздравляю, Ваше Высочество! – тепло добавил Григо из-за спины. – Думаю, Его Величеству будет приятно узнать об этом!

– Пусть сначала узнает Его Высочество принц Аркей! – возразила Фирона.

А Бруни поймала себя на мысли, что не хотела бы делиться радостной вестью ни с кем, кроме Кая! Новое чувство было таким... глубоким, сильным и очень личным. Пожалуй, герцогиня рю Воронн права, самое лучшее сейчас – скрыться в башне и побыть одной, баюкая волнительное ощущение.

Однако, едва принцесса осталась одна, тревога за мужа набросилась с новой силой. Бруни пыталась работать, бесцельно перебирая бумаги, проглядела счет за отделочные работы, которые шли полным ходом в трактире «Старый друг», но не поняла ни одной цифры, побродила по кабинету, посидела на стуле Аркея за его рабочим столом. На глаза попала программа полевых сборов студентов Военного университета. Некоторые даты принц отметил – похоже, действительно собрался поучаствовать. Бруни в задумчивости взяла перо и дописала пару слов в одну из строк, затем поднялась и принялась вновь кружить по кабинету, ощущая ласковые поглаживания внутри живота. Там явно резвился какой-то котенок, ластился, выгнув спинку. Успокаивал.

– Кушать хотите? – заглянула в кабинет Катарина.

– Нет, благодарю, – отозвалась принцесса, спохватилась, взглянула вопросительно на горничную.

– Новостей нет, – покачала головой та.

Ее лицо показалось Бруни отекившим.

– Катарина, зайди, – приказала она. – Присядь вот сюда, на стул Григо. И расскажи мне: что с тобой происходит?

Старшая горничная вскинула глаза и тут же опустила. Послушно села на указанное место. Тонкие пальцы затеребили край белоснежного фартука.

– У меня все хорошо, Ваше Высочество! – пробормотала она. – И скоро будет еще лучше!

На последних словах ее голос дрогнул. Бруни это не понравилось. Подойдя, она за подбородок подняла к себе лицо служанки. Да, оно действительно изменилось. Совсем чуть-чуть. Но для девчонки из квартала

мастеровых, ежедневно общающейся с кучей народа, этого было достаточно.

– Ты ждешь ребенка? – мягко спросила она.

Катарина, не отвечая, кивнула. Закусила губу. Сейчас, видя ее так близко, Бруни поняла, как извелась горничная: под глазами залегли тени, щеки запали.

– А отец ребенка знает об этом?

Горничная отчаянно замотала головой. Всклипнула, закрыла лицо руками.

– Так, – сказала принцесса и села на свое место. Невольно положила руку на живот, в котором, как метко заметила Фирона, теперь билось второе сердце.

– Вы меня выгоните? – сдавленно спросила Катарина. – Теперь выгоните?

– Пресвятые тапочки! – воскликнула Бруни. – Я хочу, чтобы мои люди доверяли мне, и мне казалось, ты мой человек в этом дворце, Катарина! Неужели ты думала обо мне так плохо, что попыталась скрыть беременность? Почему? Разве я когда-нибудь обижала тебя, относилась не по справедливости?

Катарина, всегда спокойная, энергичная, с улыбкой на губах, мгновение смотрела на нее в величайшем волнении, а затем неожиданно разрыдалась.

– Расскажи мне все! – приказала Бруни голосом, каким обычно велела Виеленне убрать грязную посуду со столов, если та запаздывала.

И зашуршала бумагами, пытаясь вчитаться в смысл и давая девушке успокоиться. Мансарда в «Старом друге», превращенная в галерею для картин мастера Вистуна, была закончена: потолок и стены покрашены, пол настелен. Краску для стен – бежевую, теплого оттенка – подбирал сам Висту. Доски для пола положили цвета старого янтаря. Помещение под новой крышей, в которое превратилась когда-то тесная каморка старого Григо Турмалина, нынче задышало простором и светом, а сам художник уже начал разгребать кладовые, выбирая работы для выставки.

В кабинет заглянул Григо, мгновенно оценил обстановку, кивнул поднявшей на него глаза Бруни – мол, будьте спокойны, никого чужого не пущу, а новостей пока нет! И скрылся.

Катарина постепенно успокоилась. Деликатно высморкалась в платочек, извлеченный из кармана, и начала рассказывать.

Отцом ребенка был один из королевских конюших, парень видный и наглый. По нему сохла не одна служанка, да и фрейлины не гнушались

захаживать к красавчику, чтобы пожаловаться на аппетит любимых кобыл. Избалованный всеобщим вниманием, он менял любовниц как упряжь на лошадаках – по три раза на дню. Катарина, хоть и была девушкой разумной, тоже попала на его крючок. Он обхаживал ее несколько дней, лаская все откровеннее. А ласкать парень умел! В конце концов горничная позволила увлечь себя на сеновал, где окончательно потеряла голову, понадеявшись на то, что все обойдется. Не обошлось.

Катарина Солей любила свою работу. Ей нравилось ухаживать за изысканными нарядами принцессы, управлять младшими горничными и добиваться от них безукоризненно выполненной уборки хозяйских покоев. Нравился запах свежестыранного белья и полотенец, глянец тщательно натертых полов из драгоценных пород дерева, отсутствие пылинок на абажурах ламп, блеск отчищенной бронзы и серебра. Здесь, во дворце, она чувствовала себя на своем месте, а новая хозяйка, Ее Высочество Брунгильда, вызывала уважение, симпатию и восхищение случившимся чудом, которому Катарина была свидетелем. Ведь не каждый день простые трактирщицы выходят замуж за наследных принцев! Однако ее собственная судьба, судьба девушки, нагулявшей ребенка, отныне была незавидна. За короткое блаженство приходилось расплачиваться жизнью, полной разочарований. Если только не...

– Я почти скопила нужную сумму, – говорила бледная как смерть Солей, – еще немного, и я смогу заплатить знахарке! И тогда все пойдет по-прежнему! Уверяю вас, Ваше Высочество, такого больше не повторится! Простите меня!

Бруни смотрела на нее с недоумением, граничащим с ужасом. Всякое в жизни бывало, о разном слышала, в том числе и о том, о чем кумушки у нее в трактире шептали друг другу под кружку пива, – как избавиться от плода свободной любви без вреда для здоровья, к кому из городских ведьм обратиться, чтобы взяла недорого и не навредила. Но одно дело – слышать сторонние разговоры, и совсем другое – ощущать внутри себя то, от чего избавиться никак невозможно!

Солей замолчала, не отводя взгляда. Бледная, губы сурово сжаты. Решение приняла, и не по сердцу ей оно, решение это, но от своего не отступит!

– Индари вразуми тебя, Катарина! – тихо сказала принцесса. – Что бы ты себе ни надумала, я тебя не прогоню... и от ребенка избавиться не позволю!

Горничная молча смотрела на нее. Лишь спустя несколько мгновений нервно стерла слезы со щек тыльной стороной ладони и одними губами

переспросила:

– Что?

– Доносишь, родишь и воспитаешь! – Бруни для верности стукнула крепкой ладошкой по столешнице и вдруг вспомнила, что и матушка ее, Хлоя, делала так же, когда сердилась. На сердце стало тепло. – Будет расти с моим и Ванилькиным – всё веселее в компании!

Лицо Катаринины светлело на глазах, будто восходящее солнце касалось его своими лучами, выжигая волнение, страх и отчаяние. Встав, Солей поклонилась в пояс, по-деревенски.

– Благодарю, Ваше Высочество! Моя жизнь принадлежит вам!

Принцесса внимательно ее оглядела: готова ли горничная выйти, не давая повода для сплетен из-за заплаканного лица?

– Иди, Катарина, и, пожалуйста, принеси мне поесть, я проголодалась!

Та запоздало всхлипнула и заулыбалась:

– Сию минуту, Ваше Высочество!

Упорхнула мимо вошедшего Григо, проводившего ее восхищенным взглядом.

– Счастье делает дурнушку хорошенькой, а хорошенькую-красавицей, – заметил секретарь. – Ваше Высочество, вы поступили верно!

Бруни задумчиво поводила кончиком пера по щеке.

– Знаешь, Григо, когда в моей жизни не стало Ральфа, я поняла одну простую истину: мужчины приходят и уходят, а дети остаются. К сожалению, дети у нас с ним не случились!

– Зато случились с Его Высочеством, – легко засмеялся Хризопраз, – поверьте мне, это лучший вариант! – И, заметив, что Бруни бросила встревоженный взгляд на дверь, быстро добавил: – Принц и архимагистр еще не возвращались, однако к вам пришел посетитель, которого приказано пускать в любое время!

– Из списка списков? – хмыкнула принцесса.

Дворцовый протокол временами ее чрезвычайно смешил.

– Из него! – довольно кивнул Григо.

* * *

Остановленные приказом Хранителя Молота гномы возмущенно зароптали. Граждане Подгорья и Драгобужского наземья не любили долгих сборищ. Всему свое время: утреннее – для работы, вечернее – для пиров и посиделок!

Архимагистр Драгодруг деликатно покашлял, напоминая почтенным старшинам, что он – тот, кто может обеспечить тишину в тронной зале, даже если они захотят звуков. Тишина наступила мгновенно.

– График посещения нас Его Высочеством, наследным принцем Ласурии Аркеем, оказался очень плотным, – Тоннертротт обвел гномов взглядом, по которому ничего нельзя было прочесть, – поэтому я не успел сказать вам, как рад видеть вас всех! Последний Великий мастерской схода мной объявлялся в связи с похоронами Его Величества Крамполтота Первого. Вы были подавлены скорбью и молчаливы, а сейчас, как я вижу, полны сил, и в этом замечаю знак судьбы! Так ли это, уважаемые мастера? Готовы ли вы и дальше трудиться на благо родины?

– Что за странный вопрос задаешь ты, уважаемый Хранитель? – удивился старец Вафельсхеер. – Благо Родины – наша главная задача, даже если некоторые, – он метнул уничижительный взгляд на Кроссмоста, – выполняя ее, не могут забыть о собственной выгоде!

Тот раздул грудь, как кузнечные мехи, намереваясь ответить гневной тирадой, однако Тоннертротт был быстрее:

– Данной мне Братьями-богами властью и дабы не собирать снова Великий мастерской сход и не беспокоить лишней раз вас, уважаемые цеховые старшины, я немедленно объявляю выборы короля Подгорья и Драгобужского наземья, в котором решение принимается простым большинством голосов уважаемых мастеров, членов Схода. Напоминаю, что выдвигать кандидатуру на трон, числом не более одной, может каждая из отраслей, я и уважаемый Королевский страж спокойствия. Тако же напоминаю, что в спорной ситуации деления голосов Схода поровну в голосовании имеет право участвовать архимагистр Драгодруг, Синих гор мастер.

Кроссмост в течение речи Хранителя Молота пытался откашляться – от услышанной новости набранный воздух двинул не в то горло. Двое дюжих гномов с азартом колотили его по широкой спине. Сдавленное хеканье и колотушки оставались в тронной зале единственными звуками, когда Тоннертротт замолчал.

Хранитель обвел всех тяжелым взглядом и уронил молот главой на ступеньку трона. Кости должны были скрадывать звук... Кости – это вам не камень, даже древние кости драконов, из которых сложено подножие трона драгобужских королей! Однако молот зазвучал, словно колокол, посылая в тишину Схода длинную и густую ноту. Боги инициативу Хранителя одобряли!

– Конечно, мы обсуждали кандидатуры, но... – послышался чей-то

неуверенный голос.

– Кулуарно? – прищурился со своего места Драгодруг. – Так это самое верное – тихо, между собой, не скрывая положительные и отрицательные качества кандидата, каковые стыдно бывает выставить на общее рассмотрение!

По толпе пошли шепотки, постепенно выросшие в гул. Гномов предложение Хранителя шокировало, ведь всем известно: выборы – дело неспешное, основательное! Король, чай, не кафтан и даже не кирка или рейсфедер!

– Мы не готовы! – послышались выкрики, а кто-то из уважающих себя мастеров сделал попытку двинуться к огромным дверям, ведущим из тронного зала на три стороны света, как вдруг их створки захлопнулись с оглушительным грохотом, зазвучавшим под каменными резными сводами, подобно летнему грому.

– Я слишком стар и туг на ухо, – обегая соотечественников прищуренным взглядом маленьких, похожих на медвежьих глазок сообщил архимагистр Драгодруг, – но я совершенно точно слышал, что выборы объявлены в соответствии и с соблюдением всех необходимых традиций и правил и одобрены Братьями! А раз так, доколе один из вас не поднимется на трон – никто отсюда не выйдет!

– Но мы против! – просипел, наконец откашлявшись, Кроссмост.

– А где сказано, что вы должны быть за? – мурлыкнул Драгодруг. – Несомненно, я слишком стар, но что-то не припомню такого буллита в Регламенте поведения почтенных мастеров, в Своде подгорных законов, в Декларации прав лиц, приближенных к трону, в...

– Уважаемый архимагистр, хватит перечислений! – послышался звучный голос. Толпа расступилась, выпуская рыжего Виньогрета. Тот огляделся, и взгляд был суров и печален. – Братья мои, уважаемые мастера, как бы мы ни были готовы, выборы объявлены Хранителем и подтверждены Гласом Молота! Все ли слышали благословение Братьев?

Раздались голоса:

– Все!

– Слышали!

– И не хотели, а услышали!

– Тогда, хусним, какого недратрясения мы разыгрываем здесь спектаклю? – рявкнул Виньогрет, да так, что ближайšie к нему гномы подпрыгнули.

И, развернувшись, тяжело шагнул обратно в толпу.

– Почтенный Виньогрет прав! – раздались сразу несколько голосов. –

Законы дадены нам Братьями, так давайте их исполнять и расходиться!
Работа стоит!

– Спектакля... – недовольно прошептал Трумпель на ухо Тоннертротту, – да тут цельный цирк! С драгобужскими пони и кроликами из шеломов!

– Начнем с последних! – так же тихо ответил Хранитель Молота и возвестил, обращаясь к толпе: – Прошу представителей от каждой отрасли, готовых озвучить кандидата, выйти вперед!

Представителей оказалось десять. Спустя несколько минут из толпы вытолкались еще двое, и еще двоих вытолкали, хотя они и упирались. Ведь одно дело – рвать глотку в толпе, и совсем другое – под выколотым оком королевского трона назвать кандидата, который, возможно, станет королем!

– Кто первым назовет имя? – обвел их взглядом Тоннертротт, задержавшись на представителе сталелитейщиков – Виньогрете Охтинском.

Тот, вздохнув, кивнул.

– Я буду первым. От наших желали бы мы видеть на троне Граббеля Дохдурского, почтенного мастера, гнома разумного, спокойного и...

– Граббелю вашему скоро уж сплавляться в чрево Материнской горы! – пробурчал стоящий рядом представитель газовщиков. – Помоложе никого не могли найти?

– Вроде вашего выставленца? – раздался ехидный голос Кроссмоста, представителя угольщиков. – Да, ваш Ризхранпуль известен молодыми годами, а тако же высокомерием, заносчивостью и подозрительностью! Отличный король у нас будет!

– Ты, не иначе, сам себя и назовешь, а, Кроссмост? – выкрикнули из толпы. – И тогда прощай наш мирный договор с Ласурией и да здравствует Крей-Лималль?

– А чем я плох? – повернулся на голоса тот, не обращая внимания на провокацию. – И где в регламентирующих документах сказано, что я не могу выдвинуть свою кандидатуру, коли представляю отрасль среди почтенных цеховых старшин на Великом мастеровом сходе?

– Нигде не сказано, – вмешался Виньогрет, – ты прав, уважаемый Кроссмост!

Толпа откликнулась:

– Виньогрет знает, что говорит!

– Да, законы он знает!

Кроссмост с благодарностью поклонился ему, Виньогрет ответил.

– Продолжайте, – блестя глазами, предложил Хранитель Молота, –

продолжайте, почтенные цеховые старшины! Мы слушаем со всем вниманием!

Представители, говоря по очереди, озвучивали кандидатуры. Пока один это делал, остальные перечисляли недостатки поименованного кандидата таким громким шепотом и так точно, что в толпе то и дело слышались взрывы хохота. Этот был ленив, тот глуп, другой любил поспать на работе, третий выпивал и после орал песни так, что содрогались Чертоги Синих гор... В ремарках, конечно, была доля правды, ведь нет на земле ни гнома, ни человека, ни эльфа, который был бы настолько хорош, что нравился бы всем. Однако сами представители воспринимали и эту, иногда весьма малую долю правды в штыки. Голоса становились все громче и совсем поднялись до сводов, когда свою кандидатуру озвучил Трумпель. Представленный им вояка, генерал Медведдер Дурвинский, в узких кругах носил кличку Зверский рубака и не терпел ни малейшего неповиновения или промедления при выполнении своих приказов. С таким королем Драгобужье металось бы скачками от директивы к директиве, а головы уважающих себя мастеров летели бы в корзины для мусора!

Почтенные старшины в порыве дискуссии знатно оплевывали друг друга, ведь полные негодования слова вылетали из их ртов, как ядра из пушек. В воздухе опять запахло славной дра... битвой!

Архимагистр Драгодруг морщился, но пока терпел.

Королевский страж спокойствия, поигрывая мечом, явно желал бы метнуть его в того, кто крикнет громче.

Лишь Хранитель Молота казался спокойным и с интересом выслушивал аргументы сторон, с какого-то момента высказываемые исключительно в нецензурной форме.

– Мне за вас стыдно, гномы! – перекрывая шум и гам, произнес чей-то голос, спокойный и звучный.

И столько в нем было – и верно! – стыда и боли, что почтенные старшины отпустили грудки оппонентов и замолчали, растерянно глядя друг на друга.

– Трон пуст, – глухо продолжил Виньогрет, глядя поверх голов на костяное возвышение, – наш народ осиротел, а вы ведете себя как петухи на ярмарке!

По тронной зале чернилами разлилась мертвая тишина. За собственными амбициями гномы забыли своего короля! Был бы жив Крамполтот – не погладил бы их по головке за такое поведение, и был бы прав!

– Почтенный Хранитель, – вдруг подал голос Драгодруг, – пока

благословенная тишь царит здесь, может быть, ты озвучишь имя своего кандидата? Ты единственный, кто этого еще не сделал!

Тоннертротт переглянулся с Трумпелем. Поднялся на ступеньку выше, молодецки – несмотря на возраст – махнул молотом.

– Я не назову вам его имя, – крикнул он так громко, что голос был хорошо слышен в самых отдаленных уголках залы, – но он только что устыдил нас всех!

* * *

Густой голос Клозильды Мипидо заполнял внутренние помещения башни. Матрона была счастлива, а коли так, счастьем следовало поделиться с каждой живой душой, включая дворцовых пауков по углам и мышей под полом!

– Ну, Матушка Бруни, аккуратно через две седмицы стану я замужнею дамою! – говорила она, светясь восходящим солнцем. – Перееду, конечно, к мужу своему, ибо что это за дела – хоть и дома наших гильдий рядом стоят, но мы-то порознь не можем с Вистунчиком?

– Не можете, – с улыбкой кивала принцесса, соглашаясь.

– Хотела я платье как у Ванильки, такое оранжевое, однако жених оказался против! Я, говорит, вижу тебя в наряде цвета луны середины лета, что отражается в озере, полном кувшинок! Вот прямо так и сказал, представляешь?

– А портниха с ним согласна? – рассмеялась Бруни.

– Дама Мерло сказала, что подберет подходящий оттенок, а дама Мерло знает, что говорит! – важно покивала Клози. – Ну а ты, Твое Высочество, в каком платье будешь?

– Если ты будешь луной, давай я буду озером, полным кувшинок, – хмыкнула принцесса, – должна я оттенять твою небесную красоту?

– Ой, ты скажешь тоже! – зарделась Клози и вдруг понизила голос до шепота: – Он ее закончил!

– Кого? – не поняла Бруни.

– Картину о похищении пресвятых тапочек!

– А что же он молчит? – всплеснула руками принцесса.

– Мастер шедеврой недоволен! Говорит, отобразил лишь малую толику божественности, а брошенных женщин и вокруг полно! Замотал холст в полотнища, запер на чердаке и мне пригрозил, чтобы никому!

– А ты ее видела? Картину? – уточнила Бруни.

– Конечно, – возмутилась матрона, – разве ж я не знаю, в какой момент с шеи любимого снять ключ от чердака? Картина... непростая! Смотришь на нее, и вроде сначала смешно делается от Марховых, тьфу ты, Аркаешевых полупопий и прочих статей, но чем дольше разглядываешь композицию, тем больше вот тут... – Клози прижала пухлую руку к груди. – И так, знаешь, горько делается за нас, за баб, что мужиками брошены! Истинно велик мой Вистунчик, что смог передать наше отчаяние и одиночество! А насчет толики божественности вот что тебе скажу: ежели смотреть еще дольше, в душе будто холодок появляется и страшно делается, ибо есть в шедевре нечто такое, чего умом не понять!

– Уговори мастера показать мне картину! – с горящими глазами попросила Бруни. – Очень хочется увидеть! И, может быть, мне удастся убедить его в том, что он ошибается!

– Ох, надеюсь на это, Твое Высочество! – Клози, сидящая на диване рядом с Бруни, пригорюнилась, подперла щеку ладонью. – Страшновато мне что-то в мои годы замуж выходить! Привыкла быть сама себе хозяйкою, а тут вдруг ужины ему захотелось готовить каждый вечер, представляешь? Я – и ужин при свечах! Бывало, колбасы и хлебушка себе нарежу, морсу налью и сижую, счета Гильдии сверяю при лампадке... А нынче ловлю себя на желании видеть стол, и яства на нем, и цветы живые, и Вистунчика моего во главе! И сидеть рядом, ему в рот смотреть, как он кушает и об искусстве глаголет! И ничего больше мне не надобно!

– Клози, все так и будет! – принцесса погладила ее по плечу. – Неважны ссоры и примирения, дела и заботы, тревоги и хлопоты, главное – засыпать вместе, обнявшись! Если это будет, остальное приложится!

– Эх! – покачала головой Клозильда, – это у гончаров али каменщиков, вон, все просто, а мне с моими девками, знаешь, сколько возиться приходится? Иногда и за полночь расходимся. Вот, казалось бы, что сложного в том, чтобы белье правильно высушить – сложить, пока оно едва влажное, момент не упустить? Ан нет! Одна сухое совсем складывает, и после утюжить его замучаешься, другая не досушивает... Вот у тебя наверняка кастелян за этим следит, да?

– Не знаю, – растерялась Бруни, – я тоже иногда за полночь в спальню попадаю и засыпаю мгновенно, только мужа рядом почувствую!

– Вот мы проверим! – вскричала глава Гильдии прачек и повлекла принцессу в спальню.

Смахнула покрывало, сунула руку под одеяло, под подушку, под другую... Нахмурила брови.

– Хитрит кастелян-то! – погрозила пальцем. – Не досушивает! Ай,

подлец! Твое Высочество, не след такому потакать! Где его найти, кастеляна твоего?

– Сейчас у Григо спросим, – ответила та, выходя в гостиную, где уже ожидал, склонившись в поклоне и сверкая любезной улыбкой, вездесущий секретарь. – Скажи мне, где...

– Да, где? – за спиной принцессы вскричала Клозильда. – И доколе?

Вопросы остались без ответа, потому что двери неожиданно распахнулись, выпуская принца Аркея и его отца.

Бруни подавила порыв броситься к мужу и прижаться, не обращая внимания на посторонних. Взгляд принца окутал ее теплом – только он один умел так смотреть на нее, что она тут же успокаивалась, чувствуя себя защищенной, любимой, желанной.

– Кольцо носишь, невестка? – с порога весело спросил Его Величество, скользнул взглядом по ее ладной фигурке, чудовищному рубину на пальце, довольно осклабился и посмотрел на Клози.

Та со страха обмерла. Бочком придвинулась к хрупкой принцессе, будто стремилась спрятаться за ней.

Глаза Редьярда хищно вспыхнули, а крупный нос шевельнулся. В это мгновение он как никогда был похож на своего любимого пса.

– А кто у нас здесь? – поинтересовался он, придвигаясь ближе с явным намерением обойти Бруни по дуге и перехватить крупную дичь.

– Ваше Величество, позвольте представить вам главу Гильдии прачек, матрону Клозильду Мипидо, невесту мастера Висту Вистуна! – поспешила представить ее принцесса, сделав явный акцент на слове «невеста».

Редьярд прищурился, припоминая.

– Мастер Вистун – тот самый художник, чей портрет с Осенней феей... – Его Величество замолчал и вновь оглядел Клози, на этот раз с изумлением. – Я узнаю вас, фея! – воскликнул он. – Ваш жених – отличный художник!

– Благодарю вас, Ваше Величество, – порозовела от удовольствия Клозильда и присела в опасном реверансе, – я непременно ему передам!

– Непременно, непременно! – пропел Редьярд, завладевая ее рукой и поднося к губам. – А чем моя невестка обязана вашему визиту, дорогая Клозильда?

Бруни и Аркей переглянулись. Игривое настроение Его Величества вполне могло быть объяснено удачным визитом принца к гномам, однако блеск в его глазах говорил об ином.

Матрона Мипида бросила полный отчаяния взгляд на принцессу.

– Мы готовимся к ее свадьбе, Ваше Величество, – пояснила Бруни. –

Я, как подружка невесты, просто обязана в этом участвовать!

– Подружка невесты? Ты? – удивился король, и присутствующие тут же напряглись.

В истории Ласурии не было случаев, когда принцесса была подружкой на свадьбе простолюдинки. Впрочем, в истории Ласурии не было и других случаев – когда простолюдинка становилась принцессой!

– Мастер Вистун, если мне не изменяет память, еще и глава Гильдии гончаров? – воскликнул Его Величество, выпустив руку Клози. – Свадьба обещает быть зрелищной! А что, почтенная матрона Мипидо, вы еще приглашаете гостей?

– Ко... конечно, Ваше Величество, – заикаясь, ответила та.

Редьярд потер ладони.

– Тогда я напрашиваюсь! Инкогнито, дорогая, инкогнито, что вы так побледнели?

Клози действительно была близка к обмороку.

Бруни, обняв ее, посмотрела на короля.

– Мы будем ждать вас на свадьбе, Ваше Величество, с подарками молодым и хорошим настроением!

– Вот и отлично! – засмеялся Редьярд. Казалось, его и так прекрасное настроение улучшается с каждой минутой. – Приду! С подарками! Арк, идем, у нас еще куча дел!

Он развернулся и вышел из комнаты.

Клози выпала из реверанса. Цвет лица у нее был истинно лунный с кувшинковым оттенком.

– Рад вас видеть, матрона Мипида, – улыбнулся ей Аркей, на мгновение обнял жену, шепнул: – Мы зашли просто успокоить тебя!

И отправился следом за отцом.

Григо тут же подал Клозильде стакан воды. Ушлый секретарь налил его сразу же, как только в гостиную зашли посетители, подозревая, что кому-нибудь из дам он обязательно понадобится.

– Выпейте, – посоветовал он, – вам несомненно полегчает!

– Ох, благодарю! – просипела та, выдула воду и посмотрела на Бруни: – Твое Высочество, я только что видела короля Ласурии, он держал меня за руку и обещался явиться на мою свадьбу? Или мне это пригрезилось?

Принцесса задумчиво кивнула. Уж очень ей не понравился блеск в глазах Редьярда. Такой знакомый... Такой многообещающий блеск... Блеск, который она часто видела в голубых очах принца Колея, смотрящего на хорошенькую девушку!

– А зачем ты про подарки-то? – заинтересовалась Клозильда, прерывая ее мысли.

– Ну, должна же быть какая-то польза от визита самодержца на твою свадьбу? Пусть и инкогнито! – пробормотала Бруни.

* * *

В Узаморе наступил сезон белых ночей. Атрон рю Воронн с юности любил эту пору, в которую можно было и вовсе не ложиться спать. Любил серое небо, рассеянный жемчужный свет, ощущение, будто смотришь на окружающее из-под толщи воды. Чувство, что все это, как любимая женщина, принадлежит только тебе...

Любимой женщины у него больше не было, а белые ночи продолжали год за годом околдовывать Узамор, не сдаваясь ни течению жизни, ни ходу времени.

Атрон потер красные глаза и поднялся – потянуться, пройтись до окна и обратно. Всю ночь просидел за бумагами и остался собой доволен. Прогресс в экономике княжества с момента его назначения королевским наместником был налицо. Жесткая регламентация пушной торговли и ликвидация нескольких артелей-монополистов привели к падению цен на мех, коренное население стало чаще и охотнее сдавать добычу королевским закупщикам, что ощутимо повысило доходы отрасли в целом. Работы по восстановлению дорог шли полным ходом, а удовлетворенные качеством и скоростью работ местные жители наконец перестали роптать по поводу введенного дорожного налога.

Герцог ценил хорошо сделанную работу, в том числе работу, сделанную им самим, и имел политическое чутье, позволявшее ему ориентироваться в настроениях как руководства страны, так и народных масс. В данный момент чутье сладко посапывало, а удовлетворение сделанным вызывало на обычно суровом лице Атрона легкую улыбку. Сейчас он умоется и отправится на пробежку по спящим улицам города и ежеутреннюю тренировку, ведь мужчина, на какой пост ни заносила бы его судьба, не должен забывать, как держать меч!

В дверь постучали.

Улыбку словно ветром сдуло. В это время в резиденции должны были спать все, кроме старой няньки Рейвин – Тионы, которую рю Воронн сделал своей экономкой. Но няньке было позволено входить без стука.

Герцог шире распахнул окно, позволяя утреннему холодному ветру

ворваться в комнату, вернулся за стол и только после этого крикнул:

– Войди!

Через порог шагнул начальник стражи Хирон Торд, пожилой и бородатый. Истинный узаморец – тяжелый, дремучий, похожий на медведя. Лишнего слова от такого не услышишь, но будешь как за каменной стеной.

– Ваша Светлость, гонец из Придела со срочным донесением для вас. Загнал двух лошадей.

– Почему не порталом? – нахмурился Атрон.

– Дык нету на границе ни магов, ни свитков, она ж не внешняя!

– Зови.

Рю Воронн подвинул к себе лежащий на краю стола длинный список: дела срочные, штатные, заметки на будущее. Не след погранцам не иметь хотя бы одного мага или пару порталных свитков на заставах! Пусть это и призрачная граница в рамках одной страны – между Узамором и Ласурией, – но все-таки граница.

Гонец был молод и черноволос, смешная бородка едва кучерявилась на подбородке. Мальчишка, желающий быть похожим на таких, как офицер Торд. Вошел и склонился в глубоком поклоне у стола, протягивая запечатанное в тубус послание.

Герцог забрал тубус, вскрыл, вытряхнул свиток, развернул. Пробежал глазами. Спокойно положил на стол и поднял взгляд на посланца:

– Благодарю за скорую доставку. Отдыхай пока, завтра я позову тебя для беседы.

Гонец поклонился и вышел, пошатнувшись от усталости.

– Устрой парня поудобнее, – приказал Атрон начальнику стражи и углубился в бумаги, показывая, что прием окончен.

Когда дверь за Хироном закрылась, он снова взял свиток и перечитал.

«...Отпечатки лап крупного лиса (предположительно оборотня) выявлены на территории Липканского погранотряда, в районе долины между горами Сопатая и Седая. Отслежены до выхода из долины в месте впадения речки Осольки в Невинское озеро, где к ним прибавляются тигрины. На берегу обнаружены следы борьбы, пятна крови и клоки рыжей шерсти. Похоже, лис вступил в борьбу с тигром и проиграл ее. Однако следует заметить: следы, ведущие с берега в какую-либо сторону, не найдены. Можно предположить, что тигр ушел вплавь, избавившись от лиса в глубоком месте озера».

Рю Воронн постучал пальцами по столу, затем поднес свиток к огню одной из свечей в разлапистом канделябре – не любил магический свет, – поджег и бросил на специальный поднос догорать. Пока свиток горел,

Атрон задумчиво смотрел в пламя.

Архимагистр ждет известий...

Ждет начальник Тайной канцелярии...

Вполне вероятно, их же ждет Его Величество...

Что ж, пусть ждут. Он тоже подождет! Полковник Торхаш не из тех, кто может позволить убить себя. Ну а если он действительно сгинул, ни Ники, ни Трояну, ни стоящему за ними королю не стоит знать о том, что это произошло на территории Узамора!

* * *

Полный чайник с грохотом упал Виньо под ноги. Вода выплеснулась, намочив овчинные опорки, носимые ею дома, и подол целительской мантии, которую она не успела снять, придя домой и собираясь для начала заварить морсу.

– Что... что ты сказал? – прерывающимся голосом спросила гномелла топчущегося у дверей с растерянным видом мужа.

– Великий мастерской сходил выбрал нового короля Драгобужья, – повторил тот, крепко дергая себя за бороду, чтобы не впасть в такую не свойственную уважающим себя мастерам панику, – твоего отца!

– Йож, этого не может быть! Ты мне этого не говорил! Скажи, что это ошибка! – задыхаясь, принялась быстро говорить Виньовинья. В ее голубых глазах плескался ужас.

Синих гор мастер в несколько шагов пересек горницу, крепко обнял суженую и прижал к себе, не обращая внимания на лужу под ногами.

– Тихо, тихо... Чего ты всполошилась так, глупая, вон сердце как бьется, сейчас выскочит! Я тебя люблю и никому не отдам, даже по королевскому указу, – Руфус и Торус благословившие наш брак, мне свидетели!

Виньо подняла на него дышащий страхом взгляд:

– Йож...

– Слово мастера, – прервал тот, – я лучше на плахе погибну, чем от тебя откажусь!

– И я... и я тоже! – всхлипнула та и заплакала, хотя давала на свадьбе зарок – не реветь боле!

В дверь постучали – коротко, сильно.

– Яго, входи! – крикнул гном – узнавал старого друга по стуку.

Тот вошел, кинул короткий взгляд на супружескую пару.

– Вижу, вы уже в курсе? Что будем делать?

Ужас в глазах Виньо чуть отступил. Ягораю рю Воронну она верила иногда даже больше, чем мужу. Если он здесь и предлагает помощь, значит, все будет хорошо!

– Сначала хорошо бы выпить морсу! – проворчал Йожевиж. – А после сесть и взвесить все «за» и «против»!

Гномелла ойкнула, ощутив мокрые ноги. Йож аккуратно поднял ее, вытряс из промокших насквозь опорок и переставил за границу лужи, которая его традиционным кожаным гномьим ботинкам на толстой подошве была не страшна.

– Иди, набери воды в чайник, а я пока вытру!

Виньо метнулась с чайником к бадье с водой и несла его обратно, когда в горницу зашел Дикрай, по привычке поцеловав макушкой притолоку и выругавшись.

– У вас уборка? – поинтересовался он с порога. – Йож, готовишься к визиту царственного тестя?

– Тьфу, и кошак туда же! – сердито пробормотал гном, вытирая пол и выжимая тряпку за порогом.

Оборотень с неожиданным сочувствием потрепал его по плечу.

– Да ладно тебе! Я ж только чтобы настроение поднять!

Гномелла снова всхлипнула.

– Виньо, на рынке такое говорят! – послышался голос Тариши. Фарга зашла в дом, неся полную корзину продуктов.

– Мы уже в курсе, – усмехнулся сидящий за столом Яго.

– Так это правда? – походя теранувшись задом о Дикрая и пройдя к столу, воскликнула Виден. – Ну, дела! Виньо, с тобой, оказывается, выгодно дружить!

Та обернулась от печки, намереваясь ответить что-нибудь обидное, но увидела, как лукаво блестят желтые глаза женщины-оборотня, и только погрозила ей кулаком.

– А где Вита? – спросил Йож, вешая тряпку на крюк в углу для просушки.

– Ее вызвали к архимагистру, – пояснил Ягорай, – придет, как только сможет.

Фарга умело резала хлеб, мясо и сыр и раскладывала по тарелкам. Тихонько муркнула, будто себе под нос, но Дикрай в то же мгновение оказался рядом.

– Зелень и овощи помой, – приказала та как ни в чем не бывало.

Оборотень куснул ее за шею, за что получил ломтем ветчины по

ухмыляющейся морде.

Сообща накрыли на стол, разлили свежесваренного морсу, заправленного медом и ягодами брусники, замороженными с прошлого года, сели и принялись задумчиво жевать.

– Какие последствия может иметь сей поворот судьбы для нашего с Виньо брака, други? – наконец подал голос Йожевиж.

– Для брака – никаких! – раздался от двери веселый голос, на который все обернулись.

На пороге стояли Грой Вирош и Вителья Таркан ан Денец, а за ними возвышался Дробуш в своем долговязом человечьем обличе.

– Грой! – обрадовалась Виньо, несмотря на подавленное настроение. – Где ты был все это время?

– Бродяжничал, – светло улыбнулся тот и, войдя, поклонился хозяину дома. – Пригласишь к столу, уважаемый мастер?

– Какой я теперь мастер, подмастерье у кузнеца! – махнул рукой тот. – Но тебя бы пригласил, будь даже учеником!

Вирош засмеялся и сел рядом с Яго. Вита опустилась с другой стороны, и рука Ягорая сразу же обвила ее плечи. Они переглянулись – короткий безмолвный обмен взглядами был понятен только им двоим, однако рю Воронн чуть нахмурился, будто Вителья только что сообщила ему о проблеме.

– Ветчина! – обрадовался Дробуш.

– Руки не мыли! – вспомнил вдруг Йожевиж. – Все! Быстро к рукомойнику!

Посмеиваясь, «хорьки» выстроились на санитарно-гигиенические процедуры.

– А в походах ты, почтенный мастер, руки мыть нас не заставлял! – шутливо возмутилась волшебница.

– В походах мы аки звери дикие! – степенно пояснил Йож. – А под крышей следует уважать порядок в доме!

– Правда, что ли? – раздалось со стола.

В пустом блюде из-под ветчины сидел Кипиш и довольно оглаживал округлившийся животик, с быстротой молнии меняя личины.

– Ветчина! – загрустил Вырвиглот.

– Вот никакого порядка! – присоединился к нему гном.

– Опомнись, гноме, – басом сказал свирепый воин, – какой может быть порядок с богом Хаоса?

– Кто-то утверждал, что он еще и Абсолютный закон, а закон – всегда порядок! – Вителья совершенно по-девчоночьи показала божку язык и

вернулась на свое место рядом с Яго.

Кипиш в ответ зевнул ей в лицо наглой кошачьей мордой и почесал себя за ухом.

– Думаю, – возвращаясь к теме разговора, заговорил Вирош, – вам с Виньо не нужно беспокоиться. Вы находитесь в официальном браке, заверенном по всем правилам лицом, имеющим на то полномочия. Если почтенный цеховой старшина Виньогрет уважает законы своей страны – а он их уважает, иначе Великий мастерской сход никогда не выбрал бы его королем! – он не станет препятствовать вашему союзу, едва узнает о нем. Но нужно, чтобы узнал он о нем как можно быстрее!

– Я сам поеду! – стукнул кулаком по столу Йожевиж, а Виньо, ахнув, вцепилась в него так, как будто он должен был отправляться сию минуту.

– Вот уж этого точно не нужно делать, – подал голос рю Воронн, – предлагаю отправить в Драгобужье заверенную стряпчим копию вашего брачного договора, для чего задействовать диппочту. Выходы на нее у меня есть.

– Нет! – Виньо встала, удивив всех своей бледностью, и повернулась к мужу. – Прощения прошу у тебя, Йожевиж Агатский, Синих гор мастер, муж мой! Не так давно я написала отцу о нашей свадьбе и, как советует Яго, приложила заверенную копию брачного договора, о чем тебе не стала говорить. Думаю, отец уже получил письмо, и еще думаю, он никогда мне этого не простит, но в покое нас оставит!

На последних словах ее голос дрогнул.

Йожевиж растерянно смотрел на нее.

– А ему почему не сказала? – простодушно поинтересовался Дробуш, заменивший ветчину сыром, отчего тарелка пустела с ужасающей скоростью.

– Я думала, ты будешь против, – Виньо опустила глаза и села, – прости, Йож...

– Молодец, что отправила, – вмешался Вирош, – сам хотел предложить такой вариант, да Яго опередил. Однако вы должны быть готовы к тому, что Его Величество Виньогрет Первый может призвать вас в Драгобужье.

– Зачем? – удивился Йож.

Вирош пожал плечами.

– Кто знает, о чем думают короли по вечерам? Может быть, они скучают по беглым дочерям?

Цеховой старшина Виньогрет Охтинский уже в пятый раз тяжело вздохнул. Его наконец все оставили в покое: почтенные старшины, друзья и коллеги, спешившие поздравить с выборами, официальные лица двора Синих чертогов, портной, снимавший с него мерки для нового гардероба, сапожник и ювелир, делавшие то же самое, Королевский страж спокойствия, стремившийся обговорить «подвисшие» мероприятия по укреплению внешних границ Наземья, еще какие-то гномы и даже молоденькие и не очень гномеллы, которым, хусним, он вообще не понял, что было нужно! Наконец-то они все сгнули из пустых покоев драгобужского короля, ранее принадлежавших Крамполтоту, где воздух был стыл, мебель стояла зачехленной, а огонь в камине никак не желал разгораться.

В шестой раз тяжело вздохнув, Виньогрет огляделся. Казалось, он уже умер и лежит в склепе, полном тишины и воспоминаний, а приглашенные на его похороны посетители, Аркаеш бы их побрал, явились на них все как один! Ему бы сейчас наслаждаться мертвой тишиной, оглушающей после шума голосов Великого мастерского схода, а он вертит в пальцах письмо дочери и думает вовсе не о родине, как то полагается настоящему венценосцу! А о ней... О Виньовинье.

Сквозь строчки письма сквозили отчаяние и боль, решимость стоять до конца, гордость и уверенность в своих силах. Его девочка, тихая гномочка с огромными, в мать, голубыми глазищами, повзрослела. Принимала решения, как свободная гномелла, не стесняясь говорить о своих мыслях и желаниях! И как он проглядел в ней эти качества? Его собственные качества, которыми так гордился у сыновей! Впрочем, он и дома-то бывал редко, а когда супруги не стало, почти перестал приходить на женскую половину, все радел за страну... За страну радел, а дочь, похоже, потерял! Никогда она не простит ему запретов, ора и объявленной за ней и выбранным ею гномом охоты!

Цеховой старшина до боли сжал в пальцах письмо. Не в его правилах отступить! Ошибки свои он не стыдится признавать и исправлять, коли не поздно! И пока он жив, пока живы Виньовинья и ее муж, Йожевиж Агатский, можно попробовать все изменить. Только не махая киркой, как оглоблей, а с умом! Он оглядел письменный стол Крамполтота, за которым сейчас сидел и на котором все осталось как в тот день, когда друга и короля не стало. Слева, под стеклом с хитроумно смонтированной передвижной лупой, – подробные карты наземной и подземной частей страны; справа – золотые, украшенные искусной чеканкой и друг на друга поставленные корзины для бумаг; в центре – письменный набор, сработанный из цельных

пиритов. Крам любил простые и выразительные камни!

Его Величество Виньогрет Первый аккуратно расправил смятое письмо и положил рядом. Достал из корзины лист гербовой бумаги, а из набора – самопишущее малахитовое перо, мгновение подумал и... начал писать первый королевский указ.

* * *

Она все-таки добралась и до него, эта стерва – весна. Он думал, сердце, надежно запертое во льдах памяти, никогда более не толкнется о стенки грудной клетки так неровно, нелогично. Думал, что научился властвовать над собой, но вот поди ж ты, здесь, среди ароматов леса, хвои, воды ручьев и кувшинок в озерах, дичи с горячей кровью и празднующих гон животных, до его чуткого носа донесся вдруг он, красный путь в воздухе, стрела, попавшая в сердце, – запах течной самки.

Рыжий лис насторожился. Остановился, вытянувшись и подняв переднюю лапу. Его ноздри трепетали, ловя соблазнительный зов. Незнакомка была недалеко, и ее палевый бок уже виднелся сквозь редкую зелень не спеша просыпающихся деревьев северной страны.

Она стояла, поводя точеной головой и принюхиваясь. Полярная лисичка, фарга!

Лихо переступил с лапы на лапу и призывно тьякнул. Лисичка развернулась так, чтобы он смог увидеть ее мордочку – чуть более белую, чем остальная шкурка, и лукавые темные глаза. Взгляд не настороженный, игривый. Она явно не прочь познакомиться!

Лис сделал длинный прыжок в ее сторону, она грациозно развернулась и понеслась прочь. Белый кончик хвоста призывно помахивал, заставляя Лихо забыть обо всем на свете.

Ветки задиристо хлестали лиса по морде, но, поглощенный будоражащей охотой, он этого не замечал. Природа, весна, гон... Он позволил всегда скрученной внутри пружине человеческой сущности распрямиться, и впервые за очень долгий период времени ему было по-настоящему хорошо. В крови билось желание, желание «здесь и сейчас», заставившее позабыть непокорную светловолосую волшебницу с глазами цвета озерного льда.

Оборотни кружили по лесу, выбегали на поляны и тянулись друг к другу, привлеченные запахом, однако полярная фарга не позволяла приблизиться к себе настолько, чтобы прикоснуться. Лихо был не против.

У людей свои любовные игры, у оборотней в истинной ипостаси – свои. Ему легко и весело, и голова кружится от свободы и предвкушения сладкой близости, и язык уже вываливается из пасти – фарга заставляет побегать за собой! Непокорная, страстная, хитрая... Настоящая лисица! Значит, тем яростнее будет соитие!

Они развлекались так до самого вечера. Когда солнце село, лисичка улеглась под кустом, широко зевнула и опустила голову, накрыв морду хвостом. Лихо, внутренне ухмыляясь, лег неподалеку. Соблюдаем правила игры! Она даст ему нагнать себя, когда будет готова, а пока показывает, что доверяет, – уже неплохо.

Ночь прошла спокойно, и он впервые спал как убитый, не заботясь ни о гризли, ни о волках, ни о прочих опасностях. А когда проснулся – подруги на месте не обнаружил. Впрочем, это не было проблемой: ее запах в воздухе для него был ковровой дорожкой, ведущей в опочивальню. Он поднялся, сладко потянулся, не торопясь полакал из ручья и потрусил по ковровой дорожке, уводящей его прочь от первоначального маршрута.

Сердце билось спокойно и ровно. Это странное ощущение возвращения к себе, такому забытому... Порывистому, несдержанному, горячему. Он тогдашний и он сегодняшний – словно аверс и реверс одной монеты. Ранее Лихай не позволял себе вспоминать ничего из того времени. Той ночью просто закрыл туда дверь, закрыл наглухо, и даже Арку, уже и тогда спокойному и мудрому Арку, не удалось заставить его вернуться. А нынче будто повеяло: прошлым, жаром распаленного любовью сердца, диковато горчащей полынью...

Белый кончик хвоста мелькнул между деревьями, в проеме между которыми виднелось лесное озеро. Лихо ускорил бег. Желание шире открыть дверь в прошлое вызвало страх. Нет, лучше забыться! Лучше «здесь и сейчас» с этой прекрасной и хитрой незнакомкой, явно дававшей себя нагнать! Фарга дождалась, пока он подбежит, развернулась, забила передними лапами по воздуху, отталкивая его и широко открывая смеющуюся пасть. Ему удалось щелкнуть зубами совсем рядом с ее холкой. Еще чуть-чуть – и прихватит, заставит опустить шею и покориться его страсти...

Чудовищный удар по морде швырнул его на землю, и глаза залила кровь. Он попытался подняться на дрожащих лапах, но снова был отброшен, на этот раз в воду. Сквозь туман, застывший зрение, Лихай разглядел полосатый бок, кровожадно оскалившуюся пасть – и оскалился в ответ. Тигр? Откуда здесь тигр? Куда делась полярная фарга, изящная, как фарфоровая статуэтка?

«Думай, Лихо, думай!»

Полковник за шкирку вытаскивал себя из природного блаженства, оказавшегося таким коварным. Зверь не станет размышлять над тем, кто напал на него, – он полезет в драку или убежит. Но он не зверь. Здесь что-то не так, и он не понимает, что именно... А это значит, ситуация гораздо более опасна, чем кажется!

Когда белоснежные тигриные клыки сдавили его горло, он понял, что не ошибался в своих рассуждениях. Наступившую темноту расцветили световые пятна, пространство зазвенело туго натянутой струной... Ощущения знакомые, но анализировать их он уже не мог. Не хватило воздуха.

* * *

Ники поклонилась Его Величеству и вышла. По лицу Редьярда можно было прочесть только, что он не выспался. Он посмотрел на сына.

– Иди, мне нужно подумать.

Принц Аркей кивнул и тоже покинул кабинет. Стрема, проводив его задумчивым взглядом, уронил голову на шкуру перед зажженным камином. В открытое окно ветер приносил запахи с улицы, поэтому, даже если пес спал, его большой кожаный нос шевелился, живя самостоятельной жизнью.

– Вот это опара так опара, – словами тестя разбил Дрюня настороженную тишину, воцарившуюся в кабинете. – Что-то мне страшно, братец...

В окно влетела вялая весенняя муха. Покружила под потолком, примерилась сесть на Стремин нос, но нос был против, поэтому она опустилась на стол перед бездвижно сидящим королем. Спустя мгновение королевская длань превратила ее в воспоминание.

– Вот так и мы, – вытирая руку о платок, произнес Его Величество, – для богов. Знаешь, братец, я впервые не рад, что приходила Ники.

– Я даже не знаю, как это переварить! – будто не слыша его, пожаловался шут. – Братец, как это переварить?

Король пожал плечами. Встав, подошел к окну, загляделся на раскинувшийся внизу Вишенрог. Деревья покрылись красно-зеленой дымкой нераскрывшихся почек. По берегам реки и каналов уже всюю зеленела трава, цвели нежные дикие маргаритки. Городские газоны чернели свежевскопанной землей, по ним важно расхаживали грачи, напоминая Редьярду одетых в черные мундиры гвардейцев. Это был его

город. Это была его страна. Страна, тысячи лет назад выковавшая себя в горниле Вечной ночи. Объединившая разрозненные племена в один народ. Давшая отпор диким тварям, природным катаклизмам и всему, что осталось после конца света, к которому Тикрей настойчиво подталкивали боги, не желавшие делиться им друг с другом. Пресветлой Индари слава – заступилась за Ласурию, взяла под свою руку, не позволила уничтожить! А ведь могла бы, как и другие, поддаться зову отчаяния и ярости! Не поддалась!

Редьярд резко обернулся к Дрюне.

– Вера, братец, вера! Вот что поможет пережить ощущение, что ты муравей под чьей-то пятой!

Шут поморщился.

– Муравьи, между прочим, кусаются! И очень больно!

Выражение лица Его Величества изменилось. Только что отражало сонное недовольство, и вот уже в нем хищное нетерпение, так знакомое Дрюне и говорящее о больших переменах.

– Ники – умница! – воскликнул король. – Именно это она и предлагает: кусать того, кто вознамерился нас раздавить! А возможно, сожрать заживо! Но это только одно направление! Мы слишком долго прожили в благополучии, и наша вера обленилась! А ей должны пылать сердца – ради той, что спасла Тикрей! Ян! – последнее слово Его Величество проревел так громко, что на его голос отозвался любимец короля – бык-производитель по кличке Железобок из дворцового коровника.

– Здесь, Ваше Величество! – тут же появился секретарь из-за двери.

– Столичного архитектора и главу Гильдии каменщиков мне сюда. Трояна и Арка. И приготовь все для шифрования секретного донесения в Гаракен.

– А в Драгобужье? – почтительно осведомился Грошек.

– С Его Величеством Виньогретом свяжусь лично! – отрезал король. – Иди.

– Что ты задумал, Рэд? – поинтересовался Дрюня, когда секретарь вышел.

Редьярд, не отвечая, усаживался на место, разворачивал к себе магическое зеркало, терпеливо ждал, пока развеется туманная дымка морока, открывая затемненный кабинет и чудовищных размеров стол, сидящий за которым рыжий гном казался по сравнению с ним мухой, присевшей на чернильницу.

– Твоему Подгорному и Наземному Величеству – пламенный привет от коллеги по несчастью! – хохотнул ласурский король, поднимаясь и

кланяясь королю Подгорья и Драгобужского наземья. – Рад тебя видеть, друг мой!

Хмурое лицо рыжего гнома озарилось улыбкой. Он тоже поднялся и поклонился. Затем растерянно обвел ручищей почти пустую комнату с зачехленной мебелью и негорящим камином и сообщил:

– Такое, хусним, дело, друг мой!

– Это хорошее дело, – серьезно ответил король, – тебе понравится, вот увидишь! А пока позволь заморочить тебе голову, как ее только что заморочили мне.

– Вряд ли ты, друг мой, заморочишь мне ее больше, чем мое окружение, – невесело ухмыльнулся Виньогрет. – Но я внимательно тебя слушаю.

– Не секрет, что наши страны близки друг с другом больше, чем с остальными, – помолчав, начал Редьярд. – За время, прошедшее с Великой войны...

– Пять лет, – напомнил Дрюня из своего кресла.

– ...диаспора подгорного народа на территории Ласурии выросла вдвое, – кинув на шута сердитый взгляд, продолжил король. – Моих соотечественников в твоей чудесной стране меньше, однако большинство из них имеет и неустанно развивает с Драгобужьем торговые и образовательные связи, повышает свое мастерство, обучаясь у твоих уважаемых ремесленников. Мы всегда с пониманием относились не только к делам друг друга, но и к вере...

Его Ласурское Величество сделал паузу. Его Драгобужское Величество нахмурился – разговор выходил серьезный.

– Ни один храм Пресветлой на территории твоей страны не был подвергнут поруганию, я точно знаю это от своих осведомителей, – снова заговорил Редьярд. – И ни один храм твоих уважаемых соотечественников не был осквернен в Ласурии – ты можешь проверить эту информацию у своих шпионов, находящихся здесь. Ваши Братья и наша Пресветлая являются гарантами мира в наших землях, так почему бы нам не увековечить их память и величие сообща?

Виньогрет дернул себя за бороду и переспросил:

– Как ты сказал?

– Друг мой, я предлагаю возвести в наших странах совместные храмы! – возгласил Редьярд. – Ты только представь, в одном месте – а это будет грандиозное место, обещаю тебе, – смогут молиться вместе и твои, и мои соотечественники! Бок о бок! О мире и процветании наших стран!

Рыжий король Драгобужья впервые на памяти Дрюни выглядел

ошарашенным. Впрочем, ошарашен был и сам шут. Король Ласурии предлагал неслыханное!

– Но Братья любят темноту, а Индари – свет! – воскликнул гном. – Как это возможно объединить?

– А Океанский творец, ко всему прочему, обожает воду! – улыбнулся Редьярд.

– Ты и Творца хочешь туда же? – изумился Виньогрет.

– А почему нет? – ласково спросил Его Величество. – Гаракен – давнишний деловой партнер Ласурии; кроме того, они заинтересованы в развитии дальнейших отношений с вами, ты убедился в этом сам, когда гостил на свадьбе моего Арка вместе с Йорли Гаракенским! Так почему бы нам не укрепить веру наших граждан в то, что общего между нами – не только торговые пути и бухгалтерские книги?

– Хм, но есть еще Крей-Лималль, как же с ним? – усмехнулся в усы Виньогрет. – Предложишь их Пантеону войти в совместные храмы наравне с нашими богами?

Редьярд и Дрюня переглянулись. Драгобужский король сказал «наши храмы», а это означало, что идею он не отверг.

– И тем самым развяжу новую Великую войну на континенте, – покачал головой Рэд, – поскольку они воспримут это как оскорбление. Нет, Крей с Лималлем пускай наслаждаются своей избранностью. В новый проект войдут только те страны, что ратуют за мир на Тикрее, а не против него! Ты только представь количество паломников и любопытствующих, которые захотят побывать во всех трех храмах – самых больших, самых богатых и величественных в мире! Представь, как это подтолкнет ремесла и какой доход принесет в карманы уважаемых ремесленников – с той и другой стороны как границы, так и океана!

Глаза Виньогрета вспыхнули на мгновение, но он прикрыл веки, придал лицу отрешенное выражение и произнес:

– Предложение интересное, Твое Ласурское Величество, но мне нужно его обдумать!

– Это обязательно! – поднял ладони Редьярд. – Но имей в виду, друг мой, даже если Драгобужье откажется, я построю такой храм в Ласурии – и он будет великолепен!

Виньогрет передернул плечами. «Собрат по несчастью» только что бросил ему вызов. Вызов не ему лично, а королю Подгорья и Драгобужского наземья. Он не поддастся! Не станет плясать под дудочку ласурского лиса, как называли гномы правителя соседней державы. Но и о вызове не забудет!

– Я сообщу тебе свое решение, друг мой, – немного высокомерно сказал Его Величество Виньогрет.

– Прими еще раз мои искренние поздравления с выборами, друг мой! – ласково улыбнулся Редьярд и прервал магическую связь зеркал.

Откинулся на спинку стула, в недоумении потер переносицу. У него было ощущение, что только что вместо него говорил кто-то другой.

Замерший в кресле Дрюня пошевелился, ойкнул, растер отсиженную ногу и поинтересовался:

– Братец, а братец, это вот что сейчас была за спектакля? Ты сам-то понял, что ему предложил?

Его Величество почесал бороду и признался.

– Пока нет. Но сейчас начну понимать.

* * *

Подполковник Борн Сормаш в изумлении разглядывал план полевых занятий. Он точно помнил, что сегодня у курсантов по расписанию предполагался бег по пересеченной местности, а именно – в холмах на западе от Вишенрога. Борн, как и все его кровники по клану Сильных мира сего, любил вкусно поесть и легко набирал вес как в человечьей, так и в звериной ипостаси. Носиться сломя голову подполковник ненавидел, но поскольку именно это и требовалось для полных сил и неумемной энергии курсантов, он лично изучил территорию будущего полигона и пришел к выводу, что это место для тренировки выносливости – лучшее из расположенных неподалеку от столицы.

Сейчас в плане было написано другое.

В задумчивости почесав за ухом, Сормаш объявил утреннее построение, дождался, когда курсанты, как люди, так и оборотни, выстроятся шеренгой по четыре, и повел их от здания Военного университета по улицам города... вовсе не в ту сторону, куда собирался. Его окликнули. К курсантам спешили четверо, в одном из которых подполковник узнал Его Высочество Аркея, а в остальных – адъютанта Лисса Кройсона и двух гвардейцев из личного полка принца.

– Ваше Высочество, а вы что здесь делаете? – простодушно спросил Борн, после того как отдал честь и произнес все необходимые по этикету приветствия.

– Собираюсь поучаствовать в сегодняшних занятиях, – улыбнулся принц. – У меня ощущение, что я скоро пушу корни под рабочим столом!

Надеюсь, сегодня вы зададите ребятам, и мне в том числе, жару, подполковник.

– Э... Да? – удивился тот и надолго замолчал.

Молчал он аккуратно до здания Народной больницы имени королевы Рейвин, где приказал курсантам остановиться.

– Мы разве не за город? – разочарованно спросил кто-то. А другой, скорее всего Рахен Вирон из Серых Разбойников, закричал в ответ:

– Эй, побегать охота!

– Смирр-рна! Отставить разговорчики! – рявкнул Сормаш и наткнулся на удивленный взгляд Его Высочества.

– А, в самом деле, подполковник, что мы здесь делаем? – тихо поинтересовался тот. – Я думал, у вас полевые занятия за городом!

– Я тоже так думал! – возмутился Борн, стараясь сделать звучный голос тише. – Но вы сами внесли в план коррективы!

– Я? – изумился Аркей. – План у вас?

Борн открыл офицерскую сумку, висящую через плечо, и достал сложенную вчетверо карту и лист с расписанным в нем планом.

– Вот, подписано, видите: посещение больных детей на постоянной основе, игры и занятия. Ума не приложу, какие игры нужны больным детям? – пожаловался он. – Может быть, Ваше Высочество знает?

Аркей неожиданно улыбнулся такой лукавой и теплой улыбкой, что Сормаш оторопел. И только потом понял, что принц улыбнулся не ему, а увиденному на листке.

– Это приписка моей супруги, не моя, – все еще улыбаясь, сообщил принц. – Что ж... Будем выполнять приказ Ее Высочества! Лисс, сгоняй к мэтру Жданину, скажи, мы ждем его разрешения провести этот день в больнице.

Бессменный руководитель лечебницы в течение последних тридцати лет, мэтр Ажадан Жданин выскочил на крыльцо в крайней степени волнения и с ужасом оглядел смотрящих на него курсантов, у многих из которых были длинные волосы, собранные в хвост или заплетенные в косу, острые уши и выступающие клыки. И только потом, увидев стоящего чуть впереди принца Аркея, бросился к нему.

– Ваше Высочество, может быть, вы объясните мне, что...

Принц, скрыв улыбку, протянул ему план полевых занятий.

– Мы выполняем приказ Ее Высочества и просим вашего содействия!

– Ее Высочество, – расплылся в улыбке Жданин, глянув в план, – для Ее Высочества я готов сделать что угодно, но... – он понизил голос, – вы уверены, что юных головорезов стоит пускать к детям?

– Думаю, дети будут в восторге, – так же понизив голос, сказал принц и, повернувшись к подполковнику Сормашу, скомандовал: – Оборот!

– Черный факультет – оборот! – проревел подполковник и обернулся первым, став огромным бурым медведем, смешно поводящим коричнево-розовым, похожим на пяточок носом.

Спустя несколько мгновений среди мальчишек показались звериные спины – упитанные и не очень, черные, рыжие, полосатые. Серый волк, явно красуясь, выпрыгнул вперед и пошел рядом с медведем, опустившимся на четвереньки (иначе не проходил в дверь). Следом пристроились темноволосый подросток и идущий рядом крупный черный волчище, весело блестящий по сторонам зелеными глазами.

Санитарки и целительницы пищали и жались к стенам. Больные выглядывали из палат и улыбались. В детском отделении визг при виде посетителей поднялся до небес, сменившись смехом и забавным щебетанием самых маленьких.

У входа в одну из палат движение застопорилось.

– Я туда не пойду, – говорил рыжий парень с высокомерным лицом, усыпанным веснушками, – я не игрушка для людишек!

– Там не только люди, – заметил Карс, шедший мимо вместе с Весем в звериной ипостаси, – вон, в углу, маленькая фарга!

– Бродяжка... От них воняет, как от тебя, крейский сукин сын, – ощерился рыжий и неожиданно был сбит с ног ударом чьего-то кулака.

Весь с удивлением посмотрел на ударившего – им оказался его давний противник Сандр рю Кравиц, потомок аристократического рода, который оборотней терпеть не мог. Упитанный парень за последний год, полный ночных побудок, полевых испытаний, пробежек по пересеченной местности и тому подобных удовольствий для курсантов, превратился в широкоплечего крепыша, с которым явно не стоило выходить в кулачном бою один на один.

– Ты идиот, Закас, – презрительно сказал он, – дети вонять не могут, они еще маленькие. Но, к сожалению, многие из них, вырастая, начинают пахивать... как ты!

Весь, Рахен и Карс едва успели встать между ребятами, готовыми вот-вот сцепиться. Неслышно подкравшийся к ним со спины медведь рыкнул так, что у шедший мимо санитарки сдуло с рук поднос с корпией.

– Идиот, – еще раз проворчал Сандр и, смело войдя в палату, направился напрямик к рыжей фарге, смотрящей на него серьезными голубыми глазами. – Как тебя зовут, малышка?

Поколебавшись, Весь зашел следом. Подойдя к кровати мальчишки,

чьи обе ноги были в лубках по самые бедра, радостно осклабился и положил морду на край его кровати. В глазах мальчишки боролись страх и восхищение.

– Погладь его за ухом, не бойся, – предложил подошедший Карсатис, – он любит, когда ему уши чешут! Волки – такие почесушники!

Проходящий мимо серый зверь угрожающе щелкнул зубами у его бока и подошел к другой кровати, где сидела еще одна маленькая девочка. На этот раз человеческая. В руках у нее была самодельная куколка. Рахен сел рядом с кроватью и так тоскливо посмотрел на игрушку, что даже Сандр, начавший рассказывать фарге какую-то сказку, засмеялся.

– Он хочет поиграть с тобой, – перевел Карс. – Если бросишь куколку – он тебе ее принесет назад!

– Он ее съест! – девчушка прижала куколку к груди.

– Он куколок не ест, все больше говядину, – подал голос рю Кравиц из своего угла.

– Целую корову может съесть? – заинтересовалась фарга.

Рахен величественно кивнул.

– Может, – подтвердил Карс, – недели за три!

Черный волк беззвучно захохотал широко раскрытой пастью, а глаза серого запылали негодованием.

Объединенный курс людей и оборотней во главе с принцем Аркеем весь день провел в больнице, и для многих курсантов это оказалось куда сложнее бега по пересеченной местности. Они мыли полы и окна, меняли постельное белье, кормили маленьких пациентов, рассказывали им сказки и пели песенки, уговаривали потерпеть горькие лекарства и болезненные перевязки. В результате к вечеру детское отделение блистало чистотой, как курсантские казармы перед еженедельным осмотром коменданта, а уставшие от новых ярких впечатлений дети засыпали, едва дождав ужина. Вышедшие на улицу Его Высочество и подполковник Сормаш ждали, когда курсанты покинут больницу, чтобы объявить построение в обратный путь.

– Я снова чувствую себя живым! – задумчиво улыбнулся Аркей. – И, кажется, у меня есть мышцы. Во всяком случае, после мытья трех пролетов больничной лестницы и двух коридоров я их ощущаю! Подполковник, напомните мне включить такие посещения в еженедельный план для всех курсов. Думаю, больнице, существующей на народные средства, подобная помощь не помешает.

– Да, Ваше Высочество, это намного лучше, чем скакать по холмам, задравши хвост! – согласился с ним Сормаш.

Рю Вилль откинулся в кресле и по привычке тронул пальцем пиратскую серьгу в ухе. Радужник закачался, разбрасывая разноцветные отблески.

– И что же сказал тебе Его Величество, когда ты рассказала ему об угрозе, нависшей над Тикреем? – лениво спросил он.

Лень была вызвана только лишь тем, что Его Светлость до безобразия наелся морских гадов. Кухня в «Трюме», принадлежащем ему кабаке в порту, переоборудованном под ресторан, становилась лучше день ото дня.

Ники задумчиво покачала перед глазами бокал с белым вином и пожала плечами.

– Его Величество сказал: «Иди, мне нужно подумать!» А после вызвал тебя, Твоя Светлость, глав гильдий и огорошил всех идеей строительства объединенных храмов! И что это на него нашло?

Троян хмыкнул.

– Это тебе лучше знать, Ники, а не мне. Идея посетила его именно после разговора с тобой! Что ты наговорила ему?

– Ничего сверх того, что мы с тобой знаем оба, – архимагистр холодно посмотрела на него. – И меньше всего я ожидала подобной реакции! Все, что мне было нужно, – получить разрешение на отправку призраков...

– Кого? – рю Вилль удивленно поднял брови.

– Ласурские призраки, я их так называю, – улыбнулась Ники, – поскольку их задача – оставаться незамеченными и проникать в места, куда обычному человеку хода нет.

Герцог кивнул, соглашаясь. Подлил ей вина, а себе – рому.

– Ты будешь настаивать на прежнем составе команды?

Никорин пожала плечами.

– Трой, почему нет? Они справились в Лималле. Без связи, без помощи, без надежды когда-нибудь вернуться домой или остаться в живых сделали такое, что я и представить себе не могла! Насколько я понимаю, ты взял со всех расписку о неразглашении, которая не имеет срока давности, а значит, будет действовать и по отношению к следующей операции. Кроме того, они сработались...

Рю Вилль поднял длинный палец.

– Есть одно «но», Ники. И даже, пожалуй, два!

– Ты знаешь то, чего не знаю я? – искренне удивилась архимагистр.

– Я все-таки начальник Тайной королевской канцелярии, – тонко

улыбнулся Троян. – Ники-Ники, сделай мне приятное, скажи хотя бы «ах!».

Архимагистр не выдержала – засмеялась. Перегнувшись через стол, чмокнула его в щеку, с удовольствием вдохнула аромат сильного и опытного мужчины, крепкого одеколona и табака, рома. Родной такой аромат, портовый. Села на место и произнесла:

– Ах! А теперь говори.

– Проблема первая – твой подчиненный, Варгас Серафин. Задай себе вопрос: почему с момента возвращения ласурской бригады он постоянно участвует в боевых дежурствах на границе, не спеша возвращаться в Вишенрог?

Ники пожала плечами:

– Не удивил, Трой! Ответ очевиден: Вителья дала ему от ворот поворот.

– Тогда проблема вторая, – герцог, казалось, вовсе не был разочарован, – Ягорай рю Воронн, который находится у Его Величества на особом счету. Мальчик талантлив, бесспорно, поэтому я не удивлен, что король собирается приблизить его ко двору, включив в непосредственное окружение принца Аркея, и в дальнейшем продвигать по карьерной лестнице. А теперь сложи один и один – и получишь проблему.

Архимагистр нахмурилась. Получившийся расклад ее не устраивал – в предстоящей операции она рассчитывала и на Яго, и на Варгаса. И на Вителью. То, что рю Воронн и ан Денец живут вместе в его доме, не было тайной с самого их возвращения из Лималля. Если король не отпустит Яго – отпустит ли Яго Виту, догадываясь об опасности, которая в очередной раз будет ей уготована?

– Вот-вот, – покивал рю Виль. – Даже не знаю, как ты уговоришь Серафина на участие в нашей аванюре, но можно хотя бы попытаться! А вот как убедить Его Величество? Или юную влюбленную волшебницу, чья сила, насколько я понимаю, ничем не ограничена.

– Только ее жизненным запасом, – пробормотала Ники и залпом выпила вино.

Архимагистр даже не скрывала, как расстроена. Что толку скрывать, если Троян знает ее как облупленную? Кракенские блохи, она так хорошо все придумала и спланировала! Аркаеш побери и строптивного мага, обиженного несостоявшейся любовью, и Его Величество, так не вовремя решившего влить в свою свиту новую кровь!

Герцог вновь наполнил ее бокал и подал ей.

– Однако, как я понимаю, то, что ты предложила, должно быть сделано. Иначе...

Она передернула хрупкими плечами.

– Не продолжай! Я даже боюсь себе представить, что будет! Тикрей тогда ничего не спасет! Ничего, Трой, даже появление Пресветлой собственной персоной в Вишенроге. Ее просто... сомнут.

Теперь передернуло герцога. Он еще раз качнул радужник в ухе и констатировал:

– Значит, будем думать!

* * *

Благородный Андроний рю Дюемнон любил весну, как любят первую отдавшуюся девушку: трепетную, зажимающуюся, сладкую. Весной на него нападало праздношатающее настроение, которым он обычно заражал Его Величество. К сожалению, в последние годы у Редьярда не было времени сутками напролет шляться инкогнито вместе с шутом по городу, ища приключений на свою корму, поэтому Дрюня чаще всего гулял один. И даже находил в этом особую прелесть. Как каждому публичному человеку ему хотелось иногда побыть наедине с самим собой, а как человеку, говорящему правду по случаю и без, – просто помолчать. Кроме того, его всерьез захватила идея написать путеводитель по питейным и прочим заведениям с рабочим названием «Обжираловки, вкусняшки и вусмертьупиваловки славного города Вишенрога, с разбивкой на содержимое кошельков и силу желудков». Он даже составил себе некий план посещений трактиров, кабаков, пивных и т. п., где записывал краткие наблюдения. Согласно плану, в этот чудесный день следовало посетить одну харчевню и два ресторана в квартале белокостных – как раз завтрак, обед и ужин. В перерывах между ними шут собирался смотаться во дворец, поднять настроение Его Загруженному Величеству и по привычке испортить его кому-нибудь из королевского окружения.

Посвистывая, Дрюня шел по еще пустынным улицам квартала белокостных, наслаждаясь относительной тишиной большого города и собственным одиночеством. Завтрак обещал быть ранним – и это было именно то, что нужно для путеводителя. Легко подавать вкусные блюда к полудню, а ты подай их чуть позже рассвета, когда глаза и руки еще спят!

Харчевня располагалась на второй линии домов, под сенью старой крепостной стены, и производила приятное впечатление: свежепобеленные стены, крепкая крыша, длинная коновязь. Для тех из белокостных, кто любит простую и здоровую кухню с ограниченным количеством столовых

приборов.

Дрюня остановился на пороге, потянул носом... Пахло сладкими булочками, яичницей с укропом и ветчиной и так любимым вишенрогцами морсом. Запах стоил того, чтобы войти! Он толкнул дверь, остановился на пороге, окинув взглядом зал. Почти пустой, если не считать колоритной компании в углу: старик, здоровяк, красotka и юноша...

Тренированные колени шута на миг ослабели. Старик и лысый громала сидели спиной к нему, а вот девушка... Девушка была по-прежнему прекрасна. В тяжелой копне черных как смоль кудрей не появилось ни единого седого волоса, лицо сияло свежестью, морщины и морщинки, которые должны, просто обязаны были появиться за прошедшие годы, не взяли в окружение карие лукавые глаза! Она была свежа, как Пресветлая, только поднявшаяся с ложа!

Алли...

Старик, не оборачиваясь, поднял тонкую руку и недовольно проскрипел:

– Дрюня, закрой дверь, мне дует в спину. А сквозняков я не терплю, ты...

– Знаю, – он подошел к столу, не отводя изумленного и восхищенного взгляда от девушки, – помню, мэтр, все помню, как вчера. Вот только прошло...

– Не год и не два, – пророкотал Гент Мертвая голова, – но не будем об этом! Садись с нами, парень, выпьем за встречу!

– Вы не удивлены, увидев меня, – заметил Дрюня, присаживаясь рядом с великаном, но глядя на мага.

За прошедшее время тот не изменился. Разве что чуть тоньше стали руки, чуть прозрачнее – элегантные пальцы, да лицо еще больше походило на обтянутый кожей череп.

Магистр Иживолис пожал плечами:

– Завтра лопнут почки на деревьях, а это означает Весенний бал и Большой поэтический турнир. При таких условиях шансы встретить главного ласурского баламута для странствующей труппы артистов, прибывших в столицу, весьма велики.

– Главный ласурский баламут – это Его Величество Редьярд, – хохотнул Дрюня и переспросил удивленно: – Завтра, магистр? Завтра? Королевский маг сообщил, спустя седмицу.

– Завтра, – прижмурил свои тигриные глаза Людвин. – Сделай заказ.

Шут беспрекословно выполнил приказ. Он и раньше не мог сопротивляться воле мэтра – и именно поэтому сопротивлялся ей с

отчаянием утопающего, волной несомого к низвергающемуся водопаду. И каждый раз получал за это люлей. Магистр то ли ломал юного аристократа, случайно оказавшегося в его труппе, то ли воспитывал – Дрюня так и не решил для себя до сих пор эту задачу, однако на всю жизнь остался благодарен Иживолису за пройденную школу.

Он заказал пресловутую яичницу из пяти яиц, отдельно – бекон, поджаренный со сладким луком, цапнул с тарелки горбушку свежее испеченного хлеба, вдохнул его аромат и блаженно зажмурился. Очень хотелось открыть глаза и – взгляд во взгляде – утонуть в темном обаянии Алли. И чтобы вокруг никого. И чтобы можно было коснуться бархатистой кожи, сияющей юностью против всех законов природы и течений времени...

– Простые желания, – констатировал мэтр, – чем примитивнее, тем более стойкие для человека.

– Это вы о чем? – Дрюня с подозрением посмотрел на мага. На миг показалось, что старик прочитал его мысли.

– Насыщение, – улыбнулся тот своей жутковатой улыбкой, – ешь, парень, ешь.

– Мы рады тебя видеть, – впервые подала голос Алли с тех пор, как шут зашел в харчевню.

– И я рад! – пробормотал Дрюня, утыкаясь в сковороду со скворчащей яичницей.

Душой не кривил. Несмотря на изумление и привычный страх, наводимый магистром, действительно был рад встрече. Труппа выкатилась из такого далекого прошлого, о котором если и вспоминалось, то уже с ностальгией. Этаким сквознячок из молодости, свежий и дразнящий, как... подобный омуту взгляд несостоявшейся эльфийки Аллилуизэль, Аркаеш ее побери!

Несмотря на царивший в душе раздрай, Дрюня отметил и вкус бекона (не пережаренный, хотя и жирноватый), и свежесть зелени в омлете, и мягкость хлеба, и янтарность поданного к морсу меда. Заведение явно заслуживало добрых улыбок, а его хозяин – теплых объятий и полновесных монет посетителей!

После завтрака артисты вышли на улицу, и тут Дрюня увидел... их фургон. Тот стоял за домом, поэтому шут не разглядел его, подходя к харчевне.

Сердце сжалось.

Забилось сильнее...

Проклятье! Молодость посылает приветы, от которых у уверенных в

себе мужчин среднего возраста пересыхает в глотке.

Краски не поблекли. Колеса по-прежнему были крепки и ровны. Сколько ночей Дрюня пролежал на крыше, глядя в небо и с тоской прислушиваясь к шорохам изнутри, где, как ему казалось, Алли со страстью отдавалась тому единственному мужчине, которого любила. И ни разу не слышал ни звука!

– Если вам понадобится какая-нибудь помощь, обращайтесь, – отчего-то смутившись, сказал шут, – во дворце меня каждая собака знает.

Молодой парнишка, за весь завтрак так и не открывший рта, смотрел на него с восхищением.

– Если тебе понадобится помощь, зови, – впервые улыбнулся Иживолис. – А теперь иди прочь!

И Дрюня пошел прочь. Спиной ощущая насмешливый взгляд мэтра, задумчивый – Гентукки, восхищенный – парнишки-ученика, и полный обещаний блаженства – Алли.

Если и есть на земле грех в чистом виде, имя ему – женщина.

* * *

Почки лопнули на следующее утро, и Вишенрог вмиг покрылся дымкой юной зелени, наполнился восхитительными запахами древесных соков и влажной земли. Во дворце случился ранний ажиотаж, больше похожий на панику. Фрейлины носились по коридорам с платьями дам, пошитыми специально к этому случаю. Мастер Артазель, ругаясь так, что уши вяли у всех присутствующих в радиусе нескольких сотен метров, заканчивал срочные заказы. В одном из внутренних дворов раздавали кожаные фартуки, тяпки и грабельки, а в это время в черту городских стен въезжали крестьянские телеги, заставленные ящиками с растениями. Их хозяева явно собирались «в мыле» и сейчас выглядели ошарашенными, но поскольку за рассаду платил магистрат, и платил неплохо, изо всех сил спешили успеть на так неожиданно объявленный капризной природой день украшения столицы.

Принцесса Бруни, бывшая на ногах с пяти утра, успела накормить завтраком и отправить в кабинет мужа и навестить Ее Высочество Оридану, которая не могла налюбоваться на сшитое для нее мэтром Артазелем одеяние в стиле «прекрасная садовница». Несмотря на явный перебор с кружевами, так любимыми гаракенками, платье нежного оттенка восхода над тикрейской гаванью Оридане необычайно шло, подчеркивая ее

худенькую, но статную фигурку, приятный смуглый цвет кожи и загадочную темноту похожих на маслины глаз. Санику Дорошу сшили ошейник того же цвета, дополнительно украшенный желтыми лентами, который оборотень вначале облаял, затем обрычал, а теперь умудрялся снимать и прятать в потайных местах покоев принцессы. Две молоденькие горничные и одна фрейлина, красные и взмокшие, бегали за непоседой, отыскивая «зачапку», и водружали ошейник обратно, чтобы через несколько минут снова отправиться на поиски.

– Вы готовы, Ваше Высочество? – спросила Бруни, наблюдая Оридану у зеркала, Саника – в бегах, ошейник – в немилости, а горничных и фрейлин – в мыле.

Доволен был только поросенок Коля. Радостно похрюкивая, он стучал копытцами то за оборотнем, то за девушками, поддевал и с наслаждением подкидывал раскиданные по полу предметы дамского туалета.

– О! Я готова садить все, что расти! – Оридана наклонилась и ловко поймала проносящегося мимо щена. – А еще я мечтать о грабелях! Мои цветы быть самые красивые!

– Конечно, – улыбнулась Бруни, – идемте.

Однако быстро покинуть дворец не удалось. Сначала ловили вырвавшегося на свободу Колю, с победоносным хрюканьем пронесшегося по коридорам дворца и снесшего герцога Ориша, ожидающего племянницу за дверями ее покоев, два канделябра, троих придворных и пять рыцарских доспехов, собранных для украшения рекреаций. Затем Оридана увидела раздаваемые всем желающим кожаные фартуки и захотела такой же. Подобрать подходящий для хрупкой гаракенки размер оказалось непросто. А после ловили по двору Саника и снова надевали на него ошейник с лентами...

Когда наконец Их Высочества вместе со свитами покинули стены замка, солнце стояло в зените.

Казалось, Вишенрог улыбается. Шутки и оживленные разговоры слышались то тут, то там. Горожане с наслаждением возились в земле, прикапывая рассаду на подготовленные городскими садовниками газоны и лужайки. От криков лоточников, разносящих горячие хлебцы с пряностями, сладкие, одурительно пахнущие булочки, молоко, морс и вино, воздух звенел не хуже, чем от птичьих трелей. За продавцами стайками бегали дети, за детьми – собаки. Городские коты дружно удалились на крыши и, развалившись на солнышке, наблюдали сверху за суматохой с ленивым прищуром, присущим богам.

Их Высочества неспешно догуляли до выделенного королевской семье

нового сквера неподалеку от Золотой башни. Он был разбит на месте нескольких снесенных старых домов, чей внешний вид город посчитал не соответствующим респектабельному кварталу. Бруни помнила эти здания – крепкие и грубоватые, как гномы, но с той неуловимой долей пряности, что дает лишь возраст, – и жалела их, как жалела в свое время дом Григо Турмалина, который тоже попал бы под снос, если б не ее идея превратить его в трактир «У старого друга».

Начало новому скверу было положено на небольшой площади, образовавшейся на месте снесенного вместе с домами рынка. Посередине, на лужайке, всю кипела работа. К своему удивлению, Бруни узнала в одном из «землекопов» Его Величество Редьярда. Король с энтузиазмом крота рыл ямы, выливал туда по полведра воды, а Его Великолепие Дрюня – нынче в зеленом, белом и желтом, то есть в цветах весны, – подсакивая, засовывал в ямы саженцы и забрасывал их корни землей.

Заприметив невесток, Редьярд заулыбался и замахал рукой, приглашая их присоединиться.

– Хорошо-то как на воздухе! – прогудел он, когда принцессы подошли. – Эх, сейчас бы поле вспахал, а не это недоразумение!

Оридана, которая свекра побаивалась, бледно улыбнулась и в сопровождении герцога Ориша отошла к пустой пока клумбе. Слуги тут же поднесли ей стульчик и ящик с рассадой.

– Прямо руками? – изумилась принцесса, когда присевший рядом на корточки дядя показал ей, как копать ямку для рассады.

– Мы потом помоем! – закивал Ориш.

Проследивший за ними взглядом король поморщился и посмотрел на Бруни.

– Я тебя даже не спрашиваю, умеешь ли ты копать землю, – сказал он, и та едва не вспыхнула, восприняв его слова как язвительный намек на происхождение.

Вскинула голову. Чего-чего, а стыдиться своей семьи не в ее правилах!

– Конечно, умею – выходцы из квартала мастеровых умеют многое!

– И слава Пресветлой! – буркнул Редьярд. – Это лучше, чем быть избалованной куклой!

Бруни внимательно посмотрела на него. Его Величество никогда не выражал недовольства по поводу невестки из Гаракена. Казалось, король прекрасно все понимает, но вот поди ж ты, в этот залитый солнцем денек в нотках его голоса прорвалось раздражение.

– Ваше Величество, Оридана открыта новому, как ребенок, готовый учиться. У нее доброе и отзывчивое сердце, а это уже немало! Конечно, она

легкомысленна, но это объяснимо для девушки, которую растили, как дивный цветок в оранжерее, не давая напитаться обычным дождем! – сказала она и приняла у Дрюни очередной саженец.

Шут застыл, слушая ее, а потом тоже посмотрел на короля.

– Маменька права, братец! Легкомысленность не есть глупость, а есть недостаток привычки думать!

– Разговорчики в строю! – рявкнул Его Величество и коварно сменил тему, чтобы не пришлось признавать поражение: – А вон туда мы посадим дуб! У нас есть дуб? Ян?!

– Да, Ваше Величество? – Грошек отвлекся от тюльпанов, любовно высаживаемых в землю традиционным ласурским орнаментом.

– Мы желаем дуб в центр лужайки! – заканючил Дрюня. – Подайте!

Секретарь с голубиными глазами кротко вздохнул, поднялся и направился искать дуб.

– Нет, Саник, нет! – услышала Бруни вскрик Ориданы. – Не выкапывать!

Мельком глянула в ту сторону. Оборотень с азартом подкапывал только что посаженный принцессой кустик снежнотодника.

– Дуб тут будет в самый раз! – прикрыв глаза ладонью от солнца, сказал Его Величество. – Огромный, кряжистый, в окружении пламенеющих тюльпанов и сумрачных ирисов! Я просто вижу его!

– Я тоже! – поддакнул Дрюня. – Главное – его найти!

* * *

Гномы никогда не испытывали пиетета к аграрным работам: максимум, что могли посадить и с чем возиться, – лекарственные растения и любимые ими грибы. Вот почему в этот солнечный день гномья диаспора Вишенрога вышла не на улицы города, а на работу.

Йожевиж, как и полагалось подмастерью, явился в кузню раньше мастера. Проверил и разложил инструменты, разжег печь, выставил на улицу деревянные треноги, на которые вывешивались в качестве образцов ножи, щипцы и щипчики, полотнища лопат и т. п. Натаскал из дворового колодца воды в бадье и вышел на крыльцо, дабы выпить кружку студеной воды и послушать вишенрогский переключ – людей и птиц. Драгоценные минуты перед работой для каждого уважающего себя мастера... ну, или подмастерья! И буквально натолкнулся на гнома в коричневом, украшенном позолоченными бляхами камзоле.

– Почтенный Йожевиж Агатский, Синих гор мастер? – предварительно поклонившись, уточнил гном.

У Йожа отчего-то заняло в груди.

– Он самый, уважаемый, – ответил он, вернув поклон. – Чем могу служить?

Гном полез в притороченную к поясу сумку и достал деревянный футляр для свитков, тетрадь в кожаной обложке и самопишущее перо.

– Получите, распишитесь!

Рука почтенного Синих гор мастера едва не дрогнула, когда он забирал футляр и расписывался в ведомости. Он ждал дурных вестей с того самого дня, как отца Виньовиньи выбрали правителем Подгорья и Драгобужского наземья, но не думал, что они последуют так скоро!

Гном забрал у него тетрадь и перо, поклонился и ушел, а Йожевиж так и остался стоять на пороге, разглядывая футляр, позабыв об ответной вежливости. Он испугался... До дрожи в коленях испугался, что может потерять свою голубоглазую, упрямую гномеллу, осиявшую его жизнь светом истинной любви.

Завидя подходящего к кузне мастера Хлопблехеля, гном поспешно сунул футляр в карман куртки. Дурные вести дурными вестями, а работа прежде всего!

* * *

Дуб был найден и с почестями препровожден на лужайку.

– Какой-то он невзрачный! – нахмурился Его Величество, разглядывая саженец высотой ему по пояс. – А побольше не было?

– Не было, Ваше Величество! – расстроено вздохнул Ян Грошек и прошептал стоящему рядом Дрюне. – Дубов вообще не было – не сажают их в городе из-за мощных корней, что фундаменты ломают!

– А этот откуда взял? – таким же заговорщическим тоном поинтересовался шут.

– На каком-то пустыре выкопал, – признался секретарь.

– За голову не боись, не выдам, – улыбнулся Дрюня и подошел к королю. – Ты чего на деревце наговариваешь, Твое Капризное Величество? Смотри, какой пряменький, и почки толстенькие! Вот как Саник!

Саник увлеченно подкапывал уже третий куст. Ее Высочество Оридана, с головой ушедшая в посадку цветов и увозившаяся не хуже своего воспитанника, вскочила и всплеснула руками.

– Ах, ты, нехорошик! Нельзя там копать! Нельзя!

Щен ее не слушал. Кто когда-либо копал с азартом, его поймет!

Подскочив к нему, принцесса топнула ножкой.

– Прекратить! Саник, прекратить!

Оборотень отодвинулся, но продолжил копать. Кустик жалко завалился набок.

– Ах, ты! – воскликнула Оридана и... замахнулась.

Саник прижал уши и попятился.

– Змейка моя, ты пугаешь его! – поспешил на помощь племяннице герцог Ориш, но было поздно – щенок развернулся и со всех ног бросился прочь.

– Стоять... – растерянно прошептала Оридана. – Саник, стоять! Да поймайте же его кто-нибудь!

Все работающие на площади дружно побросали инвентарь и погнались за беглецом. С таким же успехом можно было гнаться за ветром – маленький оборотень, выросший на улице, прекрасно ориентировался в городских трущобах и вскоре исчез из виду.

Гаракенская принцесса горько плакала на плече у Бруни, а та, подозвав к себе Григо, приказала:

– Найди Веся, он говорил, у них на курсе есть парень с потрясающим нюхом! Пусть приведет его сюда! Не плачьте, Ваше Высочество, мы обязательно его найдем!

– Маленький... – всхлипывала та, – я не злиться! Я воспитывать!

– Ох, Ори, – по Фигли Оришу было видно, что тот искренне расстроен, – в следующий раз спроси у меня, прежде чем кричать, и мы что-нибудь придумаем!

– Своих детей ей надо, – так тихо, что слышно было только шуту, сказал Его Величество, – напомни мне поговорить с Колеем на эту тему! Ян, дуй в магистрат, пусть поднимут городскую стражу для поиска оборотня. И строго-настрого накажи, чтобы не пугали!

Едва успевший отдышаться после поисков дуба секретарь кивнул и стрелой унесся прочь.

Оридану пришлось увести с площади. У нее все валилось из рук, а слезы постоянно капали, заливая кружева.

С наступлением ночи новостей не появилось. Вестах Золвен из Гончих Псов, приведенный Весем из университета, вначале уверенно встал на след, но затем потерял его – Саник несколько раз пересекал рыночные площади, на которых след легко терялся среди других. Оридана отказалась от ужина, выгнала прислугу, поругалась с дядей и плакала в своих покоях,

представляя страшные картины того, что может поджидать ребенка на улице. Самым страшным из представлявшегося принцессе, выросшей в тепличных условиях, были голод и темнота. Ей казалось, город, как пресловутые дворцовые часы с океанским творцом, за трезубец которого она зацепилась в детстве, затягивает Саника в свое жерло с целью перемолоть его тонкие косточки. Пожалуй, впервые в жизни с тех самых пор, как была ребенком, она испытывала настоящий, выворачивающий душу страх. Принцесса не переживала так, даже направляясь в Ласурию для знакомства с принцем. Тогда официальный протокол лишь слегка волновал ее мысли, вовсе не занимая места в сердце, а маленький коричневый щен с белой кисточкой на хвосте, кажется, занял его целиком!

После ужина в покои Ориданы тихо зашла Бруни, устроилась рядом с лежащей на кровати принцессой и молча обняла, глядя по голове, как маленькую. Ей ли было не знать этого отчаяния – отчаяния потери любимого существа, без которого сердце отказывается ворочаться в груди, а глаза – смотреть вокруг. И все застилает серой-серой дымкой, и ты теряешь в ней себя, испытывая бесконечную выматывающую душевную боль.

– Вы быть правы... Саник не игрушка! Он живое, умное! – всхлипывая, заговорила Оридана. – Я плохая для него! Но хочу быть хорошей... мамой! Как сделать?

Бруни невольно положила ладонь себе на живот, и тот отозвался легким толчком. Как быть хорошей мамой? Она в последнее время тоже часто задавала себе этот вопрос.

– Наверное, любить, – ответила она, – просто любить и... терпеть. Нам для детей нужно терпение, а им от нас – любовь. Вот и весь секрет.

– Ох... – прошептала принцесса и заплакала горше прежнего.

В дверь постучали.

– Никого не принимать! – всхлинула Оридана, однако створки уже открылись, впуская Его Высочество принца Колея.

Бруни поспешно встала и отошла к окну, сомневаясь, стоит ли оставлять принцессу в таком состоянии наедине с ее непредсказуемым супругом.

Колей, подойдя к кровати, поклонился Оридане. Та отвернулась.

– Я зашел сказать, как сожалею о вашей пропаже, моя дорогая, – покосившись на Бруни и явно подражая отцу, сказал он, – но верю, что мальчишка найдется. И еще хочу сообщить вам, что не буду возражать против вашего опекуинства над ним.

Он пошел прочь из комнаты, однако на пороге оглянулся, встретился

глазами с Бруни. В ее взгляде было недоверие, в его – вызов.

– Хочу, чтобы вы знали... – снова посмотрев на жену, произнес принц и вышел.

Оридана затихла – то ли устала плакать, то ли была сильно удивлена.

Бруни выглянула в окно и вдруг увидела под разлапистыми яблонями, что окружали аптекарский огород мэтра Жужина, мерцающий огонек. Как будто некто, стоя там, то закрывал, то открывал дверцу потайного фонаря. В сердце толкнулась надежда.

– Я сейчас вернусь! – воскликнула она и выбежала из комнаты, мимо изумленных гвардейцев в голубых мундирах колеевского полка, охраняющих вход в покои гаракенки, по пустынным коридорам, полным теней, сквозняков и редкого света магических светильников.

На улице было прохладно, однако Бруни бросило в жар, когда она, подойдя к яблоне, увидела фигуру в темном плаще с капюшоном.

– Приятно иметь дело с умной женщиной, – скидывая капюшон и улыбаясь, сказал Григо Хризопраз, протягивая ей скулящий комочек с белой кисточкой на хвосте. – Держите вашу пропажу! Скажете, сам пришел.

Бруни прижала к себе сжавшееся тельце. Оборотень поглядел на нее круглыми глазами, в которых плескалась тоска. Он был испуган, голоден и устал, однако самым страшным оказалось одиночество, возможность отвыкнуть от которого ему подарила смешная и резкая принцесса из Гаракена.

– Пресвятые тапочки, вы нашли его! – засмеялась Бруни, прижимая щена к себе. – Григо, дайте я вас поцелую!

– Если нас увидят – сплетен не оберетесь, – пробурчал довольный дракон, – хорошо спрятался шельмец, пришлось сделать пару кругов над городом, чтобы найти его! С высоты видно лучше!

Ее Высочество звонко чмокнула секретаря в щеку и побежала прочь, стараясь дышать ровнее.

Вбежав в покои принцессы, ощутила, как шевельнулся у нее под рукой хвостик – туда-сюда. Тихо положила щенка рядом с Ориданой. Та приподнялась, зрачки ее казались огромными на бледном лице. Молча прижала к себе грязного оборотня, молча ткнула лбом в его лобастую голову. Саник скулил и пытался лизнуть ее в нос...

В эту ночь Бруни не могла заснуть до рассвета. Слушая ровное дыхание спящего мужа, ворочалась с боку на бок, поглаживая живот и ощущая невольный страх за еще не родившегося ребенка. Как защитить его от жестокости мира и обид? От собственной глупости? От несправедливых

людей и человеческой подлости? Как уберечь родной комочек, бьющийся, словно второе сердце, дарящий ощущение целого мира внутри себя?

Так и не уснув, она встала, самостоятельно оделась и прокралась в покои Ориданы. Гвардейцы в голубых мундирах отдали караул бесшумно, переглянувшись, улыбнулись друг другу.

Бруни проскользнула в комнату принцессы и остановилась у кровати. На ней спали в обнимку Оридана и худенький мальчуган со светло-каштановыми, почти рыжими, никогда не стриженными локонами.

* * *

День тянулся невыносимо долго. Мысли Йожевижа постоянно утекали в футляр, и он с трудом ловил их, пытаясь концентрироваться на работе. Когда мастер попрощался и ушел, Йож не загасил очаг. Смотрел на мерцающие в темноте уголья. Потом медленно протянул над ними заскорузлую ладонь. Жар ожег. Завоняло паленой кожей, но гном, стиснув зубы, терпел. Боль – единственное, что может отрезвить уважающего себя мастера, неминуемо впадающего в пучину отчаяния!

Боль действительно помогла, вернув мыслям ясность. Йож отдернул вздувающуюся пузырями ладонь. Будет Виньо работа – исцелять собственного мужа. Что бы там ни находилось в футляре, он от жены не откажется и от себя не отпустит!

По дороге домой гном зашел в лавку и купил ее любимые баблио с подосиновиками. Сверху покрашенные яркой оранжевой глазурью, они и сами напоминали грибные шляпки. Йожевиж шел домой, с наслаждением вдыхая весенние запахи и разглядывая запестревшие цветами газоны, и чувствовал себя как осужденный на последней прогулке. И оттого каждый звук, картинка или запах западали в самое сердце, чтобы остаться там навсегда.

Виньо была дома. Чайник уютно бурчал на печке. На столе лежали нарезанные солидными ломтями буженина и сыр, отдельно в мисочке с голубой каемочкой – соленые грибочки. Из печки тянуло жарким.

– Ждала меня? – с порога радостно спросил Йож. – А я вот он!

Виньовинья встала и поклонилась, как полагалось по традиции, и только потом бросилась к нему, чтобы зацеловать. Йож с удовольствием прижал к себе ее плотное тело, загреб крепкие ягодицы в ладони... и зашипел от боли!

– Что случилось? – прынула от него Виньо, оглядела, схватила за руку.

Волдыри на обожженной ладони уже полопались и сочились сукровицей.

– Руфусова плешь! – воскликнула она. – Это ты как же умудрился, муж мой! Ну-тко идем!

– Да вот так как-то... – оправдывался Йожевиж, которого она за рукав как маленького тащила к столу.

– Садись и сиди смирно! – строго приказала ему жена и накрыла поврежденную ладонь мужа, больше похожую на лопату, своими двумя.

Йож блаженно зажмурился. Вспомнилась пещера где-то под Креем, где лечила его, тяжело раненного, юная волшебница, которой помогала голубоглазая гномелла. Вспомнилось, как Виньо плакала у него на плече, когда он пришел в себя, а Вита изумилась и раскусила их уловку с переодеванием гномеллы в мужскую одежду. Казалось, это было так давно! Казалось, это было только вчера...

Спустя несколько минут целительница отдернула руки. Пузыри подсохли, а под ними появилась молодая розовая кожа – придется завтра носить защитную рукавицу, дабы не истереть ее, нежную, в кровь. Йожевиж хмыкнул. Нежная кожа и гномы – несовместимые понятия!

И вдруг – как на арбалетный курок нажал – выхватил футляр, из него – свиток и протянул Виньо:

– Прочти вслух!

Не признаваться же, что у него темнеет в глазах?

Виньовинья быстро проглядела свиток, и ее брови поползли вверх.

– «Настоящим сего дня сего года указываю в целях развития отношений с государством Ласурия, с которым мы планируем находиться в мире и согласии, увеличить штат работников драгобужского посольства в столице Ласурии Вишенроге и назначить на должности...» – Она подняла округлившиеся глаза на мужа и спросила: – Йож, кто все эти гномы?

Тот только плечами пожал:

– Ты читай, читай, что там дальше!

– А дальше там... ты! – осипшим голосом произнесла гномелла и села мимо стула.

Протянула свиток мужу.

– Читай!

– «Настоящим сего дня сего года...»

– Ниже!

– Военный консул... Первый секретарь... Второй секретарь посольства – Йожевиж Агатский! На службу явиться... – Йож выронил свиток и принялся яростно чесать бороду. – ...Завтра!

– Бородатая мама моя! – ахнула Виньо, подхватывая свиток. – Так это же... отцом подписано! Цеховым старшиной Виньогретом Охтинским!

Йож перестал чесать бороду и укоризненно поправил:

– Его Подгорным Величеством Виньогретом Первым!

– Папа... – прошептала Виньо и, прижав свиток к груди, подняла на мужа умоляющий взгляд: – Муж мой, ты же согласишься? согласишься, да?

Йожевиж молча кивнул и, потянув жену с пола, усадил на колени. Зарылся лицом в ее пышную грудь. Не по сердцу ему было принимать помощь из рук тестя, но гномы всегда выполняют приказы своего короля... если это, конечно, не приказ расстаться с любимой!

* * *

Издали стены заброшенного форта, когда-то построенного на болоте между холмами, казались стесанными клыками гигантского зверя. Вблизи же форт производил грандиозное впечатление. На каменном основании высотой в несколько этажей располагалась деревянная надстройка со смотровой башней. Сейчас она истлела и держалась на честном слове, поэтому курсантам запретили использовать ее в качестве укрытия. А вот переходы, коридоры, каменные мостки и потайные лазы форта сохранились, несмотря на влагу, в приличном состоянии.

Группа Веслава Гродена, разделившись по одному, прочесывала коридоры, пытаясь найти группу рю Кравитца. Несмотря на то что преподаватели настаивали на смещении людей и оборотней во время полевых занятий, среди компании Сандра до сих пор не было ни одного оборотня. Что не делало ее менее опасной!

Рахен в человеческом обличье крался по коридору. Большинство фортов строились по одним и тем же планам, которые он не поленился найти и посмотреть в университетской библиотеке. Он любил узнавать новое и, как и все оборотни, обладал великолепной памятью, с первого раза запоминая увиденное в мельчайших подробностях. По планам на площадках лестниц всегда располагались клетки, которые использовались как караульные или кладовки. Рахен знал, что приближается к такой площадке, и тщательно принюхивался, потому что был уверен в засаде.

И не ошибся!

В клетки спрятался один из приспешников рю Кравитца – толстяк Рион. Стоял тихо, дышал неслышно, как их и учили. По площадке хитрец

рассыпал табак, отбивающий запах, а в руках держал... сеть. Рахен оскалился. Волка? Сетью? Держи карман шире! И намеревался осторожно двинуться вперед, когда неожиданно уловил новый аромат: рыжего Закаса, предводителя третьей группы курсантов.

Понимание пришло мгновенно.

Пока Весь с друзьями охотятся за группой рю Кравитца, подполковник Сормаш, коварный, как и все медведи, отправил в форт третью группу – Зинура. Интересно, Закас знает, что условных противников гораздо больше, чем было обещано? Оборотень усмехнулся: скорее всего, нет! И уж конечно, рыжий не сидел в библиотеке допоздна, разглядывая нарисованные на тонкой пожелтевшей от времени бумаге планы, и не знает, что под лестницей есть углубление, в котором можно укрыться от взгляда сверху.

Спустя мгновение серый волк прокрался вдоль стены, молниеносным прыжком преодолел дверной проем клетки и спрыгнул на нижний уровень, минуя лестницу.

Рион, который успел что-то заметить, но не понял, что это было, подойдя к краю площадки, заглянул вниз и ничего подозрительного не увидел. Зато услышал шаги Закаса, неторопливо шедшего по коридору, и поспешил вновь скрыться в клетки.

Между тем Рахен, снова обернувшись человеком, разматал свою сеть, накрученную вокруг тела. Сейчас он славно повеселится!

Закас остановился – почувал табак. Дураком рыжий не был, да и откуда бы взяться табаку в форте, заброшенном сто лет назад? Однако в отличие от Рахена Зинур решил брать противника нахрапом и помчался в конец коридора. Влетел в каморку, сбив с ног тяжеловеса Риона. Противники сцепились, покатались по полу. Правило курсантов, соблюдавшееся неукоснительно, – биться до первой крови, – не мешало им с наслаждением мутузить друг друга, пытаясь взять соперника в захват и первым забрать сеть.

Рахен, стоящий под лестницей с гадкой ухмылкой, терпеливо ждал.

В пылу схватки мальчишки вывалились на площадку, покатались вниз по ступенькам. Более крупному Риону удалось отцепить от себя Закаса, чтобы вернуться за сетью, которую он выронил в пылу схватки. Рыжий, вскочив, тоже рванул наверх, догнал его на середине лестницы...

– Мой выхо-о-д! – пропел Рахен.

Одним прыжком перепрыгнул парапет и, накрыв обоих сетью, толкнул вниз. Ругань и шмяканье тел о каменные ступени звучали для него музыкой.

- Ты у меня за это ответишь, серый! – прошипел Зинур.
- Идиот, слезь с меня! – завопил Рион, которого Закас придавил к полу, при падении оказавшись сверху.
- Рахен, что у тебя здесь? – из бокового коридора, блестя зелеными глазами, выглянул Веслав Гроден.
- Двое! – лаконично сообщил сероволосый оборотень и с удовольствием отметил зависть, промелькнувшую во взгляде друга. – А у вас?
- Я взял Риша, а Карс – Техина. Из группы рю Кравитца остался только он сам...
- Хитер, собака! – хмыкнул Рахен.
- Тащи их к выходу, а я еще покружу. Надо же Сандра найти!
- Договорились! Мы тоже потом вернемся – поищем парней Зинура. – Рахен перевел взгляд на пойманных: – Сами пойдете, или тащить вас, как овощи?
- Сами, – хмуро ответил Закас.

* * *

Черный волк, вывалив язык, стоял на верхнем уровне: ей-ей, рю Кравитц заставил побегать за собой! Веслав облазил форт снизу доверху, вдоль и поперек. Дважды наткнулся на оборотней из группы Зинура, но уходил, не открывая своего присутствия, – у него была задача, отвлекаться от которой он не собирался. Внутреннее чувство времени подсказывало, что грядет рассвет, однако Сандра так и не находился. И, что более странно, не нападал!

Оборотень принялся. Сквозь проемы в досках надстройки проглядывали бледные весенние звезды. Небо еще не начало светлеть на востоке, и они казались серебряными гвоздиками, рассыпанными по черному полотнищу. Приняв человеческое обличье, Весь задрал голову, разглядывая их. Только в одном месте он не искал рю Кравитца! В том самом, использовать которое в качестве укрытия им запретили.

Лихо махнув толстой косой, Гроден шагнул на лестницу, ведущую в смотровую башню. Возникло ощущение, что он ступил на обманчивую поверхность болота. Наверное, стоило обернуться, ведь у зверя инстинкты развиты сильнее, чем у человека. Но за последний год Веслав Гроден из Черных Ловцов вырос в своей звериной ипостаси в крупного волка, оборачиваться в которого на трухлявых ступенях сейчас казалось опасным.

Пока он поднимался, башня чуть колыхалась, даря дразнящее ощущение восторга и угрозы. В лестничном полотне было полно провалов. Один из них чем-то привлек внимание Веса. Оборотень осторожно опустился на колени, лег животом на ступеньку, заглянул внутрь... и наткнулся на полный боли взгляд Сандра.

– Я бы тебя сделал, если бы не эта Аркаешева ступенька! – хрипло сказал тот, пока Гроден со все возрастающим изумлением разглядывал торчащий из плеча рю Кравитца металлический штырь, на который тот напоролся, как свиная туша на крюк мясника, когда провалился.

– Ты правда нас так ненавидишь? – поинтересовался Весь, прикидывая, как вытащить сокурсника, не обрушив башню.

– Люди – венец творения, серый, люди...

Сандр закашлялся, заскрипел зубами от боли. Ступенька под оборотнем опасно заколыхалась.

– Постарайся не кашлять, – посоветовал Весь, – иначе мы ухнем оба, венцы и не очень! Если я спущу тебе сеть, сможешь ухватить ее одной рукой?

– Постараюсь, – сквозь стиснутые зубы отвечал рю Кравитц.

Оборотень спустил вниз сеть.

– Постарайся руку засунуть так, чтобы, если пальцы соскользнут, не выпутаться, – посоветовал он.

– Не дурак, – последовал ответ.

Сандр продел здоровую руку в несколько широких ячеек.

Весь проверил крепость торчащего из стены обломка доски, закрепил на нем сеть и начал потихоньку сползать в пролом.

– Давай руку... Еще чуть-чуть... Я тебя сейчас сдерну. Готов?

– Готов...

К тому моменту, как Веславу удалось рывками стащить плотное тело рю Кравитца на край штыря, Сандр был бледен как мертвец, что вовсе не мешало ему шипеть сквозь зубы ругательства. К удивлению оборотня, потомок древнего аристократического рода выражался как пьяный матрос, т. е. виртуозно, образно и не задумываясь. Ругался он до того момента, когда наконец сорвался со штыря и ухнул вниз, издав единственный за прошедшее время крик боли. Невольно почувствовав к товарищу уважение, Весь крикнул:

– Держись!

И с усилием вытянул из пролома сначала себя, а затем Сандра. Оба, задыхаясь, повалились на ступени.

– Долго ты собирался там висеть? – отдышавшись, поинтересовался

Гроден.

Рю Кравитц поморщился и промолчал.

Оборотень покосился на него. Не хотел парень звать на помощь, ясно. Думал, сам выберется, а не вышло!

– Слушай, все спросить тебя хочу, – Весь скинул с себя курсантскую куртку и, отодрав рукав от рубашки, принялся перетягивать ему плечо, – почему ты Закасу тогда, в больнице, в рожу дал? Ты же за фаргу заступился, не за человеческое дитя!

– Дитя – оно дитя и есть! – покачал головой Сандр. – Ну как тебе объяснить, серый... У меня две сестренки-близняшки в таком же возрасте, как та рыжулька. Я тому, кто их обидит, глотку зубами порву не хуже оборотня!

– Венец творения – люди, говоришь? – уточнил Гроден, скрывая улыбку – отчего-то на душе у него было хорошо. – Зубами, говоришь? И в чем тогда между нами разница?

* * *

На туалетном столике в шахматном порядке были расставлены шкатулки и футляры, пеналы и сундучки: Ее Светлость рю Филонель задумчиво разглядывала драгоценности, подаренные ей королем. Тонкие пальцы герцогини сладострастно перебирали аграфы и броши, ожерелья и цепочки, подвески, серьги, браслеты, шпильки, заколки, медальоны, пудреницы и пряжки. Пожалуй, она могла бы вспомнить историю каждой вещи... если бы захотела.

Аграф с филигранью и драгоценными камнями полетел в сторону. Агнуша резко встала и, подойдя к окну, распахнула створки. Ночь была прохладна, как объятия неродной матери, а где-то там, в Лималле, пахло травой, вечной зеленью и хвоей лесов. И луга в горах казались цветными озерами, в которые хотелось упасть, раскинув руки и утонув взглядом в глубинах небес. Тоска, ставшая привычной, острой иглой впиалась в сердце. Что толку тянуть время, когда и так все ясно?

Эльфийка дотронулась до своего лица, гладкого, нежного. Юного – для тех, кто не умел видеть за красотой возраст опытной женщины. В жизни каждого наступает момент для проигрыша, но не у каждого хватит сил и гордости принять его. У нее, Агнуши, хватит, вопрос в другом: хватит ли их на второй, если таковой случится?

Герцогиня вернулась к туалетному столику и ладонью перемешала

украшения. Да, их историю она помнит, а им, бездушным и дорогим, все равно. Поэтому прочь сентиментальные воспоминания!

Она перешла в кабинет, села за стол, развернула зеркало связи и коротко оглядела себя: так и провела ночь в изящном бело-черном платье и гарнитуре из черных брильянтов. Не переодевалась, поскольку спать не ложилась, лишь распустила волосы, чтобы дать голове и шее отдохнуть от высокой прически.

Сигнал вызова не успел отзвучать, как зеркало затуманилось дымкой, из которой выплыло лицо советника Мудрейшего по личным вопросам. Лицо незаспанное, с обычным выражением делового человека. Глядя на Ксариона, герцогиня почувствовала зависть: счастлив тот, кто ощущает себя на своем месте днем и ночью!

– Тени плохих снов да не коснутся вас, советник Перкатипотль, – приветствовала она его, – прошу прощения, что помешала работать!

– Вы в некотором роде тоже моя работа, Агнуша, – любезно улыбнулся Ксарион, – во всяком случае, до тех пор, пока не сообщили об отказе от моего предложения.

– Как раз об этом я хотела поговорить, – серьезно кивнула эльфийка. – Признаюсь сразу: я не собирала информацию о моих конкурентках и ничего не знаю об их кланах, возрасте и способностях. Мне это неинтересно по одной простой причине: я – это я, советник. Но я уверена, среди них не найдется ни одной с опытом таким же уникальным, как мой!

Ксарион взглянул на нее в некотором изумлении.

– Что вы имеете в виду?

– Мою жизнь в Ласурии. Мою жизнь рядом с королем Ласурии, – твердо сказала герцогиня. – За прошедшие годы я изучила Его Величество достаточно, чтобы предугадать любые действия или реакцию на то или иное известие. Это полезное умение для женщины, любящей получать подарки... – Она коснулась пальцем длинной серьги, и черный бриллиант загадочно заискрился. – Вкупе с остальными достоинствами оно превращает меня из кандидатки в победительницу конкурса.

– Вы предлагаете мне сделку? – сухо уточнил Ксарион.

Агнуша покачала головой.

– Каскарты свидетели, я не толкаю вас на должностное преступление, советник! Если мое предложение не понравится Мудрейшему – я останусь прозябать на окраинах Тикрея, и вы больше обо мне не услышите. Я просто прошу передать ему мое условие...

Так вот он какой – прыжок в обжигающе холодную воду! Для нее таким прыжком стала последняя фраза.

Мир на мгновение замер.

На линию судьбы упала тень...

Назад дороги нет – только вперед!

Герцогиня сжала губы, распрямила плечи и встретила испытующий взгляд Ксариона с истинно королевским достоинством.

Советник откинулся на спинку кресла, сцепил пальцы перед собой.

– Я вас слушаю, дочь клана рю Филонель.

– Я согласна на все условия, предложенные Мудрейшим, и буду ему верной спутницей в веках, подругой, советчицей и матерью для его детей, сколько бы их ни было, при условии, что других кандидаток он не рассматривает, – холодно проговорила она.

Не желала такого мороза в голосе, однако ощущение обжигающе холодной воды оказалось сильнее умения владеть собой. Впрочем, возможно, это было и к лучшему. Если уж проигрывать – то проигрывать не как фаворитка короля, а как королева!

Ксарион Перкатипотль помолчал, разглядывая свои пальцы. Затем вздохнул и констатировал:

– Теперь мне нужно время обдумать ваши слова, Агнуша... Впрочем, долго это не продлится, обещаю!

Эльфийка вежливо склонила голову и произнесла лишь одно слово:

– Благодарю!

Советник прервал связь, не прощаясь, а зеркало снова стало простым зеркалом, в котором Ее Светлость взглянула себе в глаза. Глаза опытной женщины в возрасте.

* * *

Посадка цветов открыла сезон труверов и менестрелей, длящийся до наступления летней жары. В этот период столичный магистрат не собирал пошлину за выступления на улицах города, поэтому из всех уголков Тикрея стекались в Вишенрог странствующие труппы и артисты-одиночки. Отовсюду раздавалась музыка, кричали, перекрикивая друг друга, ярмарочные зазывалы, поэты, возводя очи к небу и растягивая слова, читали стихи и баллады, уличные циркачи давали представления прямо на городских площадях.

В «Старом друге» пахло свежеструганым деревом и штукатуркой, взбитыми сливками и шоколадом. Трактир, несмотря на мелкие недоделки, собирался принимать первых посетителей.

Принцесса Бруни, прибывшая в сопровождении секретаря до открытия заведения и лично осмотревшая все – от ассортимента кладовок до входного порожка и дверной ручки с изображением головы дракона в золоченом кольце, – прохаживалась по галерее второго этажа, заложив руки за спину, и любовалась работами мастера Вистуна. Свет, падающий из мансардных окон новой крыши, здесь действительно был хорош, подчеркивал естественные и живые краски, какое-то легкое и радостное настроение картин. Полотна подбирали сам мастер вместе с матроной Клози и Бруни. «Хочу, чтобы люди уходили отсюда с хорошим настроением, а выйдя, думали, как бы сделать что-нибудь доброе!» – так озвучила принцесса концепцию выставки. Подумав, Висту согласился. Были отобраны его акварели – нежные, воздушные, как кружевная глазурь на торте, – и несколько картин маслом такого насыщенного колора, что их хотелось тут же съесть, запив знатной кружкой морса. Однако один из простенков в дальнем углу помещения пустовал до сих пор. В него не попадал прямой свет, отчего фон стены казался затемненным, контрастируя с остальным помещением.

Мастер Висту, пришедший вместе с Клози, нервно поглядывал в ту сторону, но помалкивал. После неожиданного превращения трактирщицы в принцессу он немного робел в ее присутствии, хотя Бруни не единожды убеждала его в том, что с получением громкого титула никак не изменилась.

Клозильда Мипидо вела себя на удивление тихо. На самом деле она просто млела, разглядывая картины любимого, собранные в одном, специально для них подготовленном месте, и ее восторга по этому поводу была так много, что все слова куда-то подевались.

– Мое восхищение, мастер Вистун, – подал голос Григо Хризопраз, который, разглядывая картины, тоже молчал до этой минуты, – от вашего искусства светло на душе! Вы удивительный художник!

Маленький мастер зарделся как девица и уставился в пол.

– Я никак не решу, что повесить на эту стену! – воскликнула Бруни. – Мне кажется, здесь должно быть что-то такое... такое... – она покрутила пальцами в воздухе.

– Шедевра? – скрывая улыбку, подсказал секретарь.

– Именно! – согласилась принцесса. – Здесь должна быть картина, которая заставит задуматься о жизни! Скажите мне, Висту, есть ли у вас такая?

Мастер нерешительно кивнул – видимо, сомневался как в положительном ответе, так и в своих возможностях обманывать

коронованную особу.

– Вы покажете? – взмолилась Бруни, схватив его за руки.

– Она... Вы... Ее уже видели! – выпалил Висту. – Это «Похищение пресвятых тапочек»...

Принцесса действительно присутствовала при создании картины, наблюдала матрону Мипидо, завернутую в красное покрывало с кровати Лихая Торхаша, возлежащую на трактирном столе в неверном свете каминного пламени, и полуобнаженного Марха Тумсона, который изображал коварного искусителя. Следила, как Висту, полностью уйдя в себя, набрасывает штришок за штришком на полотно, размечая контуры будущей шедевры... Но законченной работы она так и не увидела!

– Мастер, вы ошибаетесь, – расстроено сказала Бруни. – Я даже не знала, что она закончена!

– Но она не закончена! – воскликнул Висту.

Клозильда старательно молчала и делала вид, что любит собственные пальцами, больше похожими на сардельки.

– Если бы она была не закончена, вы не ответили бы утвердительно на мой вопрос, есть ли у вас картина, которая заставит задуматься о жизни! – улыбнулась Бруни. – Висту, если выставление «Похищения» – вопрос денег, мы решим его к нашему общему удовольствию!

– Обязательно решим! – поддакнул Григо, лукаво блестя глазами.

– Я... – Вистун сжал руки на груди. – Я не уверен, что она достойна быть выставленной!

– Возможно, стоит дать решить это посетителям галереи? – мягко уточнил Хризопраз. – Нельзя открывать выставку без гвоздя!

– Без какого гвоздя? – с подозрением поинтересовалась Клози, наконец подавая голос.

– Без гвоздя выставки! – провозгласил секретарь.

– Висту, миленький, согласись! – матрона Мипидо умоляюще посмотрела на него. – Я отказываюсь от своего желания иметь собственную карету и прошу тебя подарить мне на свадьбу твое согласие выставить «Похищение»!

– Пресвятые тапочки, ты просила подарить тебе карету? – засмеялась Бруни.

– Ну, должна же быть у девушки мечта? – смущенно улыбнулась Клози, и Вистун взглянул на нее с обожанием.

– Давайте так, – хлопнула в ладоши принцесса, – мы с Его Высочеством Аркеем дарим вашему семейству карету, а вы, Висту, сегодня же привезете «Похищение» сюда с тем, чтобы уже завтра мы могли

открыть галерею!

«Умница!» – одними губами прошептал Григо.

Глаза маленького мастера блеснули.

– С лошадьми? – уточнил он.

– Две коняшки вас устроят? – вопросом на вопрос ответила Бруни.

– Три! – воскликнула, не сдержав восторга, Клозильда и, подхватив жениха, закружила по галерее. – Три коняшки, и мы увидим «Похищение» уже завтра, правда, Вистунчик?

– По рукам! – косясь на принцессу через плечо, подтвердил улыбающийся художник.

* * *

«Однажды тебя тоже убьют...»

Архимагистр Никорин вздрогнула и проснулась.

– Что ты? – раздался тихий голос.

Она повернула лицо и увидела в темноте желтые глаза, горящие, как две луны. Другую такое зрелище испугало бы, но не ее. И не после слов, услышанных в полном туманной мути сне.

– Кошмар приснился, Грой. – Она повернулась, положила голову ему на грудь, слушая мерный стук сердца.

Ритм завораживал, успокаивал, казался самой главной вселенской тайной, познанной в ночи, в тишине, в темноте...

Он обнял ее бережно, как умел. Тишина сменилась ожиданием. Физически ощутимым, плотным.

– Ты что? – не поднимая головы, спросила Ники, как он только что спрашивал ее. – Кошмар приснился?

– Ты его любишь? – последовал тихий вопрос.

И тишина разбила тишину на тысячу осколков.

Ники отстранилась.

– О чем ты?

На его улыбку указали блеснувшие в темноте зубы.

– Ни о чем... Так...

– Разве такие, как мы, способны любить? – поинтересовалась она, отчаянно желая, чтобы голос не дрогнул.

В это мгновение ей казалось, что она не с любовником ведет разговор, а с кем-то другим, невидимым, с тем, чей шепот раздался в тишине.

– Такие, как мы... – эхом отозвался Грой.

Его сердце билось ровно. У таких, как они, нет сердца...

«Неправда! – ответил Ники внутренний голос. – Ты лукавишь!»

Она приподнялась, повернула к себе его лицо. Легко целовать в темноте того, чьи глаза – как луны. Его неуловимое движение, и она уже под ним, а он нависает над ней на вытянутых руках, сильным коленом раздвигая ее ноги.

– Пускай у нас нет сердца, но мы живы, – шепчет Грой, накрывая ее тяжестью своего тела, – и сейчас я докажу тебе это...

* * *

На вершине Безумной клубился туман: утром – разбавленный нежными розово-оранжевыми красками, днем – белый как парное молоко, вечером – с оттенком сизо-серого, а ночью – седой и пугающий. Первые годы учения Ясин и Ники не покидали гору, на ощупь изучая скалы, края обрывов и расселин, камни на пути. Спустя пять лет они уже безошибочно спускались к основанию Безумной и поднимались обратно по узкой тропе, шедшей между камнями и трещинами. Спустя десять – научились не видеть туман, как будто его и не существовало.

«Зримое не существует для тех, кто владеет Силой, сравнимой с вашей! – говорил Белый старец. – Но разум – гордец! Он обманывает вас, тасует картинки, как карты, держа в рукаве великую пустоту и не рассказывая о том, что только вы можете вылепить из нее реальность...»

Ники, которая однажды чуть было не сорвалась в расселину, прекрасно помнила «великую пустоту», неожиданно оказавшуюся под ногами, и чувство мгновенного страха, похожего на змеиный укус. В тот раз Ясин, каким-то наитием оказавшийся рядом, вслепую ухватил ее за шкурку, не дав упасть. Этот страх оступиться после долго отравлял ей жизнь. Одно дело – сознательно ступить в пропасть, желая докричаться до мастера, который отказывает тебе в обучении, но совсем другое – лишиться здоровья и жизни по собственной глупости и прихоти случая. Боялась она ровно до тех пор, покуда не овладела собственным Даром до той степени, что стала применять его не задумываясь. Еще не единожды она срывалась и... левитировала, не давая себе упасть и разбиться, изгоняя чувство страха чувством собственного могущества, не единожды заставляла землю оказываться под ногами после такой высоты, падение с которой не пережило бы ни одно живое существо.

Лежащий под горой мир казался придуманным. Где-то там шли войны,

меняли границы государства, и птицы снимались в полет – а здесь царили покой, туман, голос и воля Белого старца.

– Тебе не жалко ее? – спросила однажды Ники, наблюдая, как Ясин свежует косулю, которой приказал выйти из леса. – Ведь она выполнила твой приказ.

– Ты хочешь голодать, Ники? – насмешливо посмотрел он на нее, продолжая орудовать ножом. – К твоим услугам ягоды и корешки, а мне нужно мясо!

– Я не хочу голодать, – качнула она головой, – я просто думаю дальше тебя...

– Это как? – удивился он.

– На зов нашей Силы выйдет любой, – она смотрела за горизонт, и казалось ей, оттуда торопятся к ней смешные неуклюжие фигурки, бегут, падают, поднимаются, снова бегут...

– И? – Ясин опустил нож, глядя на нее. Руки у него были по локоть в крови.

– И мы сможем убить любого, – тихо сказала Ники, поднялась с камня, на котором сидела, и ушла бродить по горе, смотреть на облака, бесконечно меняющие форму.

Зорель нашел ее ближе к вечеру, протянул кусок жареного мяса, завернутый в лист лопуха, и флягу с водой.

– Я спросил его о том, что ты сказала, – помолчав, произнес он, – и знаешь, что он ответил?

Мясо было восхитительно на вкус, однако Ники, перестав жевать, посмотрела на Ясина.

– У таких, как мы, не должно быть сердца, – пожал плечами тот, – только Великая Целесообразность поступать именно так, а не иначе. И знаешь, мне кажется, он прав! Когда ты можешь сметать народы и разрушать материки, нельзя поддаваться эмоциям!

– Мы не умеем сметать народы и разрушать материки! – сердито ответила Никорин.

– Научимся, – усмехнулся Зорель.

* * *

После открытия картинной галереи на мансардном этаже трактира «У старого друга» в обоих кварталах – мастеровых и белокостных, – на границе которых и располагалось здание, стали встречаться странные люди

с ошарашенным выражением на лицах, которые выглядели так, будто забыли, куда идут. Все они перед этим посещали выставку, слава о которой разнеслась по Вишенрогу всего за пару первых дней экспозиции.

Мастер Вистун впервые выставлял работы, доселе обретавшиеся исключительно у него на чердаке. И горожане отстаивали длинную очередь, чтобы попасть в мансарду, меняли друг друга, позволяя женщинам и детям отдохнуть и отведать трактирных яств, требовали закуску и напитки навынос, дабы промочить глотки перед прикосновением к искусству. Мастеру Пиппо пришлось в срочном порядке нанимать прислугу и повара себе в помощь. К делу привлекли его младшую дочь Персиану, славившуюся семейной любовью к вкусным, воздушным и сладким десертам.

Мальчишки-разносчики волками при отаре бегали вокруг очереди в галерею, предлагая похожие на свадебные платьишки пирожные-безе с малюсенькими розочками наверху, румяные рогалики с повидлом, маленькие и удобные баклажки с горячим и холодным морсом. Очередь на все голоса и звуки развлекали труверы и менестрели, а чуть в отдалении пристроились раскрашенный шарабан и накрытый полотнищем фургон, обитатели которого без отдыха показывали спектакли и разыгрывали смешные сценки.

Жизнь не замирала в трактире и с наступлением темноты. В теплом свете свечей и камина, украшенного традиционным ласурским орнаментом, состоятельные жители кварталов вальяжно ужинали бараньей лопаткой с базиликовым повидлом, оладьями с ванильно-яблочным кремом, перепелками в кляре. Заведение мгновенно стало модным – на тех, кто не посещал «Старого друга», вишенрогцы смотрели как на предателей.

– Ники, дай мне руку, я ничего не вижу! От, демоновы ступени! Какого Аркаеша мы здесь оказались, а не в зале?

– Ваше Величество, умоляю, тише! А не то нас арестуют как взломщиков! Ну подумай, ошиблась немного!

– Короля арестовать нельзя!

– Дрюня, кто будет разбираться, если нас поймают?

– Тише вы! И правда услышат!

– Отчего Твоему Интриганскому Величеству было не прийти сюда днем, а? При свете, как все порядочные граждане?

– Я не могу так явно показывать свой интерес к картине, написанной простолудином на сомнительную тему, глупый ты шут!

– Ой! Ой-ей!

– Да что ж вы орете, как у себя во дворце!

– Его Раскормленное Величество наступил мне на ногу! Твое Величество, изволь сойти! Нога неудобная!

– Тьфу...

Наконец ступени были преодолены. Король и шут, ведомые архимагистром Никорин, перенесшей их из замка на ступени мансарды, вошли в пустой зал. Из окон в крыше струился лунный свет, в котором танцевали пылинки, но сама комната была погружена в темноту, не позволяющую разглядеть картины.

– Ники! – возмутился Его Величество.

– Сейчас, – улыбнулась та, стряхнула с кончиков пальцев магических светляков.

В полете они разделялись на два или три, усеивая потолок до тех пор, куда помещение не залил яркий свет.

– Снаружи не видно и не слышно, – пояснила архимагистр, – Теперь можете вдоволь орать, ругаться и наступать друг другу на ноги!

Его Величество скинул капюшон плаща, делавшего его похожим на дюжего разбойника с большой дороги, и огляделся.

Дрюня, побывавший в галерее одним из первых, сразу же отошел к полотну, которое казалось затененным даже в ярком магическом свете.

Ники медленно пошла вдоль акварелей, иногда останавливаясь, чтобы разглядеть особенно понравившуюся. В дальний конец комнаты она не спешила. Что-то подсказывало ей, что картина окажется... непростой.

Волшебница стояла у рисунка, изображающего дорогу лунной ночью, любясь изображением лужи в продавленной колесами колее, как вдруг чьи-то холодные пальцы огладили ей шею. Ощущение было таким сильным, что она заозиралась, ища в помещении потайной угол. Но кроме них в комнате никого не было.

Редьярд разглядывал полотна, не торопясь, прохаживался, почесывая бороду, ухмыляясь и позевывая.

– Молодец мужик! – констатировал он, подходя к Дрюне и останавливаясь рядом. – Рисовать и правда умеет!

– Умеет, – тихо согласился шут, не отводя взгляда от картины.

На темном фоне яркими хаотичными мазками, притягивающими взгляд, и в странном ракурсе была изображена пышная дева, завернутая в красное покрывало, с распущенными темными волосами, в которых запуталась алая роза. Дева возлежала на медвежьей шкуре у очага, закинув аппетитные руки за голову и закрыв глаза. По теням под глазами, по припухшим губам и небрежно замотанному покрывалу, а более всего по улыбке – легкой улыбке удовольствия – было понятно, что она только что

со страстью отдавалась любовным утехам.

– Да это же незабвенная матрона Клозильда Мипидо! – воскликнул Его Величество, придвигаясь.

Пятна краски слились в цветовую какофонию.

– Ой! – сказал король.

– Отойди подальше, братец, – посоветовал Дрюня, – ну что ты в нее носом уперся!

Редьярд послушался. Перед глазами будто повисла вуаль, которую хотелось смахнуть.

В нижнем правом углу полотна обнаружилось мускулистое тело смуглого красавца с рожками на голове, тянущего руку к розовым, с помпонами, тапочкам, небрежно брошенным на шкуру рядом со спящей. На лице демона, видимом вполоборота, играла усмешка, полная такого торжества и цинизма, что Его Величеству стало жалко нарисованную деву. Он снова взгляделся в нее и... моргнул.

Дева более не напоминала незабвенную матрону, а в улыбке тонких губ сквозила печаль предвидения. Другая открыла бы глаза да надавала вору по самое не хочу, дабы не обманывал честных богинь и не пользовался их слабостью для достижения собственных целей. Другая – но не эта!

Редьярд судорожно вздохнул, ощущая, как уходит драгоценное время, – до того, как Аркаеш схватит пресвятые тапочки, оставалась доля мгновения! Та самая доля, в которую решаются судьбы мира, а фортуна человека совершает крутой поворот... Однако Индари не делала ни движения, признавая подуманное уже свершенным.

На миг перед Его Величеством разверзлась бездна понимания, показавшаяся самым страшным из всего пережитого. Он сделал странное движение рукой, словно пытался снять с лица паутину, и отвернулся. Перед глазами плавали темные пятна. Король Ласурии только что заглянул куда-то, куда не стоило, и коснулся чего-то, ожегшего, как ядовитая плеть!

– Дар Богов... – произнесла архимагистр, которая, оказывается, давно стояла рядом с ним. – Истинный мастер не владеет никакой магией, кроме магии собственного гения! Истинный художник видит мир глазами Бога – вот и весь секрет!

Она резко обернулась, как будто почувствовала кого-то за спиной, и на миг Редьярду стало холодно.

– Нет, Ваше Могущество, нет, – покачал головой Дрюня, – наш истинный художник видел мир совсем другими глазами! Вглядитесь, на картине тончайшая паутина... Разве вы не видите?

– Где? – встрепенулся король.

Прищурившись, действительно увидел едва заметные нити, сквозь которые виднелись затененная комната, пылающий очаг и женщина, обманутая любовником.

– «Похищение пресвятых тапочек Индари демоном Аркаешем, увиденное сквозь творение обычного паука, куда более совершенное, чем любой из грехов» – вот полное наименование картины! – провозгласил Дрюня.

– Одиноким наблюдатель... – пробормотала Никорин и снова оглянулась.

– Мне срочно надо выпить! – выдохнул Его Величество. – Ники, отправляемся!

– Куда? – уточнила архимагистр.

– Куда угодно! – рявкнул король.

– Тогда в «Трюм», – улыбнулась она, хотя во взгляде сквозила печаль.

Редьярд не стал уточнять почему. Как и он, она только что погрузилась в глубины собственного восприятия, из которых оказалось так непросто вынырнуть.

Светляки погасли один за другим, погрузив комнату во мглу.

– Подойдите ближе ко мне, Ваше Величество и Ваше Великолепие, – предложила Ники.

Ее Сила подхватила их и швырнула в портал. Архимагистр успела обернуться на сквозняк, вновь ощутимо прошедшийся по спине и затылку, и увидеть, как разгораются в темноте желтые глаза, полные боли и ярости.

* * *

Явственно журчала вода, остро пахнувшая льдом. Лихай пошевелился и открыл глаза. Из расщелины в стене на пол, усыпанный каменным крошечком, падал узкий луч света. Белого света, возможного только там, куда лето заглядывало не больше чем на три-четыре седмицы.

Стиснув зубы, чтобы не застонать от боли, оборотень поднялся на четвереньки, оглядел мутным взглядом стены и потолок, от которых разило холодом. Дышать было тяжело – тигр знатно смял ему гортань, однако не прокусил, не порвал, и то хорошо!

Тигр!

Вспышка в сознании была такой яркой, что Лихо со стоном повалился обратно. Сначала пришло понимание, после – воспоминания. Там, где его

поймали в ловушку, не было никакого тигра – он не ощущал запах, не слышал поступь лап подкрадывающегося хищника. Так откуда же тот взялся?

Вспомнились лукавые глаза полярной фарги. Заманила его в ловушку, как мальчишку! Да, обратная сторона свободы – ее последствия...

Оборотень несколько раз проваливался в тяжелый сон, из которого выбирался с трудом. Мышцы ломило, а кости ныли, как у старика перед похолоданием, однако спутанному сознанию не удавалось проанализировать происходящее. Лишь одна мысль держала на плаву, не давая погрузиться на дно бреда, – тигр! Ведь никакого тигра не было!

Он не знал, сколько прошло времени, пока на поверхность из бредового тумана пробилась мысль о том, что его специально чем-то опаивают, дабы был тих и покорен. Вода действительно стояла в миске – в углу зарешеченного закутка, в котором он себя обнаружил. Лихай перестал пить оттуда, довольствуясь влагой, слизанной со стен. И спустя несколько часов обнаружил, что может здраво соображать.

Помещение, в котором его держали, представляло собой каменную клеть с одной зарешеченной стенкой. В отрогах подземных пещер таких небольших каверн было немало, и в каждой из них – судя по звукам – обитало живое существо. Опасаясь наблюдения своих пленителей, Лихо вел себя как прежде: лежал как убитый, иногда делал вид, что лакает из миски, пытался встать, но падал обратно. А сам слушал, нюхал, смотрел. Звериная ипостась, которую он принял сразу же, как только отошел от действия наркотиков, не позволяла увидеть многого, зато позволяла слышать и почувствовать. Основываясь на данных собственных органов чувств, Лихай насчитал около десяти разных оборотней, разделивших с ним печальную участь пленника. Некоторые из них были живы, но неподвижны, другие бросались на стены, сходя с ума от ярости, третьи... третьи его пугали. Они вели себя спокойно, даже разумно, но их запах был изменен. И сквозило в нем не что иное, как безумие. Теперь Лихо не сомневался, что попал туда, куда стремился, идя по следу.

В один из дней – дней, потому что полоса света рисовала на полу идеальную прямую, – слышались шаги, и к его клетки приблизились двое: высокая рыжеволосая фарга с красивым, но холодным лицом и старик, ступавший тяжело и неровно.

Лихай свернулся клубочком, накрыл морду хвостом и задышал спокойно и размеренно, как лис, находящийся в глубоком сне.

– Вот он, несостоявшийся герой-любовник, дрыхнет! – зазвучал низкий женский голос.

– Хорош, – проскрипел ее спутник, – давненько я не встречал никого из Красных Лихов!

– Их никого и не осталось, он последний, – ответила женщина.

Старик причмокнул губами.

– Природные мощь и красота попораны этими мягкотелыми уродцами – людьми! Жаль, жаль! Но он послужит нам для того, чтобы их уничтожить! Мы отправим его в самое сердце Ласурии, как отравленную стрелу, и будем ждать воли... Завтра проведем обряд, идем!

– Старший, когда же мы наконец познаем ее?

– Терпение, клыкастая, терпение! Сокрытых еще слишком мало в центральных частях страны! Всеу свое время.

Они ушли, однако Лихо наострил уши. В сказанном было что-то, чего он не понял. Интонация, с которой старик произнес слово «воля».

Нет, не так!

ВОЛЯ.

Загадки множились, не давая ответов. Что ж, он вернется к ним позднее; пока ясно одно: с ним что-то сделают завтра. Что-то, чему он вряд ли обрадуется... А значит, надо рвать когти!

* * *

Его Величество с трудом разлепил веки и уставился в потолок, несколько не походящий на потолок его дворцовых покоев. Медленно перевел взгляд на источник света, сощурился, разглядывая обнаженную женскую фигуру, застывшую у окна, которая казалась сияющей из-за заливающих ее солнечных лучей.

Услышав движение короля, спустившего ноги с постели, богиня чуть повернула голову.

– Ты знаешь, что прекрасна, Ники? – хрипло спросил Редьярд и, увидев кем-то заботливо поставленный на столик у кровати кувшин с водой, жадно приник к нему.

– Я знаю, что люди – трусы: прикоснувшись к Вечности, тут же спешат напиться и забыть о ней... – задумчиво ответила она.

– Эй, ты пила наравне с нами! – возмутился король.

– Я тоже трусиха, – по голосу было слышно, что она улыбается. – Закажем завтрак в номер?

– Заказывай, – махнул рукой Рэд и снова улегся. – На носу Весенний бал, а это значит, суета и примерки у Артазеля, который опять будет не в

духе из-за количества заказов! Устрою себе сегодня выходной... Иди сюда!

Волшебница прошлась по комнате, подбирая с пола предметы одежды.

– Не пойду, да простит меня Твое Величество! – качнула головой. – Позавтракаю с тобой и отправлюсь в Башню. К сожалению, у меня нет достойного преемника, как у тебя. Все приходится делать самой.

– Знаешь, я с тобой знаком тысячу лет, – ничуть не обиделся Редьярд, – помню, как подростком пялился на твою задницу, когда ты приезжала к моему отцу потолковать о делах. Ты как небо, Ники, но, если когда-нибудь тебя не станет – что будет с Ласурией?

Никорин на мгновение перестала застегивать пуговики на батистовой рубашке и взглянула на него исподлобья:

– Полагаю, мое место займет магистр одного из Орденов, набравший большее количество голосов членов Высшего магического ковена.

– Ты меня не успокоила! – буркнул король.

Его настроение стремительно падало. Не иначе Аркаеш нашептал, что по сравнению с увиденным ночью в картине мастера Вистуна ничто не вечно в этом худшем из лучших миров! В том числе и Его Ласурское Величество...

Уже одетая Ники села на край кровати и взяла руку короля в свои.

– Времени на нас наплевать, Рэд, так какой смысл расстраиваться? Надо жить. Просто жить.

– Просто жить... – эхом повторил он. – Как ты думаешь, если я прикажу этому рисовальщику с его мозгомешательными картинами стать придворным художником, он согласится?

– Если прикажешь, куда ж он денется? – захохотала Ники. – Но я бы на твоём месте сначала рассказала ему, как он талантлив и велик, как ценен его гений для Ласурии. И только потом предложила бы должность, позволяющую держать его при себе в качестве драгоценности государственного значения.

– Как хорошо иметь подданных, не боящихся говорить правду! – улыбнулся Редьярд. – Драгоценности государственного значения – это ты и Дрюня, клянусь пресвятыми тапочками!

Никорин похлопала его по руке и поднялась.

– Пойду закажу завтрак, Твое Величество, а после можешь подремать или позвать к себе какую-нибудь славную девку, дабы продолжить с ней то, что не получилось со мной!

Пока ее не было, король умылся, оделся и даже умудрился пальцами расчесать густую пшеничную шевелюру, в которой всю серебрились седые волоски. Подойдя к окну, выглянул на улицу. Очерченный светом

силуэт волшебницы все еще стоял у него перед глазами. Странное дело: его не бесило осознание того, что, имея эту женщину, он не владел ее сердцем и помыслами. Он принимал Ники такой, какая она есть, не ломая, как поступал обычно. Рейвин добилась подобного отношения к себе путем долгой, полной боли и унижений борьбы с ним, а Никорин он принял сразу, как принимают данность.

Архимагистр вернулась со служкой, несшим поднос, полный тарелок и горшочков, и запотевший штоф с гномьим самогоном. Жидкости в нем плескалось ровно на два глотка.

– Это оскорбление короны! – возмутился Рэд, когда Ники разлила самогон по стопкам. – Твои дозировки подозрительно напоминают мне мэтра Жужина!

– Все, что я делаю, я делаю на благо короны, – усмехнулась волшебница. – Ты пей, пей, Твое Величество, а то сейчас явится шут и все выдует!

– Откуда ты?.. – изумился Редьярд.

Дверь распахнулась, явив Дрюню в великолепном желтом камзоле, украшенном нежно-лиловой отделкой, зеленых лосинах и изящных голубых ботиночках, делавших его ужасно похожим на голобоногого олуша.

– А вот и я! – заорал он так, будто и не пил вчера в три горла. – Добрых улыбок и теплых объятий, мои дорогие! Я так и знал, что вы соберетесь выпивать без меня!

Рэд спешно выпил самогон, закусил соленым грибом и кивнул на стул.

– Садись и постарайся не вертеться! От твоей цветовой гаммы рябит в глазах!

– Мэтр Артазель на мне отводит душу – так он всегда говорит, когда я прихожу на примерку! – пояснил шут, усаживаясь, и с сожалением тряс пустым штофом. – И почему рябит? Это утренний наряд для поднятия тонуса!

Ники молчала, будто к чему-то прислушивалась. Затем встала.

– Ваше Величество позволит мне отбыть? Срочные дела.

– Иди, – кивнул тот, подтягивая к себе блюдо с пышущими жаром оладьями и плошку с медом. – Мы тут сами... как-нибудь...

Ступая из комнаты в верхний уровень Золотой башни, Ники расслышала возмущенный голос Дрюни:

– Как-нибудь? Эй, братец, как-нибудь не надо!

Бруттобрут ждал ее, сложив руки на животе.

Едва коснувшись носком сапожка пола, Ники спросила:

– Что?

И прошла за рабочий стол.

– На рассвете едва не скончался достопочтенный мэтр Просто Квасин. Целитель Жужин вмешался вовремя и сделал все что мог, но королевский маг все еще очень слаб.

– Диагноз?

– Сердце, – пожал плечами гном, – мэтр уже не молод.

«Ты как небо, Ники, но, если тебя когда-нибудь не станет, – что будет с Ласурией?»

– Охо-хо, – вздохнула архимагистр, – время к нам безжалостно, ведь правда, Брут?

– Истинная правда, моя госпожа!

– Подготовь мне списки молодых перспективных магов с обязательным наличием боевого опыта. Мэтру Квасину срочно нужен ученик!

* * *

Подарок на свадьбу Клозильды и Висту принцесса Бруни подбирала со всем тщанием. Казалось невозможным соединить утонченность художника с любовью его нареченной к ярким цветам и вычурным формам, однако Ее Высочеству это удалось, и нынче утром она довольно улыбалась, когда возвращалась с Каретного двора.

– Григо, давайте заедем в «Старого друга», хочу поздороваться с Пиппо и выпить с ним морсу, – предложила она.

– С удовольствием! – улыбнулся секретарь. Высунувшись из окна экипажа, он сообщил кучеру о смене маршрута.

– Я становлюсь сладкоежкой и, кажется, начинаю толстеть! – вздохнула Бруни, погладив живот.

– С вашей энергией от лишнего веса после родов не останется и следа, – махнул рукой Хризопраз, – поэтому кушайте и ни о чем не беспокойтесь! Чем будем лакомиться сегодня?

Его глаза лукаво блеснули.

Принцесса задумалась.

– Хочу меренги и жареную картошку! – воскликнула она.

– Именно в такой последовательности? – изумился Григо.

В «Старом друге» кипела жизнь. За столиками пили утренний морс и травяные чаи утонченные городские дамы, туда-сюда бегали прислужницы

в коричневых платьях и белых фартучках. Очереди в галерею пока не было, однако посетители входили и выходили в здание, не забывая бросить пару монет в ящик у лестницы на мансарду – сбор средств для приютских детей.

К удивлению Бруни, Пиппо сидел в углу зала, как обычный посетитель, с какой-то дамой. Когда принцесса зашла внутрь, та взглянула на нее с истинно королевским величием и, улыбнувшись, сказала повару несколько слов.

Пип, красный как свекла, поспешил навстречу племяннице.

– Ох, Бруни... Ваше Высочество, как я рад тебя видеть! А мы вот с Тусей морсы гоняем с утра... для настроения!

– С Тусей? – уточнил Григо, скрывая улыбку и одновременно кланяясь Туссиане Сузон.

Пиппо покраснел еще больше, хотя, казалось, краснеть уже было некуда.

Бруни поцеловала дядюшку в щеку и укоризненно взглянула на секретаря.

– Григо, сделайте заказ, а я прогуляюсь с дядей по галерее – мне кажется, картины мастера Висту благотворно действуют на будущих мам!

– Ты... вы... ты... позволишь, я скажу госпоже Сузон несколько слов? – запинаясь, спросил Пип.

Кивнув, Бруни направилась к лестнице.

Повар нагнал ее, вытирая со лба большим белым платком обильный пот.

– Она удивительная женщина, – пояснил он с твердостью, однако отчаянно смущаясь, – и мне приятен ее интерес ко мне!

– Если вам хорошо вместе, я только рада, – принцесса взяла его под руку, – но интересно, что скажут на это твои дочери?

– Персиана давно в курсе, – вздохнул повар, – а вот Ванилька... за словом в карман не полезет! Скажет, что я – старый козел, влюбившийся в змеищу!

Бруни прыснула в кулак. Ванилла рю Дюемнон, ныне благородная дама, еще и не так могла припечатать!

В мансарде свет плескался от стены к стене, оживляя акварели, но не достигал ниши с «Похищением». Несколько горожан бродили по галерее с растерянными улыбками на лицах, другие застыли у понравившихся им картин, разглядывая их, будто искали какую-то конкретную точку на поверхности.

На Бруни с Пипом сразу обратили внимание. Принцессе стало неловко: никак она не могла привыкнуть к интересу обывателей, но

поскольку сегодня не использовала магическую личину, следовало терпеть. В подобных случаях она всегда подражала мужу, надевая маску отстраненного вежливого спокойствия – выражение лица принца на мероприятиях, в которых он заинтересован не был.

– А я ведь жениться на ней хочу, – признался Пип. – Только вот Ванилька...

– Ох, Пиппо, – Бруни погладила его по плечу, – она побесится и поймет... Вот увидишь!

– Ты думаешь? – обрадовался повар.

Принцесса кивнула.

– Вы уже решили, когда?..

– На Золотые дни, как Ванилька замуж выходила. Она к тому времени уже родит, все легче ей будет на свадьбе! Пресвятые тапочки! – Пип схватился за голову. – А ты-то на сносях будешь! И как же?..

– Мы что-нибудь придумаем, – улыбнулась она.

Сейчас ей казалось, до осени еще очень далеко, а предстоящие роды вообще представлялись чем-то нереальным.

– Как там Питер? – спросила принцесса, желая перевести разговор. – Справляется?

– Мясо жарит, прям как я! – похвастался Пип. – Начал осваивать рецепты оборотней, но никак ему не даются их приправы! Они для людей-то никакие, а для них – сильно пахучие, а он все время с ними перебарщивает. Весь пару раз ему помогал – приходил на кухню, отмерял сколько чего. Ровенна все записала, вроде теперь дело на лад пошло – народ говорит, рычат в трактире куда реже!

Бруни засмеялась. Смеясь, повернулась к тому простенку, где висело «Похищение». И увидела стоящую перед картиной женщину – невысокую, хрупкую, черноволосую. Одета та была в странное платье – простое, белое, в пол, больше похожее на исподнюю рубашку не по размеру. Однако никто из посетителей на нее внимания не обращал и пальцами не показывал.

– Я, пожалуй, пойду на кухню, – сказал Пип, – а то ребятки меня уже, наверное, заждались! Передавай привет Ка... кхгм... Его Высочеству Аркею!

– Обязательно передам. А ты скажи Питеру, что я как-нибудь загляну. Хочу послушать редкое рычание, – улыбнулась Бруни.

Повар ушел. Поколебавшись, принцесса подошла к незнакомке и остановилась позади, делая вид, что разглядывает картину.

– Глядя на мастера Висту, никогда не подумаешь про истинное величие гения, – вдруг сказала та, не поворачивая головы.

Голос у нее был глубокий и хрустальный, на согласных будто льдинки позвякивали.

– Однако он таков, – негромко ответила Бруни.

– Интересно, откуда он берет образы? – словно не слыша ее, продолжила незнакомка. – Нет, я понимаю, сюжет известный, но эти полутона... эти тени... этот ракурс, наконец! Скажите, вас он пугает так же, как и меня?

Она продолжала смотреть на картину, а принцесса отчего-то страшилась сделать шаг вперед, чтобы заглянуть ей в лицо. Однако на всякий случай уточнила:

– Ракурс?

– Паук! – воскликнула женщина и передернула плечами. – Терпеть не могу пауков! Впрочем, – задумчиво добавила она, – очень надеюсь, что их больше нет на Тикрее!

– Пауков? – изумилась Бруни.

Ей все больше казалось, что она разговаривает с сумасшедшей, одной из тех городских юродивых, которых одни считают одержимыми, а другие – святыми.

– Кукловодов, – непонятно пояснила собеседница. – Радуйтесь, ведь ваши дети будут расти под мирным небом!

Принцесса невольно положила руки на живот, будто пытаясь защитить его.

Незнакомка обернулась. В ее глазах перетекали один в другой цвета с картины Висту.

– Сюрпри-и-из! – громко засмеялась она, зазвенела хрустальными колокольцами.

И снова никто не посмотрел в их сторону.

Бруни испуганно моргнула и... не обнаружила ее рядом с собой. Отчаянно завертела головой, но в пустой комнате нигде было укрыться.

Красавица в белом платье исчезла! Лишь едва ощутимо пахло розами.

* * *

На следующий день после подписания Его Величеством указа о назначении мастера Вистуна придворным живописцем принцессу навестила матрона Мипидо.

– Я... так... рада... – рыдала она, потрясая мощным килем, – наконец-то... его... оценили... по... заслугам!

– Да что ж ты плачешь? – смеялась Бруни, обнимая ее и глядя по голове, как маленькую. – Надо радоваться!

– Как же... радоваться?.. – вопрошала Клози. – Когда... он... теперь будет... целыми днями... во дворце... пропадать! А тут столько баб... то есть дам... изысканных... ху-у-у-уденьких!!!

– Да он и не посмотрит в их сторону! – возмутилась принцесса. – Его муза – ты, и только ты!

– А как же мы будем... ви-и-и-идеться? – не успокаивалась та. – Он ту-у-ут! А я...

Она больше не могла говорить и взяла самую высокую ноту. Судя по звукам из коридора, гвардейцы, охраняющие вход в покои, дружно отшатнулись от дверей, а потом так же дружно вернулись на место и взяли на караул.

Двери в столовую, где разговаривали Клози и принцесса, распахнулись, впуская... Его Величество в сопровождении Стремы.

– Вы так кричите, моя дорогая невестка, что я подумал было, роды уже начались! – с порога заявил тот, недовольно морщась.

Пес гавкнул, соглашаясь.

Клози закашлялась означенной нотой.

Редьярд, увидев матрону, подавился собственным недовольством и замолчал.

А оказавшаяся между ними Бруни растерялась, не зная, к кому спешить на помощь.

Клози, торопливо стерев слезы, попыталась изобразить улыбку и реверанс и снесла два стула.

– Клозильда! – воскликнул король, тоже приходя в себя. – Золотая моя, о чем вы печалитесь? Вам должно радоваться!

– Это она так радуется! – поспешно пояснила принцесса.

– Теперь мы будем чаще видеться, – Редьярд подошел к Клози, оттеснив невестку, и взял ее руки в свои: – И нам всем это пойдет только на пользу!

Его Величество умел волновать женщин. Сейчас от него исходили волны мощного, теплого обаяния, которые ощутила даже Бруни.

Матрона Мипидо зарделась и потупилась.

– Да как же чаще, коли он будет во дворце, с вами, Ваше Величество, а я – в своей Гильдии! – пробормотала она, не глядя на принцессу, которая из-за спины короля делала страшное лицо, показывала козу, махала руками и всячески пыталась заставить ее замолчать.

– Бросайте Гильдию! – весело предложил Редьярд. Похоже,

настроение у него улучшалось с каждой минутой.

Стрема согласно тьякнул.

– Ну уж нет! – возмутилась глава Гильдии прачек и легко вырвала руки из крепких королевских пальцев. – Я девушка самостоятельная, Ваше Величество, мне на шее мужа, даже такого талантливомго, как мой Вистунчик, сидеть стыдно! А других источников заработка – и неплохомго заработка, позвольте заметить! – у меня нет!

– Так будет, – плотоядно усмехнулся король. – На днях твой, Бруни, секретарь жаловался моему на дворцового кастеляна. Мол, белье стелет сырое и за пауками по углам дворца не следит, а те совсем распоясались! Вы же, моя драгоценная, прачка? – Он снова посмотрел на Клозильду, и та с достоинством кивнула. – Значит, о санитарии и гигиене понятие имеете! Поэтому мы кастеляна уволим, а вас назначим на его место. Титула обещать не могу, а вот годовое жалование и королевское содержание – легко! Будете при муже... – Его Величество наклонился к Клози чуть ниже положенного и нежно добавил: – И при мне!

Та отпрянула.

– Это очень сложное решение, Ваше Величество! Мне бы посмотреть годовую расчетную ведомость этого вашего кастеляна да прикинуть, много ли я потеряю, если сменю работу!

– Не потеряете ни золотого, – мурлыкнул король, – я вам обещаю!

– Мне надо посоветоваться с женихом! – пискнула Клози и поспешно ретировалась, в стремительном реверансе сшибив с ног Стрему.

Его Величество смотрел ей вслед, и его взор туманили мечты.

Ошарашенный волкодав поднимался с пола, мотал тяжелой головой, разбрызгивая слюни по ковру.

А Ее Высочество Бруни, переводя взгляд с одного на другого, предвидела проблемы. Большие проблемы. Проблемы королевского значения.

* * *

Ванилла рю Дюемнон топнула ногой.

– Дочь! Первой должна быть дочь! – воскликнула она. – Ну как же ты не понимаешь, Дрюнь, дочь – матери помощь! А от мальчишек одни неприятности!

– Тебе от меня неприятности? – возмутился шут.

Спорили они уже около часа и никак не могли прийти к согласию.

Ванилла настаивала, что у них будет девочка, а шут, помня слова Его Величества, который в таких делах не ошибался, был настроен на сына.

– Брунька у нас будет, я тебе говорю! – сердилась Ванилла. – Такая пухленькая, с каштановыми волосиками и серьезная! В меня!

– Людвин! – восклицал Дрюня. – Такой худенький, подвижный и обаятельный, как я!

– Я, значит, не обаятельная! – обиделась Ванилла.

– Ты? Ты самая желанная! – шут заграбастал супругу в объятия, с наслаждением помял ее раздобревшее тело.

– Врешь ты все! – неожиданно злобно ответила та, отрывая руки мужа от себя. – Какая же я желанная, если тебя ночами дома не бывает?

– Ты о чем? – удивился Дрюня.

– Давеча где шлялся? Я из-за тебя спала плохо!

– С Его Величеством мы были! Можешь у него спросить!

– А то ты не знаешь, что я его спрашивать боюсь! – заводясь не на шутку, Ванилла уперла руки в боки. – У тебя один ответ на все – у Его, мать его так, Величества! А на самом деле где?

– Дык... – растерялся шут. – Нигде! Ты чего разошлась-то?

– А ежели и с ним, то по кабакам да борделям, да? – продолжала Ванилла. – Вас, небось, каждый фонарь на улице Красных Подвязок в лицо узнает!

Терпение Дрюни неожиданно кончилось, и он вспылil:

– Да уймись ты, женщина! Может, Его Шаловливое Величество и посещает улицу Красных Подвязок, а я там давно не бывал!

– Зато всегда можешь пойти! – завопила Ванилла, и глаза ее наполнились слезами. – А мне – жди, волнуйся, переживай!

– Дура ты! – в сердцах сказал шут, не зная, что еще сказать и как сладить с гневной бабой. – Вот как есть дура!

И едва успел увернуться от чернильницы, пущенной супругой в его голову, затем от тувельки с ее ноги, от подушки с кресла, и, наконец, от верещащего дурным голосом дворцового кота-крысолова, любившего дремать в их покоях. От тяжелой травмы и Дрюню, и кота спасла природная гибкость. Первый выскочил за дверь и, бормоча под нос ругательства, поспешил прочь, второй, приземлившись на лапы, юркнул под комод.

«Да чтобы я! Еще раз! Ее обрюхатил! – вопил про себя шут. – Истеричка! Дура! Нет, дурында! Слыхал я, что у беременных крышу сносит, но чтобы так!»

Ему, обиженному несправедливыми обвинениями жены, очень

хотелось вернуться и тоже наговорить гадостей, но он намеренно гнал себя прочь, не желая усугублять ситуацию.

На улице было теплее, чем несколько дней назад. Весна окончательно заселилась в Вишенрог вместе со своими цветами, молодыми листьями и птицами. Вечер только заглядывал в окна, в стеклах отражалось темнеющее небо, пахло свежестью поливаемых городскими садовниками газонов, на которых вовсю распускались цветы.

Ноги сами принесли Дрюню на ту площадь, где они с Его Величеством сажали дуб. Хотя какой дуб – дубок! В половину человеческого роста высотой, с едва проклюнувшимися мясистыми почками. Вкопанные в землю вокруг него скамейки смотрелись суровыми воинами, окружившими подростка. Повздыхав, Дрюня сел на одну из них, закинул руки за голову, потянулся. Он не умел долго гневаться, вот и сейчас, после прогулки, давшей занятие ногам и проветрившей голову, начинал жалеть свою коровеллу и придумывать, что бы такое ей купить, дабы порадовать. Шут представлял, каким вкусным будет примирение, и улыбался своим мыслям, когда на него упала тень.

Он поднял глаза и... утонул в темном лукавстве глаз Алли. На ее руке висела корзина с припасами – должно быть, артистка ходила на рынок и сейчас возвращалась.

Дрюня вскочил так резко, что у него заныли колени. Перехватил корзинку.

– Тебе помочь, Алли?

Она улыбнулась.

Почему в ее присутствии чудилось, что небо выше, солнце ярче, а ночь бежит прочь, словно боится сияющей красоты девушки?

Они медленно пошли вдоль сквера.

– Мне показалось, мэтр вовсе не удивился, когда мы встретились... – сказал шут, чтобы нарушить молчание. Не вопрос – утверждение.

– Он знал, что ты нас найдешь, – кивнула Алли.

– Но я не искал! Это вышло случайно!

Она искоса посмотрела на него и не издала ни звука. А ведь он помнил, как она стонет от ласк: низко, по-животному, завораживающе...

Ее пальцы скользнули по его запястью. Прикосновение вызвало жар в чреслах и туман в голове, и Дрюня затруднился бы сказать, что из этого произошло первым.

– Ты до сих пор хочешь меня... – улыбнулась девушка.

И снова не вопрос – утверждение.

– Ты не изменилась ни капельки! – покачал головой шут. – Все такая

же... невозможная. Но как?

Она опять не стала отвечать – заступила ему дорогу и поцеловала, не обращая внимания на идущих мимо людей. Поцеловала так, что у Дрюни сразу кончились воздух и мысли, а исподний жар мгновенно охватил новые участки тела.

Не соображая, что делает, шут схватил Алли и, прижав к себе, отобрал власть поцелуя. Когда спустя долгие и сладкие минуты они оба отпрянули друг от друга, чтобы вздохнуть, девушка предложила:

– Пойдем куда-нибудь?

– А мэтр? – уточнил Дрюня.

– Он занят, – усмехнулась она, – собирается посетить галерею в трактире «У старого друга» и познакомиться с шедеврой того маленького художника, о котором говорит весь Вишенрог...

Алли взяла шута за руку и повела с людной улицы в проход между домами – так уверенно, словно не раз бывала в столице.

От силы маленьких пальцев из Дрюниной головы испарились последние соображения. Он шел за девушкой, как теленок на убой, любуясь ее локонами цвета воронова крыла, ниспадающими по спине, маленьким розовым ушком, видимым, когда она поворачивалась, чтобы посмотреть на него, абрисом нежного лица.

На заднем дворе какого-то дома Алли, используя булавку, легко открыла навесной замок сарая, вошла внутрь, аккуратно отставила корзину в сторонку. Толкнув шута на сложенное у стены сухое сено и опустившись рядом, начала целовать так бесстыдно, что Дрюне снова стало жарко. Нависнув, она касалась его все ниже, а он с трудом сдерживал собственную страсть, желая в полной мере насладиться ее умелыми ласками.

В какой-то момент шут открыл глаза и посмотрел на девушку. Сквозь туман страсти на него глянули лихорадочно блестящие, какие-то звериные зрачки, однако не это поразило его, заставив прийти в себя, а выражение лица Алли: в нем было нечто плотоядное, алчущее страсти. Слепой и глухой страсти соития. Вмиг возникла в памяти заплаканная и непривлекательная Ванилька. Растрепанная, курносая, веснушчатая дурында.

Руки не слушались, однако Дрюня с усилием перехватил Алли за плечи и оторвал от себя. Она тяжело дышала и была так прекрасна, что у него темнело в глазах.

– Ты знаешь, – жалко сказал он, – я женат...

– И что? – удивилась она и снова потянулась к нему, жадно облизывая губы.

– Женат! – повторил Дрюня, будто забыл все слова, кроме этого. Вырвался из ее объятий, заправился и выскочил на улицу.

Ее тихий стон потряс его сильнее, чем потряс бы звериный рык. Голодный, голодный стон. Чтобы прийти в чувство, шут со всей силы укусил себя за запястье и бросился прочь. Алли была его мороком в юности и оставалась им сейчас, но дома ждала живая, теплая, а главное, принадлежащая только ему женщина. Дурында. Любимая.

* * *

В верхнем уровне Золотой башни было темно, лишь над столом висел светлячок, давая возможность архимагистру читать лежащий перед ней список. Как Ники ни хотела вычеркивать из него имена, три пришлось вычеркнуть: Варгаса Серафина, Йожевижа и Виньовиньи Агатских. Варгаса следовало срочно чем-нибудь занять, дабы не помешался от несчастливой любви, а Йож после приказа Его Величества Виньогрета о назначении вторым секретарем посольства был потерян для «полевой» работы так же, как и его вторая половина – Виньовинья.

– Гном не пойдет против приказа своего короля, ну если, конечно, тот не затрагивает мастеровую честь, – пояснял Троян рю Вилль в накануне состоявшейся беседе, – и никогда не отпустит от себя гномеллу, с которой связан брачными узами. Таковы традиции, бережно соблюдаемые подгорным народом. Кроме того, почтенного мастера Агатского восстановили в правах в Гильдии ювелиров, а значит, он сможет открыть собственную мастерскую. Ты можешь представить, что это значит для гнома?

Ники тяжело вздохнула:

– У них была отличная команда, а теперь у меня сердце кровью обливается!

– Грой – руководитель операции, Вителья – волшебница, фарга Виден – целительница, Дикрай Денеш, Дробуш Вырвиглот и Рубаки Аквилотские – в качестве боевых единиц, – перечислил начальник Тайной канцелярии, загибая пальцы. – Думаешь, этого будет недостаточно?

Архимагистр снова вздохнула.

– Как бы тебе объяснить, Твоя Светлость... В искусстве волшебства есть понятие магического абсолюта – идеального соотношения Силы и Мастерства мага для воздействия на то или иное событие или предмет. Команда «хорьков» – такой идеал... Вселенная благоволит им, дарит удачу

за удачей, но только при условии, что они работают вместе! Сохранят ли они эту способность оказываться в нужное время в нужном месте после того, как потеряют в составе, – я не знаю. И это меня тревожит!

Рю Вилль помолчал, покачал пальцем серьгу в ухе.

– Если бы тебе предложили выбирать, от кого бы из них ты не смогла отказаться? – спросил он.

– От графа, – не задумываясь, ответила Ники.

– Яго... – покачал головой Трой и замолчал – Его Величество запретил графу рю Воронну покидать страну.

«Яго...» – в покоях Золотой башни повторила про себя архимагистр и поставила около его имени жирный знак вопроса. Постучала пальцами по столу, затем потянулась к зеркалу связи.

Стекло зарыбило и показало обитые тканью спокойного голубовато-серого оттенка стены кабинета наследного принца.

– Да? – тут же откликнулся владыка.

– Ваше Высочество, переговорить бы...

– Приходите.

Принц знал, что Ники не является без серьезного повода, Ники – что Аркей не любит лишних слов. Оба прекрасно понимали друг друга.

Волшебница шагнула прямо в кабинет, склонила голову и дождалась, пока принц предложит сесть в кресло напротив. В кабинете он был один.

– О чем пойдет речь? – уточнил Аркей, откинувшись на спинку стула и сцепив пальцы перед собой.

– Об операции «Ласурские призраки», – шевельнулась Никорин. – Ее проведение под угрозой, однако у меня нет достаточных... – она замолчала, подыскивая слово, – ...обоснований, чтобы это доказать. Только предчувствие.

– Предчувствие архимагистра – это серьезно, – позволил себе улыбнуться принц. – Насколько я знаю, отец в целом одобрил вашу идею, выделил силы и средства. Так в чем проблема?

– Не в целом! – отрезала волшебница. – В составе группы мне нужен человек, которого он категорически отказывается отпускать.

Его Высочество молча смотрел на нее, ожидая продолжения, однако Ники показалось, что ответ он знает.

– Ягорай рю Воронн, – выдохнула она. – О его способностях, опыте и преданности короне вы и сами знаете, но это не те качества, которые имею в виду я, говоря, что он должен участвовать в операции!

Принц молчал.

– От этого зависит судьба Тикрея! – отчаявшись объяснить,

воскликнула архимагистр.

– Чего вы хотите от меня? – ровно спросил Аркей.

– Уговорите Его Величество отпустить рю Воронна!

– И какие аргументы мне привести, дабы он согласился? – усмехнулся принц, однако его глаза были холодны.

Ники знала этот взгляд. Он делал Аркея похожим на отца, несмотря на внешние различия, и указывал на то, что Его Высочество ищет решение проблемы.

– Ну, если я не могу привести вам никаких, то откуда они возьмутся у вас? – пожала плечами она.

– Один аргумент у меня, возможно, найдется... – задумчиво произнес Аркей, и волшебница немедленно поднялась:

– Благодарю, Ваше Высочество!

Вновь оказавшись в своих покоях, Никорин подошла к окну и загляделась на темные воды Тикрейской гавани. В небе висел тонкий серпик луны, такой хилый, что его хотелось подкормить.

Редьярд был понятен и предсказуем, как рассвет, но, когда королем станет Аркей, с ним будет просто и непросто одновременно, ведь в нем течет кровь Морингов. Холодная северная кровь.

* * *

Казалось, Лихо не понимал, что происходит. Его глаза были полузакрыты, однако ноздри едва заметно подрагивали: оборотень принюхивался к тем двоим, что вели его по подземным переходам в неизвестность.

Торхаша подняли на рассвете. Окатили из ведра холодной водой, вздернули за руки. Тигры – ребята крепкие, куда жилистому лису тягаться с такими тяжеловесами! А в том, что его ведут именно тигры, Лихай не сомневался, чужая знакомый запах. Так пахла та тигрица – высокомерная, рыжеволосая, назвавшая его героем-любовником.

Лабиринт скальных кишок тянулся неспешно, запутанно. В одиночку и не выйдешь отсюда, каким бы чувствительным ни был нос! Уровень пола едва заметно понижался, в воздухе разливалась выворачивающая кости стылость вечной мерзлоты. Человек в таких условиях давно бы впал в протрацию и уснул навсегда, но обратной спасала повышенная температура тела.

Лихай не сопротивлялся. Отстраненно следил за происходящим,

просчитывал варианты побега, вспоминал ситуации, в которые ему случалось попадать, – хреновые, надо сказать ситуации... И, похоже, эта была хреннее всех остальных! Нет, он не терял надежды, поскольку был прирожденным воином. Торхаш ждал шанса, однако чем ниже его уводили, тем явственнее он понимал: те, за кем он охотился, тщательно подготовились, и из этой ловушки не выбраться даже тренированному, злему оборотню. А Лихо был зол. Очень зол. И в первую очередь на себя. Превенная, давно наскучившая жизнь показалась весьма привлекательной. От воспоминания о волшебнице с глазами цвета озерного льда и холодными губами, которые вынимали из него при поцелуе душу, хотелось выть прямо в каменный потолок.

Игра...

Они играли друг с другом, как с добычей, не подозревая, что в любой момент их может настичь смерть, как настигала она сейчас последнего из рода Красных Лихов. Посмеявшись над самим собой, Торхаш мысленно воззвал к Ники. Было бы здорово, услышь его волшебница и явись прямо сюда! Наверняка снесла бы с лица земли каменный лабиринт вместе со всем содержимым, явив миру очередное чудо...

Интуиция, кружившая в клетке сознания раненым зверем, вдруг сделала стойку – почуяла верную мысль! Чудо! Чудо... Не Ники, нет, – хотя она, конечно, чудо, особенно в близости! – нечто совсем-совсем другое!

Лихай читал те же донесения, подготовленные начальником Тайной канцелярии, что и Аркей. А его друг Дикрай Денеш рассказывал о великих волшебниках и мощных артефактах, о смертельных опасностях и верной дружбе... Точнее, о верной дружбе со смертельно опасным существом – с Богом!

Оборотень встрепенулся и открыл глаза. Шанс был ничтожен, но он появился. А веру сердце, явственно слышащее звон похоронного колокола, найдет без труда!

Его привели в пещеру, освещенную ярко горящими факелами. В дальней стене поблескивала от изморози решетка. За ней угадывалось замедленное холодом движение, и именно оттуда тек густой струей уже знакомый Торхашу запах безумия.

Конвоиры крепко держали пленника, хотя он по-прежнему не сопротивлялся. Да, Лихай рисковал, однако риск был именно тем, что в последние годы давало ему возможность ощутить себя живым, а недохлым лисом.

Решетка дрогнула и, грохоча, покатила в сторону.

«Хаос, мне нужен хаос... – подумал Лихо. – Кипиш, я никогда не

видел тебя, но, если ты существуешь и рассказы о тебе не выдуманы, – появись! Я поверю в тебя всем сердцем, всей яростью против тех, кто задумал чудовищное изменение моей, нашей природы в угоду своим амбициям!»

Высокая тень в глубине пещеры зашевелилась. Когда существо шагнуло в проем, Торхаш оглядел противника. Перед ним стоял узаморский гризли – здоровенный самец с бычьей головой, бревноподобными лапами и серо-коричневой шкурой. Но не это в нем было самым страшным, а тягучая слюна, бахромой свисающая из пасти, и взгляд маленьких глазок, полный слепой ярости. Медведь-оборотень не походил на пленников в клетках: ни на безразличных ко всему, ни на бесноватых, ни на тех, в ком болезнь свернулась тугой пружиной, ожидая ВОЛИ. Гризли был первоисточником заболевания, тем, кому следовало умереть за несколько дней, но в ком жизнь поддерживалась искусственно, а кем или чем – Лихай предпочел не задумываться, потому что... из проема вдруг потянуло морозом. Не иначе там находился вентиляционный штрек, слишком узкий для гризли, однако достаточный, чтобы доставлять свежий воздух внутрь лабиринта.

При виде медведя конвоиры не отступили – видимо, были уверены в том, что он не нападет. Один из них отвел руку Лихая в сторону, открывая внутреннюю часть его предплечья. По всей видимости, гризли должен был укусить пленника, заразив. Так вот что называлось красивым словом «ритуал»!

Медведь рыкнул.

В сознании Лиха неожиданно раздалось «йа-хуу!», и...

Все пошло не так!

Держащий Торхаша за запястье конвоир решил взяться поудобнее, но именно в этот момент гризли качнулся вперед и вонзил клыки в плоть... охранника. Тот закричал, но крик резко оборвался. Глаза зараженного наливались кровью, разум в них угасал, его ноздри и веки дрожали. Когда он набросился на своего напарника, тот выпустил Лихая, пытаясь спастись. Торхаш, обойдя гризли по дуге, метнулся в пещеру, слыша за спиной звуки отчаянной грызни, рычание и крики, и обнаружил узкий лаз, почти вертикальную шахту, откуда пахло снегом. Втиснувшись туда, Лихо бросил на подъем все силы, накопленные за время вынужденного отдыха, но кроме них, его рывками тащила некая сила, позволяя преодолевать за один раз значительное расстояние. В душе оборотня пел восторг – такое забытое, такое нехарактерное для него чувство.

Из штрека полковник вылетел, как пробка из бутылки игристого вина. Он знал, что погони не избежать, и уже в воздухе обернулся, дабы

припустить со всех лап прочь, путая следы. Но... оборота не получилось! Точнее, превратился он вовсе не в то, во что ожидал. Спустя мгновение Лихо камнем рухнул на землю. Камнем в прямом смысле: покрытым изморозью валуном, одним из многих, валявшихся вокруг. Неспособность двигаться отозвалась в сознании паникой. Торхашу показалось, он заключен в каменный плен навсегда и простая радость движения никогда не будет доступна. Однако он заставил себя успокоиться, помня, что обещал верить Кипишу, и радуясь тому, что сохранились ощущения: он слышал, как шумит кровь в ушах, как пульсирует сердце, как от перегрузки ноют мышцы, чувствовал, как саднят подушечки пальцев, содранные в кровь о шершавые стены лаза. Но его тело покрывала толстая каменная корка, которую никому не дано преодолеть извне.

Конечно, они искали его! Окружающее пространство вдруг оказалось полным-полно оборотней, пытающихся встать на след беглеца. Во главе шла, яростно скалясь и порыкивая, крупная ярко-рыжая тигрица...

Лихо расслабленно дремал в своем мороке, не слыша, как глубоко под землей одна за другой распахиваются клетки, и те из пленников, что сохранили разум, идут к выходу за хромым стариком, который исхудавшей, но по-прежнему сильной рукой указывает им направление.

В сердце красного лиса сплелись в тугой клубок покой, удивление, восторг и чувство, доселе ему неведомое. ВЕРА.

* * *

Устроившись в кресле перед разложенным на столе планом нового грандиозного храма, Его Величество задумчиво рисовал рыбок. Рыбки получались как на подбор уродливые, лупоглазые и злые, что королевскому настроению не способствовало.

– Отец, мне непонятно твое упорство, – сидя напротив, говорил его старший сын. – Я был немного удивлен твоим желанием приблизить графа рю Воронна, однако, поразмышляя, пришел к выводу, что ты прав: он верный подданный, достойный человек и настоящий воин. Только я не понимаю, к чему такая срочность? Рю Саднес как старое дерево – скрипит, но не ломается. Поскрипит и еще пару месяцев, пока Яго будет участвовать в операции «Ласурские призраки»! Мне ли тебе говорить, отец, что будущее Тикрея и всех живущих на нем стоит пары месяцев беспокойства одного-единственного человека, каким бы умудренным сединами и уважаемым он ни был!

Его Величество задумчиво посмотрел на сына, который сейчас рассуждал как настоящий король. То есть так, как должен был рассуждать он сам, Редьярд Третий!

Заколело сердце...

Мальчик вырос. Мальчик научился плести интриги, хотя душа к этому не лежит, говорить неправду с лицом дремлющего после сытного обеда Стремы, гнуть свою линию.

Почему он, Редьярд, никогда не был таким, как его Аркей? Почему, когда отец умер и ответственность перед государством, народом, Тикреем, наконец, повисла на его шее, как камень на шее утопленника, не оказалось рядом близкого человека, мудрого наставника, того, кто давал бы ему передышку от проклятого камня, как он дает ее Арку, постепенно приучая носить корону?

Как Редьярд рвал жилы, как протестовал против судьбы, попирали ее сапогами, пользовал как девку, но она все равно скручивала его в бараний рог, заставляя принимать решения. А он не хотел их принимать! Аркаеш его побери, он хотел свободы и дури, всего того, в чем купается его младшенький, Колей, хотя ему уже давно пришло время взрослеть! Арк – другой. Он не протестует против ответственности, да и как можно протестовать против того, что у тебя в крови? Ему не нужны свобода и дурь. Ему нужна процветающая страна и спокойствие людей, живущих в ней! Похоже, сыновья, включая Яго, – насмешка Индари над ним, Редьярдом Непутевым. Разные, как день и ночь. Доставшиеся такими неодинаковыми путями. Вот как сейчас объяснить старшему свое желание видеть рядом с ним Ягорая? Ведь Яго куда больше похож на Арка, чем Колей! Вместе они могли бы горы свернуть, дать Ласурии незыблемую власть, построенную на крови их общих предков. Как сказать им обоим? И говорить ли вообще?

Его Величество, поморщившись, потер левую сторону груди.

– Почему именно Яго? – наконец спросил он.

Аркей слегка поднял брови, выказывая сдержанное удивление.

– Ты знаешь, отец. Но, возможно, есть другая причина, о которой не знаю Я?

Он умело выделил голосом это «Я», его мальчик. На такой вопрос следует давать прямой ответ или... молчать.

Редьярд нарисовал на плане очередную уродливую рыбку и, подумав, пририсовал к ней крылышки. Получилось еще ужаснее.

– Только из-за важности операции «Ласурские призраки» я разрешаю тебе использовать графа рю Воронна в составе боевой группы, – через силу

сказал он, – но это в последний раз! Ему следует получать другие навыки, а не размахивать мечом как палкой, направо и налево, круша порождения Вечной ночи! Мы договорились, сын?

Он посмотрел Арку в глаза. Тяжело посмотрел, с гневом. Хотел, чтобы тот увидел в его взгляде ту грань, через которую переступить не стоит. И Аркей увидел. Понял: для них обоих время обсуждать правду о Ягореае рю Воронне еще не пришло.

Принц поднялся, поклонился.

– Договорились, отец. Если ты не возражаешь, я сообщу об этом архимагистру Никорин и рю Виллю.

– Конечно.

Когда Его Высочество вышел, король раздраженно бросил перо на план. По тонкой бумаге расплылась чудовищная клякса, похожая... на уродливую зубастую рыбу. Не дай Пресветлая так изуродовать стены нового храма какому-нибудь мазиле!

Остановившимся взглядом Редьярд смотрел, как высыхает чернильное пятно. Кажется, он только что придумал, как сделать ласурское святилище богов величайшим на тикрейской земле!

Дверь открылась. Без стука к Его Величеству могли входить лишь трое: герцог рю Вилль, Дрюня и Стрема. В этот раз ввалились двое: шут и собака.

– Везет тебе, братец, – с завистью сообщил Дрюня, падая в кресло и по привычке закидывая ноги на подлокотник, – сидишь тут, в тиши, думаешь государственные мысли, а все остальные мечутся в мыле, готовясь к Весеннему балу!

Редьярд кинул на него короткий взгляд.

– Не вижу мыла!

Шут пожал плечами.

– Мне не привыкать! А вот свита твоей Агнушки просто с ног сбивается! Наверное, Ее Светлость сильно не в духе! Давеча проходил мимо покоев и слышал стенания бедных придворных!

– Да Аркаеш с ней! – ухмыльнулся Редьярд, неожиданно приходя в отличное расположение духа. – Скоро у нас будет новая кастелянша, слышал уже?

Дрюня прищурился.

– Это ты о Туче Клози, Твое Заинтересованное Величество? Слышал, как не слышать! Хоть она еще не согласилась, старого кастеляна уже из дворца погнали и велели новую ведомость выписать с жалованьем... на некую матрону Мипидо! Что, так прихватило? – уточнил он без перехода и

заржал.

– Дурак ты, – ласково улыбнулся Его Величество и поднялся. – Идем к балу готовиться!

Стрема, который все это время внимательно слушал разговор, сидя рядом с королем, пренебрежительно фыркнул, отошел к камину и завалился на медвежью шкуру. Балы его ни капельки не интересовали. Вот ужин – другое дело!

* * *

Его Светлость Аترون рю Воронн проглядывал донесения, присланные с разных концов княжества. С самого начала наместничества он потратил приличную сумму из казны на создание сети осведомителей, в том числе на территории независимого Весеречья, которое формально находилось под протекторатом Ласурии, а на деле плевать хотело на ласурский флаг. Кроме местных, промышлявших охотой, обретался там всякий сброд: контрабандисты и разбойники, лица, объявленные вне закона и ищущие убежища, отшельники и авантюристы. Гремучая смесь на краю мира не сильно беспокоила Его Величество Редьярда, поскольку между его страной и Весеречьем буфером лежал заснеженный Узамор, однако не могла не беспокоить узаморского наместника. В этих землях еще была жива память об армии одержимых, пятьсот лет назад прокатившейся по провинции. Богатый и процветающий Узамор, бывший тогда основным конкурентом Ласурии за первенство на Тикрее, так и не сумел оправиться от тотального уничтожения населения, приходя в упадок до тех пор, покуда прапрадед нынешнего короля не прибрал его к рукам.

При мыслях об этом у Атрона сжимались кулаки и сердце обливалось кровью. Подумать только, не случись в Весеречье вспышки неизвестной болезни, превращавшей людей в тварей, жаждущих убивать себе подобных и поджигать все вокруг, судьба Узамора была бы совсем другой! И кто знает, не Ласурию ли включили бы в его границы в качестве провинции!

Одна из бумаг привлекла внимание рю Воронна. Осведомитель писал, что охотники из лесов, граничащих с северными пустошами, удивлены огромным количеством следов разнообразных животных, ведущих на юго-запад, в Ласурию. Причем многие из этих животных не являются природными обитателями Узамора или Весеречья, а следы могут принадлежать как крупным особям, так и оборотням в звериной ипостаси.

Суровая природа Узамора всегда следовала традиционному пути.

Миграционные тропы животных были известны охотникам издревле и никогда не нарушались... Массовый исход зверей из Весеречья, зверей, которых там быть не должно, для человека, помнящего о событиях пятисотлетней давности, говорил о многом.

Атрон развернул к себе зеркало связи и активировал его. К его удивлению, амальгама отразила не холодное и красивое лицо Никорин, а бородатое, суровое – гнома Бруттобрута, ее неизменного помощника.

– Ваша Светлость, – приветствовал его гном, поднялся с места, уважительно поклонился, – Ее Могущество отбыла во дворец на Весенний бал. У вас к ней срочное дело?

Рю Воронн показал свиток.

– Я бы хотел, чтобы она увидела это.

– Свиток имеет отношение к ее встрече с вами? – уточнил Бруттобрут, и Атрон не сумел скрыть удивление во взгляде – надо же, гному известно и о неофициальном визите архимагистра к нему в Узамор, и о содержании разговора!

– И да, и нет, – помолчав, ответил он. – Скорее нет.

– Кто знает, кто знает, – ухмыльнулся Бруттобрут и протянул руку. – Давайте сюда!

– Через зеркало? – изумился герцог. – Я не знал, что так можно!

– Вы не архимагистр, Ваша Светлость, – мягко пожурил Бруттобрут, и рю Воронн вдруг понял, что гном, который намного, намного старше его самого, в душе относится к нему как к неопытному юнцу.

Вспыхнув от гнева, он толкнул свиток в амальгаму, ожидая, что тот упрется в нее краем, однако свиток провалился внутрь рамы и исчез, появившись спустя пару секунд в руках секретаря Золотой башни.

– Я передам послание немедленно, – снова поклонился Бруттобрут, – благодарю, Ваша Светлость!

Узаморский наместник коротко кивнул и прервал связь. Интуиция подсказывала, что он все сделал правильно, но на душе остался осадок. Тревожный осадок. Донесение неспроста попало ему в руки тогда, когда он вспоминал события далеких и страшных дней!

* * *

«В этот раз коротышка превзошел самого себя!» – думала герцогиня рю Филонель, с восхищением рассматривая себя в зеркале. Сшитое мастером Артазелем платье было очень простым: белым, без кружев и

драгоценностей, лишь подол и манжеты отливали серо-стальным, подчеркивая белизну кожи эльфийки и мраморную синь ее радужек. В нем она казалась королевской невестой... Собственной несбывшейся мечтой.

Агнуша покосилась на Артазеля, который тоже рассматривал ее в отражении. Во взгляде гнома восхищения не было вовсе, лишь пристальное внимание к деталям в частности и образу в целом.

– Я благодарна вам, почтенный мастер, – медленно произнесла герцогиня, и портной посмотрел на нее с удивлением – за годы знакомства эльфийка впервые назвала его «почтенным», – благодарна за все! Вы можете быть свободны!

– Я рад, что вы довольны, Ваша Светлость! – растерянно пробормотал он и покинул покои.

Едва дверь за ним закрылась, герцогиня бросила взгляд на сундучок, стоящий на зеркале и полускрытый ее шалью. Судорожно вздохнув, принялась делать прическу.

– Ваша Светлость, ну зачем вы! – возмутилась, войдя, ее старшая горничная Туссиана Сузон. – Дайте мне!

Герцогиня уже скрепила пряди на затылке заколкой с настоящей белой розой и, повернувшись, улыбнулась:

– Я знаю, что и ты получила приглашение на Весенний бал, так иди, собирайся! Сегодня ты мне не понадобишься, а завтра я даю тебе выходной... Веселись и пей за мое здоровье!

Туссиана встревоженно взглянула на нее:

– Моя госпожа, с вами все в порядке? Вы говорите так, будто прощаетесь!

В смехе герцогини зазвенело хрустальными колокольцами эльфийское лукавство. Она взяла руки горничной в свои.

– Ну что ты, моя дорогая Туссиана, я просто радуюсь предстоящему балу! И надеюсь увидеть и тебя в числе танцующих с обожаемым мастером Пипом!

– Ох! – горничная зарделась. – У него тоже есть приглашение, вы правы!

– Вот видишь! – Агнуша ласково пожала ее пальцы и отпустила. – Ну, иди же! А то я передумаю!

Благодарная служанка скрылась за дверью, не замечая, с каким странным выражением лица смотрит хозяйка ей вслед.

А эльфийка еще раз кинула взгляд в зеркало, расправила плечи и вышла из будуара в гостиную, где ожидала свита. Compliments кавалеров и шепотки дам не доставили ей такого удовольствия, как обычно, потому

что Агнуша ощущала себя, будто во сне. В кошмаре, от которого невозможно проснуться.

В сопровождении приближенных она дошла до бальной залы и остановилась у возвышения с тронном. Король, стоящий рядом с ним, сделал ей знак подняться.

– Вы прекрасно выглядите, герцогиня!

– Благодарю, Ваше Величество!

И это все, что было сказано. В прежние времена он бы шепнул ей на ушко какую-нибудь сальность, а она, рассмеявшись, ответила глупостью вроде: «Мой повелитель, это все ваше, и вы об этом знаете!» А нынче их, открывающих Весенний бал, разделило осторожное пограничье тишины людей, чуждых друг другу... Все так, Каскарты, все так! Все как должно быть!

Агнуша надела на лицо одну из самых сияющих улыбок. Казалось, ее настроение ничто не может испортить. Ни архимагистр в волшебном, темно-голубом платье, на котором были нашиты тончайшие батистовые разноцветные бабочки, крылья которых казались живыми при малейшем движении, ни явный интерес Его Величества к своему новому придворному художнику, а точнее, к его невесте необъятных размеров и тролльего обаяния. Ее Светлость никому не отказывала в танцах, двигаясь как во сне. Танцевала с королем, с рю Виллем, сказавшим ей очередную гадость, завуалированную приторными комплиментами, с придворными... И поглядывала на часы. Когда стрелка коснулась полуночи и глубокий бой курантов с самой высокой башни замка поплыл над Вишенрогом, Агнуша бежала из бальной залы в свои покои, где избавилась от платья, делавшего ее похожей на невесту, от туфель и... от себя самой. Той, несбывшейся. Переделалась в мужской костюм, прихватила сундучок, спрятала под шалью волосы и потайными коридорами выбралась наружу, в дворцовый сад, а оттуда на улицу, где ждала запряженная четверкой карета. Закутанный в черное возница даже не обернулся, когда она запрыгнула внутрь, пытаясь сдержать бешеный стук сердца. Кони с места взяли в карьер. Экипаж покинул Вишенрог, миновал окрестные поля.

Герцогиня знала, что до утра ее не хватятся. Его Величество был слишком занят новым увлечением, чтобы вспоминать о преданной фаворитке, которая никогда и ни в чем ему не отказывала. И когда она спрыгнула с порожка кареты на мост через одну из рек, протекавших в окрестностях города, проводила взглядом экипаж с неразговорчивым возницей и вытасила из-за пояса порталый свиток, ощущение финальной точки в романе дурного толка стало оглушительным. На

мгновение Агнуше показалось: мир замер, наблюдая за ней, гадая, не повернет ли она назад. Дрожащими пальцами эльфийка сорвала оплетку со свитка и прикрыла глаза от яркой вспышки. Ноздрей коснулся запах сочной травы и вечно весеннего ветра. Она шагнула к ним вслепую, подрагивая, как норовистая лошадь.

Они ждали ее с той стороны: советник Ксарион Перкатипотль и отряд галахадов – личных охранителей Мудрейшего. Ксарион почтительно коснулся ее запястья, а толчок ветра в спину подсказал, что портал в Ласурию закрылся, и только тогда Агнуша позволила себе открыть глаза.

Она увидела себя на склоне холма, по которому убегала вниз, к лесному озеру, серебрящаяся трава. Ветер нес тысячи ароматов, и ни один из них не отдавал спертым запахом человеческих жилищ. Вода едва слышно плескала на берег. В черной поверхности отражались яркие звезды и рябой лик луны, показавшейся Агнуше настоящей красавицей.

Эльфийка сунула в руки советнику сундучок и заторопилась вниз.

– Куда вы? – изумился Перкатипотль.

Герцогиня не ответила. Побежала к берегу, попутно избавляясь от одежды. Озеро встретило ее материнскими объятиями. Закрыв глаза, Агнуша легла на спину. Вода залила уши, шумела глухо, будто напевала. Впервые за долгие годы эльфийку накрыло ощущением безопасности и покоя, в котором растворялись постоянное напряжение и разочарования прошедших лет, глубокое одиночество.

Здесь и сейчас лесное озеро, отражающее холодные звезды Лималля, стало точкой в первом предложении нового романа... Романа ее жизни.

* * *

Разгоряченная танцами Вителья стояла у открытого окна и любовалась звездами над Вишенрогом. Они еще не были крупными и яркими – летними, но весенние созвездия отличались своей прелестью, кутались в легкую облачную дымку, приносимую ветром с моря.

– Не замерзла?

Теплые ладони накрыли ее обнаженные плечи.

Вита улыбнулась и откинулась на широкую грудь своего спутника. Не поворачивая головы, ответила:

– Нет!

– Я принес два бокала розового гаракенского. Прошлогоднее, хорошее...

Волшебница развернулась:

– Хочешь меня напоить?

Ягорай рю Воронн улыбнулся.

– А это возможно?

Улыбка необычайно шла его суровому и мрачному лицу, делая совсем другим. И Вита обожала эту перемену. Обожала видеть, как в глубине загадочных, почти черных глаз загораются теплые искры, как появляются в углах рта смешливые морщинки. В последнее время она жила Ягораем, не понимая, как раньше могла дышать без него. И чувствовала, что и он ощущает то же самое.

Поставив бокалы на подоконник, рю Воронн привлек волшебницу к себе и поцеловал, не обращая внимания на окружающих. Девушка, отвечая на поцелуй, оглаживала ладонями его спину, плечи, руки... Прикосновение к своему мужчине доставляло ей огромное удовольствие. Каждый раз, оказываясь наедине с ним, она удивлялась тому, как быстро загорается страстью в его объятиях. Однажды даже сказала ему об этом, намекая на то, что он искусен в любви, оттого что опытен. Яго долго смеялся, а потом ответил:

– Солнышко мое, мне лестно твое мнение, но, поверь, я – обычный мужчина с самым обычным опытом любовных отношений. Просто ты создана для меня... Моя женщина!

– А ты – мой! – тогда прошептала она, отдаваясь на волю его ласк.

Да, Яго принадлежал ей. Впервые в своей жизни Вителья чувствовала, что ее сердце стало целым, будто до этого в нем отсутствовал фрагмент. Впервые в жизни просто наслаждалась ею, не думая о будущем.

– Кажется, вино останется невыпитым... – пробормотал Ягорай, все теснее прижимая девушку к себе.

– Нет! – воскликнула волшебница. Вывернулась, смеясь, подхватила бокал, сделала порядочный глоток и призналась: – Знаешь, я еще ни разу не напивалась!

Рю Воронн поднял брови:

– Что, совсем никогда?

– Совсем! Никогда!

– А в Грапатуге?

– Фу, какой! – возмутилась Вителья. – Я училась! На двух факультетах, между прочим!

– Выпьем за это? – блеснул глазами Яго, беря свой бокал.

Она шлепнула его по руке.

– Все-таки ты хочешь меня напоить!

– Конечно, особенно после твоего признания! – засмеялся тот.

– Развлекаетесь? – раздался позади них знакомый голос.

Они обернулись.

Архимагистр Никорин с непонятым выражением разглядывала счастливую парочку, покачивая бокал в пальцах.

– За что пьете?

– Скорее, для чего, Ваше Могущество, – нашелся Яго, – для опьянения!

– Понятно, – хмыкнула Ники.

Коснулась своим бокалом их, прислушалась к звону, едва уловимому в шуме, и добавила:

– Пейте с учетом того, что завтра нам предстоит серьезный разговор.

Рю Воронн казался спокойным, однако Вита уже знала его: прикажи архимагистр отправляться сейчас же в очередную опасную эскападу – он просто отставит вино... и отправится!

– Не надо волноваться, – мягко сказала Ники, глядя на него, – я сказала «нам», имея в виду и Вителью. Вы нужны мне оба!

Рю Воронн молча поклонился ей. Архимагистр, сощурившись, оглядела его мощный загорелый затылок, улыбнулась замершей Вителье и скрылась в толпе.

– Яго... – позвала девушка.

Он залпом допил свой бокал и снова поцеловал ее. Губами, пахнувшими сладкими гаракенским вином.

– Вителья, похоже, мы снова покинем Вишенрог... Ты готова к этому?

Она лихо повторила его жест, тоже допив вино. Жадно посмотрела на него.

– К чему, Яго? К ночам под открытым небом? К отблескам костра на клинках? К погоням и засадам? С тобой – готова!

Она взяла ее лицо в ладони. Заглянул в зеленые дикие глаза.

– Ты знаешь, что ты сумасшедшая?

– Ты любишь меня за это?

– Нет. Я просто люблю тебя...

Выпустив ее, рю Воронн шагнул назад.

– Принесу еще вина. Предчувствие подсказывает, что напиться нам теперь долго не удастся, значит, надо сделать это сегодня!

Вита только головой покачала и снова отвернулась к окну. Да, все правильно. Ягорай – воин, и она тоже воин, точнее, боевой маг. Вместе они команда. Слаженная, сработанная, не ведающая сомнений и страхов, не знающая преград на своем пути. Завтра она подумает о том, что ласурская

бригада отправится в путешествие не в прежнем составе. Завтра погорюет о Йоже и Виньо, ощутит сожаление при мыслях о Варгасе Серафине, но это все завтра. А сейчас – звезды славного города Вишенрога, ставшего ей родным, губы Яго, дарящие наслаждение, и коварное гаракенское вино...

– Хвостато приветствую тебя, дама Вителья! – услышала она скрипучий голосок откуда-то снизу.

В недоумении перевела взгляд на источник звука и торопливо задернула штору, чтобы скрыть от любопытных глаз толпы поджарого крысюка в рыцарских доспехах.

– И тебе привет, Альтур! – воскликнула она, осторожно пожимая протянутую лапу в стальной пластинчатой перчатке. – Как поживаешь? Как продвигается великое дело объединения народа?

– Дело продвигается, – покивал крыс, – моего народа стало меньше, но теперь я точно уверен, что это мой народ!

– Не понимаю, – покачала головой девушка.

– Все, кто пытался сопротивляться новому государю, то есть мне, убиты, – охотно пояснил Пенкрысон. – Их жаль, однако цель оправдывает средства! На очереди – крысиные народы соседних стран!

– Однако, – пробормотала Вита, потрясенная размахом маленького короля. – С людьми вы тоже собираетесь воевать, Ваше Хвостатое Величество?

– Ты сомневаешься, что мы это можем, благородная дева? – Альтур ощерился, поблескивая красными искорками глаз, и выхватил меч.

– Не знаю, – честно ответила волшебница. – Но, думаю, это будет неприятный опыт для обеих сторон!

– Ты права, – проворчал крыс, пряча меч обратно в ножны, – поэтому с людьми я буду договариваться, но очень может быть, что договариваться не придется, поскольку будет не с кем!

– Что ты имеешь в виду? – насторожилась Вителья.

Альтур уселся на край подоконника, свесив задние лапы. Поправил меч, чтобы не мешал.

– Тебе известно, что нас называют переносчиками болезней, и в этом есть доля истины, – произнес он. – Наши беда и проклятие, в результате которых мы гибнем в куда большем количестве, чем люди, вас не волнуют; впрочем, дело не в этом! Как переносчики мы чуем инфекции, знаем, где и когда возможна эпидемия! Так вот, благородная дева, этой весной в Вишенроге попахивает безумием, и мне это не нравится!

– Безумием? – удивилась Вита. – Разве им можно заразиться, как, например, простудой или чумой?

Пенкрысон пожал плечами и поднялся.

– Я тебя предупредил, волшебница! Думать о людях – не моя забота! Сюда идут!

Зацепившись за штору, крысиный король съехал по ней вниз и был таков.

– Ты прячешься от меня? – уточнил Ягорай, ныряя в «убежище» и ставя на подоконник еще два бокала.

Вителья покачала головой и задумчиво спросила:

– За что будем пить теперь?

– У тебя есть предложения? – обнял ее Яго.

Он прижалась к нему, каждой клеточкой впитывая тепло его тела.

– Давай выпьем за то, чтобы все загадки были разгаданы?

– Вряд ли это возможно, солнышко мое, – усмехнулся рю Воронн, – но выпить нам это не помешает!

* * *

Танцевать с рю Виллем было одним удовольствием. В нем и до сих пор сохранилась та моряцкая грация, что позволяла в шторм не падать с почти отвесно наклоненной палубы, то чувство ритма, что волны когда-то дарили и Ники. Тесно прижавшись к герцогу, она позволяла ему вести себя в танце, полузакрыв глаза, растворяясь в бездумном движении. Мимо проплывали пары: принц Аркей с напряженным лицом, ведущий в танце счастливую раскрасневшуюся Бруни, Дрюня с какой-то пожилой статс-дамой, которой он явно травил анекдоты, потому что она едва держалась на ногах от смеха, Его Светлость герцог Ориш с племянницей, подаривший Ники восхищенный взгляд, на который ей было наплевать, Колей, легко и изящно держащий фрейлину из новеньких... Девица смотрела на него, не отводя сияющих глаз. И вдруг в череде мелькавших лиц показалось то, увидеть которое здесь Ники не ожидала.

Когда танец кончился, она шепнула рю Виллю: «Прости!» – и направилась к Бруттобруту, стоящему в толпе. Заметив ее, гном кивнул и принялся протискиваться к выходу из залы.

Ники нагнала его в коридоре. Бруттобрут ждал ее, стоя у окна. Когда волшебница подошла, он протянул свиток и коротко пояснил:

– От узаморского наместника.

Ники пробежала глазами донесение. А затем... свиток вернулся в руку гнома, а архимагистр исчезла.

Атрон рю Воронн не ошибался, расценивая ситуацию как опасную! Обретя Силу, сравнимую с силой богов, архимагистр получила от них в наследство видение картины мира, которое с каждым годом ее долгой жизни становилось отчетливее. Сейчас его логика была нарушена.

Бородатый седоволосый офицер, больше похожий на медведя, чем на служаку, едва не заорал от ужаса, когда обнаружил в отдаленном уголке Весеречской пустоши, рядом с собой, коротко стриженную блондинку в голубом, глубоко декольтированном платье, украшенном бабочками. Однако блондинка спросила его «Вы кто?» таким тоном, что он вытянулся в струнку и сообщил:

– Полковник Хирон Торд, глава охраны резиденции Рокунара, а сейчас командир разведывательного отряда.

– Почему вы здесь?

– Направлены по приказу узаморского наместника посредством порталных свитков для оценки происходящего.

– Доложите обстановку.

– Да кто вы такая? – придя в себя от первого впечатления, возмутился офицер.

Блондинка прищурилась. Ее глаза жутковато светились – как провалы во льдах, ведущие в вечную мерзлоту!

– Архимагистр Никорин, – раздалось из-за спины Торда, – вы забыли муфту!

Офицер резко обернулся и увидел почтительно склонившегося гнома, который держал песцовую муфту.

– Архимагистр? – воскликнул Торд. – Вы – Ники Никорин, ласурский архимагистр?

– Благодарю, Брут, – блондинка взяла муфту. – Да, полковник, это я. Собираюсь, как и вы, оценить происходящее...

И она выжидающе уставилась на него своими жуткими глазами.

На всякий случай отступив на шаг назад, Хирон доложил:

– Мы не нашли в округе ни одного живого оборотня, только следы. Огромное количество следов!

– Можете подсчитать, скольким особям они принадлежали?

– Около ста, Ваше Могущество, – подал голос один из солдат, – так говорили охотники, показавшие нам дорогу сюда.

Полковник отвел взгляд, что не укрылось от волшебницы.

– Что еще вы знаете? – резко спросила она. – Говорите!

– В пещерах неподалеку отсюда мы нашли лабораторию, – через силу произнес тот, – такую же, как и две предыдущие: с клетками, кровавыми

подтеками на стене, алхимическим оборудованием. Но, как и предыдущие, она пуста. Ни записей, ни подопытных, ничего.

– Две... – пробормотала Ники. Ей придется обстоятельно поговорить с рю Воронном о том, что происходит в княжестве! Пожалуй, стоит привлечь к разговору Трояна!

И наткнулась на спокойный взгляд Бруттобрута. Несмотря на наличие у пояса специальной сумки для порталных свитков, гном не торопился менять замороженное Весеречье на весеннее тепло Вишенрога.

– Отправляйся назад, – приказала Ники, – пусть рю Вилль будет готов встретиться со мной, когда я появлюсь.

И пошла в лес, ощущая под тонкими подошвами бальных туфелек острые стальные камни.

– А когда вы появитесь? – ей в спину уточнил Брут.

– Эй... Ваше Могущество, вы куда? – крикнул Торд. – Там может быть опасно!

Усмехнувшись, Ники пожала обнаженными плечами, засунула руки в муфту и исчезла за деревьями.

Офицер Торд сплюнул и выругался. Затем покосился на гнома.

– Простите, почтенный мастер, если я невольно...

Бруттобрут поднял ладони.

– Ничего, полковник, ничего. Я уже уйду и не смею вам мешать.

И сорвал оплетку со свитка.

* * *

А Ники легко шла по лесу. Снега здесь почти не было – Весеречье отличалось холодом, но не осадками, уходящими южнее, в Узамор. Несмотря на опасность, архимагистр наслаждалась прогулкой. Свежий морозный воздух Севера и правда был приятен после спертого духа бального зала, хотя волшебнице пришлось увеличить магический обогрев до максимума, чтобы не окоченеть.

Она остановилась, когда ощутила пробуждение Силы в ладонях – ответ на такое знакомое незримое присутствие. Оглянулась – отошла ли достаточно далеко от разведывательного отряда? Ведь люди могли пострадать... Впрочем, стоило ей сойтись в схватке с тем, кого она почувствовала, в живых не остался бы никто на много километров вокруг... Здесь все вокруг было проникнуто его чужеродной пугающей волей: серое низкое небо, земля, едва скрытая снегом, низкорослые деревья

и камни в белесых узорах изморози. Волей, которую Ники не спутала бы с волей самого могущественного из волшебников Тикрея, – божественной. Кто он, один из тех, кого она мечтала упокоить навечно на теневой стороне мира? Демоны ее побори, кто?!

Мелькнула мысль: коли суждено ей встретиться лицом к лицу с прошлым, биться и погибнуть – Брут найдет ее, поскольку видел, в каком направлении она двигалась.

Ники потрянула головой и развела плечи. Если погибнет она – кто спасет всех этих смешных в своей гордыне людей, что считают себя пупом земли, не подозревая, какими мошками на самом деле являются для слепой и яростной силы древних богов? Кто позволит им и дальше растить детей, любоваться восходами и закатами, совершать ошибки и исправлять их?

– Покажись! – сквозь стиснутые зубы прошипела она. – Аркаешев сын, давай, выходи! Расскажи мне, что ты натворил! Расскажи, как мечтаешь погубить Тикрей! И я приведу тебе аргументы, которые убедят тебя в обратном!

– Ты торопишься, Гересклетова жрица, – раздался холодный голос, – путаешь причину и следствие!

Архимагистр резко обернулась. Ее Сила всколыхнула пространство вокруг. Бабочки на голубом платье вспыхнули, осыпались пеплом, запорошившим землю. В черном круге гари Ники казалась прекрасным и страшным демоном, появившимся в пентаграмме.

Он сидел на камне. Валуне, наверное, притащенном сюда ледником в незапамятные времена. Сумрачный, многорукий, меняющий лица, но от этого вовсе не кажущийся смешным – Кипиш, бог Хаоса.

– Ты? – задохнулась волшебница. – Что ты с ними сделал, с этими оборотнями? Во что превратил?

Кипиш усмехнулся кощачьей мордой, приоткрывая острые клыки.

– Игры тикрейских кукловодов меня больше не интересуют, жрица. Проведя тысячелетия в полусне-полуяви, многие вещи, знаешь ли, переосмысливаешь!

– Знаю, – неожиданно согласилась архимагистр и... села рядом с ним. – Ты – такая же тварь, как и они, божок, так почему я верю тебе?

– А ты наглая! – констатировала, недовольно пожевав губами, старуха. – Мало тебя учили!

– Достаточно, – огрызнулась Ники, – достаточно для того, чтобы не путать причину и следствие! В чем я ошиблась, Кипиш?

– Ты назвала меня Аркаешевым сыном, жрица, – укоризненно покивал рогом полумесяц, – а между тем все наоборот!

Волшебница потеряла дар речи.

– Чему ты удивляешься? – хмыкнула черноволосая красавица, тремя руками поправляя локоны. – Они все – мое порождение, ибо все сущее выходит из Хаоса и в него же возвращается!

– Пресвятые тапочки! – севшим голосом пробормотала Ники. – Почему я не додумалась до этого самостоятельно?

– Потому что ты беспокоишься о настоящем, а не о прошлом, – пожал плечами свирепый воин. – Да, прошлое иногда требует с тебя виру, однако платишь ты тем, что делаешь сейчас. Поэтому ты здесь.

– Кто он? – Ники заглянула в странные глаза божка, в которых не было дна, какую бы личину он ни надевал. – Тот, кого мне предстоит уничтожить?

– Наглая... – задумчиво покачал головой Кипиш. – Я обещал, что не буду тебе помогать, – и не буду! – капризно скривила губки черноволосая красавица. – Справляйся сама.

– Хорошо, – кротко согласилась архимагистр – ей не привыкать решать проблемы самой! – Ну тогда хотя бы расскажи мне о них... о вас! О древних богах Тикрея!

– Что именно? – проворчала старуха.

Волшебница пожала плечами.

– Я знаю, что до войны богов вас было очень много, самых разных, каких угодно... Как вас различать? И почему выжили только единицы?

Свирепый воин почесал в затылке.

– Хаос иногда наскучивает даже хаосу, – признался он, – поэтому я решил его немного упорядочить, но сам не заметил, как увлекся. Первыми появились на свет боги стихий – огня, воды, земли и воздуха. Они сотворили Тикрей, однако мертвый мир оказался скучной игрушкой. Тогда я создал Аркаеша, а он налепил из глины такое, что вспомнить страшно. Твари жрали друг друга и более ничем не интересовались. Им не хватало паузы, чтобы задуматься о смысле жизни...

Рябой месяц замолчал, в задумчивости покачивая рогом. Ники затаила дыхание.

– И тогда я сотворил Индар-р-ри, – мурлыкнул черный кот, – богиню милосердия, пролившую свет в сердца многих, и близнецов Руфуса и Торуса, владеющих мастерствами. Вместе с Аркаешем они создали драконов, эльфов и разумных животных... Надо сказать, опыт весьма неоднозначный. А те, смешав эманацию веры с моим желанием поиграть, породили своих богов: Эргента, бога троллей, Арристо, бога плодородия, Гопотамкина, бога правопорядка, – и назвали их Каскарты, старшие братья.

Затем боги стали возникать на Тикрее из-за каждого чиха! Имя нам было легион, но мы прекрасно уживались друг с другом до тех пор, покуда мой коварный сыночек не посеял в нашей среде ростки недоверия. Все началось с похищения пресвятых тапочек Индари, в котором Аркаеш обвинил Океанского творца, одновременно намекнув Гересклету, что Творец считает его виновным в похищении. Бог Огня в те далекие времена холил и лелеял ту часть Тикрея, на которой нынче располагается Крей. Страна палящего солнца, невыносимого зноя и песков – его рук дело. И тапочки действительно нашлись там – совершенно случайно, у каких-то младших и невразумительных божков. Их заключили в геенну к Аркаешу, никому не было дела до того, что тапочек они не крали! Между тем обвинение в похищении тапочек переросло, как это бывает, в упреки по поводу и без. Мы начали ругаться, затем биться за правду, которая правдой не была. Драка поначалу казалась забавной, и мы сами не заметили, как перестали вспоминать о мире. В самый разгар войны на сцену вышли те младшие боги, которых обвинили в краже. Они были невиновны, потому жаждали мести и целенаправленно уничтожали остальных, и было их...

– Семеро! – воскликнула Ники, вовсе не радуясь собственной сообразительности.

– Семеро, – сморщился в плаче годовалый младенец, – и сейчас это Крейский Пантеон. Сообща с теми, кто был обвинен Аркаешем в краже, и с Индари они выкинули его в небытие и выступили единым фронтом против остальных. Дальше тебе известно: Руфус и Торус, не желая участвовать в бойне против своих же братьев и сестер, укрылись под землей, где занялись созданием новой расы и развитием ремесел. Гопотамкин считался пропавшим без вести, а на деле поддерживал истощенные в войне силы за счет народа, который ему поклонялся, – эльфов. Как ты знаешь, моя жрица нашла и уничтожила его в Лималле. Остальные погибли. Посчастливилось выжить лишь Индари, Океанскому творцу и Пантеону, и они поделили Тикрей на зоны влияния.

– Погибли? – прищурилась архимагистр. – Как ты?

– Я... – пожала плечами красотка. – Я – та точка, откуда начинается истечение пространства и времени и куда они возвращаются, когда подходит срок. Нет никакой вселенской пустоты, жрица, есть только я – извечный хаос, основа всего сущего. А раз нет пустоты, значит...

– Тебя нельзя уничтожить... – тяжело вздохнула волшебница. – И меня это не радует!

– Тебя и не должно! – развеселился божок. – Зато тебя радуют другие вещи...

- Например? – насторожилась Ники.
- Например, чей-то накачанный торс... – хихикнул младенец, показал ласурскому архимагистру язык и... исчез.

* * *

Кипиша давно исчез, а Ники все сидела на камне посреди промерзшего леса, не имея желания возвращаться в душный и шумный бальный зал. Темнота давно не была архимагистру помехой, не скрывала тайную жизнь подкронного мира. Вот пролетела белая сова, похожая на бесшумную смерть. Только тень мелькнула по снегу да раздался короткий писк пойманного грызуна – то ли мыши, то ли лемминга. Правее, осторожно ступая и дыша, шло стадо полярных оленей. Ни следа оборотней... Должно быть, они уже далеко! Никакие следопыты или солдаты не догонят их, тем более в Узаморе, где лес не в пример дремучее.

Волшебница наслаждалась тишиной и задумчиво обрывала с платья обуглившиеся крылышки. Слишком долго она жила в городах, в шуме человеческих жилищ. Пожалуй, иногда надо покидать Вишенрог и отправляться на окраину мира – не по делам, не ради исследования нового смертоносного заклинания, а просто так. Погулять.

Когда камень под ней зашевелился, Ники так удивилась, что осталась сидеть. Сквозь изъеденную изморозью корку проступали один за другим... соблазнительные кубики мужского пресса. Но прежде чем подскочить от испуга, выставив перед собой руки с гудящим на них пламенем, она услышала хриплый насмешливый голос:

– Не ожидал, что ты оседлаешь меня прямо рядом с Полярным кругом, Твое Могущество!

Лихай Торхаш Красное Лихо, с которого каменным крошевом спадали остатки морока, медленно сел, опираясь руками о землю.

Архимагистр шагнула к нему, едва не опалив жадными языками пламени, но вовремя спохватилась и скрыла огонь. Лихай протянул руку.

– Помоги встать... Я все еще ощущаю себя камнем!

С неженской силой Никорин вцепилась в оборотня и рванула на себя. Спустя мгновение он стоял лицом к лицу с ней, и только сейчас она заметила, что он полностью обнажен.

Медленно, словно не веря, она коснулась пальцами его заросших многодневной щетиной щек, узких ярких губ, ключиц...

Осторожно, будто боясь спугнуть лань в лесу, полковник взял ее за

плечи. И оранжевые, полные огня глаза заглянули в глаза цвета озерного льда.

– Перед смертью я вспоминал о тебе, Ники... – тихо произнес он. – И жалел, что у меня нет права последнего поцелуя!

Волшебница ощутила, как запульсировала в сердце черная дыра неслучившейся потери. Дыра, о которой она не подозревала до этого момента и где пропадали минуты и дни в ожидании известий о нем. Она действительно могла потерять его!

Поскольку архимагистр не привыкла подчиняться ничему, кроме собственной воли, – то вскинула голову и насмешливо посмотрела на него... ощущая в коленях противную слабость.

– Но ты живой!

– И голый, – прошептал он ей на ухо.

От сорванного голоса по спине Ники побежали мурашки, ноги подогнулись. Она почувствовала, как оборотень подхватил ее и прижал к себе. Ощутила каждую выпуклость или впадину на его теле и поняла, что теряет контроль, как тогда, в темной подворотне. Обхватила голову Торхаша ладонями, стараясь причинить боль, забрала его губы своими. Выпить бы его душу, чтобы он не смущал покой, который она так долго и так болезненно возвращала в собственном сердце! Отправить бы его в небытие, дабы даже воспоминаний не сохранилось! Одной любви со всеми вытекающими последствиями ей оказалось достаточно на долгие столетия! Она не хочет повторения!

Волшебница и сама не заметила, как страх и короткая, яркая ненависть к полковнику сменились страстью. Оборотень был сильнее, и теперь он забирал у нее душу, а она извивалась в его объятиях, впитывая прикосновения и жадные поцелуи, как губка воду. Одним мощным движением он отодрал от ее платья верхнюю юбку, бросил вниз. И бережно опустил Ники на нее, накрывая собой, как ночь накрывает день, а зимнее покрывало – землю. В это мгновение на всем Тикрее не было более нежных и страстных поцелуев, более крепких объятий, более вполношенного ритма сердец и сбившегося дыхания. Исчезли окружающие холод, тьма и опасности, и весь мир исчез, остались лишь два языка пламени, ласкающие друг друга во вселенской пустоте...

Спустя какое-то время Ники с трудом открыла глаза – навалившаяся истома никак не отпускала из пуховых объятий. Впрочем, в реальности объятия были жестковаты, но приятно жарки.

– Хочу пить... – пробормотала она.

Губ коснулась ладонь оборотня, и она жадно слизала с нее снег. И

только после этого заглянула в его глаза и растерянно спросила:

– Почему так, Лихай? Почему я теряю голову каждый раз, хотя не собираюсь? Я не хочу любви, я ее боюсь, Пресветлая мне порукой! Не хочу, не могу любить тебя, слышишь?

Он крепче прижал ее к себе и поцеловал в лоб. Так невинно и легко, будто и не было на его коже кровавых полос, оставленных в страсти ее острыми ноготками, а на ней – начинающих багроветь следов его поцелуев и укусов. И ответил:

– Это не любовь, Ники, нет... Нам просто нельзя друг без друга. Хотя бы иногда.

* * *

Весенний бал окончился утром. Вишенрог в эту ночь не спал, участвуя в ночных представлениях уличных музыкантов, танцах на городских площадях, дожидаясь традиционного праздничного фейерверка. За час до восхода солнца в небе запылали огненные строки, принадлежащие перу Одувана Узаморского и других известных тикрейских поэтов. Маги-иллюзионщики постарались на славу. Буквы перетекали друг в друга радужными змеями, ласурскими орнаментами, драгоценными ожерельями. В небе расцветали волшебные цветы, носились, гоня Луну, так любимые Индари кошки. Специально для принцессы Ориданы была выведена на небосвод гигантская раковина, которую тащили два пристыженных кракена и коренной тритон, со стоящим в ней Океанским творцом, щедро раздающим зрителям воздушные поцелуи.

Под небесную какофонию в своей комнате во дворце тихо и достойно ушел в мир иной старейший повар, мастер Понси Понсил. Когда рано утром подмастерья явились как обычно, чтобы помочь ему одеться и занять «капитанский» пост в любимом кресле в углу кухни, на его губах уже застыла спокойная улыбка. Человек, терпеливо и с мужеством сносивший тяготы старости, наконец освободился от тела, полного немощи, и, ведомый Пресветлой, отправился в неизведанный путь.

Его Величеству поспать не удалось ни ночью, ни утром. Ему не удалось бы и позавтракать, если бы не невестка, которая, несмотря на усталость после бала, твердой ручкой трактирщицы задушила в зародыше разброд и шатание на кухне, вызванные печальным известием о смерти Главного королевского повара.

«Мастер Понсил не потерпел бы бардака! – сказала она. –

Стыдитесь!» – и сама встала к плите, чтобы приготовить завтрак членам королевской семьи.

Пустое кресло в углу кухни этим утром стало символом бренности существования.

Его Величество завтракал в кабинете, выслушивая утренний доклад Яна Грошека и поглядывая на герцога рю Вилля. Начальник Тайной канцелярии сидел в кресле напротив с таким видом, будто съел таракана. Отпустив секретаря, король посмотрел сначала на тарелку, где лежала последняя испеченная Бруни оладья, а затем на начальника Тайной канцелярии. Рю Вилль сглотнул, но вовсе не из-за соблазнительного запаха оладий, и кисло сообщил:

– Ее Светлость рю Филонель ночью покинула дворец. Бегство удалось отследить до места, где она использовала мощный порталный свиток. Куда она отправилась – установить невозможно.

– Что еще? – невозмутимо спросил король и укусил последнюю оладью.

Рю Вилль снова сглотнул.

– Исчезли драгоценности Ее Светлости...

– Все? – уточнил Редьярд, кинув остаток оладьи в пасть сидящему рядом Стреме.

Пасть захлопнулась со звуком тюремных ворот, навсегда отсекающих свет для несчастного заключенного.

– Все, – отвел глаза герцог.

– В том числе... – подсказал неумолимый король.

– В том числе те, что были подарены вами... Из сокровищницы ласурских королей, – покаянно опустил голову начальник Тайной канцелярии.

– Вы свободны, герцог, – холодно произнес Его Величество.

Дождлся, пока рю Вилль поднимется, поклонится и с видом побитой собаки скроется за дверями, а сам подошел к окну, распахнул створки.

День обещал быть прекрасным!

Он-то гадал, как безболезненно удалить Агнушу из дворца! Сокровищ короны, конечно, жаль, но он вернет их... Когда-нибудь. В конце концов, только прошлого не вернешь, а спокойствие живого короля куда дороже драгоценностей его почивших предков!

Да, прошлого – и тех, кто умер...

Резко развернувшись, Редьярд вышел из кабинета и направился в покои мастера Понсила. Гвардейцы в красных мундирах и секретарь последовали за ним.

– Ждите здесь! – приказал король свите.

Шагнул в комнату и натолкнулся на испуганный взгляд приглашенных к покойнику обмывальщиц-плакальщиц.

– Продолжайте свою работу! – кивнул Его Величество и подошел к кровати человека, который готовил еще для его отца.

Вгляделся в умершего. Вот оно, лицо будущего, которое ожидает каждого: спокойное и застывшее. Понси был королем кухни, но никакое королевство не спасет от смерти, коли той взбредет в голову явиться за тобой!

Первая после смерти отца значимая для него, Редьярда, потеря.

Первая ласточка.

Король положил ладонь на лоб умершего, прощаясь. Гладкость, твердость, холод – категории смерти, вот они, под его рукой. Он ощущает их кожей, а когда-нибудь ощутит и сердцем. Сегодня часы напрасно пробили семь утра: время отсчитывают не часы и минуты, а люди, уходящие из твоей жизни, и это самый неумолимый отсчет! И его, времени, все меньше... Может быть, пора попытаться перешагнуть границу между прошлым и настоящим, между здесь и там? Рубеж между короной и... миром?

– Ваше Величество! – страшным шепотом позвал от двери Ян Грошек.

– Прощайте, мастер и старый друг, – негромко сказал Его Величество, – да будет Пресветлая Индари милостива к вам, вы прожили хорошую жизнь!

И вышел в коридор, оставляя за спиной чужую смерть, которая никогда не бывает по-настоящему посторонней.

– Умоляю меня простить за то, что помешал! – трясущимися от волнения губами пробормотал секретарь. – В кабинете вас ждут архимагистр Никорин в сопровождении полковника Торхаша. У них срочное донесение!

* * *

Гном сидел на краю крыши, свесив короткие ноги, и с непонятной гримасой разглядывал раскинувшийся внизу котлован, вырытый под фундамент нового Единого храма богов.

Ласурский король, как известно, слов на ветер не бросал. Уже на следующий день после направления по его приказу секретной депеши королю Йорли Гаракенскому и разговора с Его Подгорным Величеством

Виньогретом Первым на выделенное в столице место потянулись подводы с материалами и толпы рабочих. Ни одна из вишенрогских гильдий не посмела отказаться от участия в строительстве.

Не по возрасту зоркими глазами гном следил за яркой точкой – мастером Томазо Пелеваном, главой Гильдии каменщиков, выделявшимся огненно-рыжей шевелюрой, который широко шагал по стройке в сопровождении группы архитекторов. Они иногда останавливались, разворачивали принесенные с собой планы и принимались яростно спорить, отчаянно жестикулируя. Скорее крупный, чем грузный, Пелеван вел себя спокойнее остальных: покачивал головой, если был не согласен с доводами, или разводил в недоуменном жесте широченные ладони.

– Вот ты где! – рядом с гномом сел оборотень. Прикрыв глаза ладонью от яркого утреннего света, оглядел территорию стройки и заметил: – Не думал я, что в нынешней ситуации кто-то додумается до подобного! Ты понимаешь, чем это может грозить Тикрею?

Гном любовался игрой света в гранях драгоценных камней на своих перстнях и вздохнул:

– Новым обострением отношений между Ласурией и Крей-Лималлем!

– Крей не допустит сближения Драгобужья и Ласурии, да и с Гаракеном постарается рассорить, – кивнул оборотень, – недаром асурх шлет «любовные послания» дикоземским вождям. Если степняки выступят против Йорли армадой, у кого тот запросит помощи?

– У свата, – снова вздохнул гном и посмотрел на оборотня. – Если бы ты знал, как мне это надоело, брат! Почему нельзя жить и работать спокойно? Возьми для примера нас, гномов, – разве мы когда-нибудь воевали друг против друга? Хусним, не было такого!

– Не передергивай, – усмехнулся оборотень, – вначале было.

– Но быстро закончилось! – поднял толстый палец гном. – Ибо в мире есть место для всего, и каждый должен быть на своем месте! А у вас, оборотней? Ну, сцеплялись кланы, стенка на стенку, бывало, да! Но никогда клыкастый народ не делился на два фронта! А тут...

И он в третий раз уныло вздохнул.

– Гляди веселей, брат, – оборотень потрепал его по плечу, – ничего уже не поделаешь! Раньше надо было вмешиваться, раньше...

– Молчи, – совсем погрузнел гном и поднялся, кряхтя и потирая колени. – Время всех учит. То, что ранее не было сделано, может быть сделано и сейчас!

– О-о-о! Ты всерьез расстроен! – невесело улыбнулся оборотень и тоже поднялся. – А это означает две вещи: первая – берегись, Тикрей, и вторая –

нам пора выпить!

– Надеюсь, хоть ты пока сохраняешь спокойствие, – хмыкнул в ответ гном, – ибо если и ты выйдешь из себя, в этом мире не останется камня на камне!

* * *

Его Величество обвел присутствующих тяжелым взглядом. Взгляд, кроме королевского недосыпа и грусти по почившему мастеру Понсилу, утяжеляла дрема, после обильного завтрака ластящаяся к Редьярду, как уличная девка к обладателю увесистого кошелька.

– Кто-нибудь может мне объяснить, откуда взялась эта Аркаешева кошка? – прорычал он.

– Остальное Вашему Величеству понятно? – уточнила архимагистр.

Они с Лихом успели переодеться и выглядели вполне прилично, если не считать припухших от поцелуев губ, шального блеска глаз и почти зримых для остальных искр возникшей между ними страсти, то и дело прошивающих воздух.

– А вот это я хочу услышать от Арка! – рявкнул король. – Сын мой, будь добр, озвучь, что именно ты понял из рассказа полковника Торхаша и что собираешься предпринять по этому поводу!

Наследный принц потер переносицу и на мгновение прикрыл глаза – ему тоже не удалось поспать и удалось позавтракать.

– Существует некая группировка, состоящая из оборотней, организовавших заговор против людей, – негромко начал он. – В потайных местах Весеречья заговорщиками были оборудованы лаборатории, в которых они проводили опыты над своими же собратьями, изучая действие болезни, известной как бешенство. Судя по донесениям группы графа рю Воронна, полученным прошлой осенью, уже тогда зараженные оборотни поодиночке выпускались на волю с неизвестными нам целями. Могу предположить, что заговорщики хотели добиться дестабилизации обстановки в разных частях страны, устрашения кланов, лояльных короне, а возможно, просто изучали поведение опытных образцов в условиях свободного передвижения. На текущий момент уничтожены восемь первично зараженных особей, принадлежащих к разным кланам, и двадцать укушенных. Потери, понесенные нашими силами во время этих операций, мягко говоря, внушительны. Судя по рассказанному Лихаем, опыты продолжались, и продолжались успешно. Следовательно,

количество зараженных могло возрасти в десятки раз. Положение осложняется тем, что бешеные, насколько я понял, не выглядят и не ведут себя как заболевшие. Отсюда возникают два вопроса: сколько их нынче разбрелось по стране и когда болезнь начнет себя проявлять? Начинать повальные проверки кланов с использованием армии или местных стражников мне бы не хотелось, поскольку проводимая нами в отношении оборотней политика только-только начала давать плоды. Устрой корона силовую акцию против них, даже для их же собственного блага, – и мы потеряем все, к чему шли последние годы.

– Это так, – дернул уголок рта полковник Торхаш.

Герцог рю Вилль, тоже присутствовавший в кабинете, согласно кивнул.

– И? – прищурился Редьярд на сына.

– Поэтому я в первую очередь задействую самих оборотней, – продолжил тот, – разошлю главам клана секретное письмо с объяснением происходящего и пообещаю любую помощь, если потребуется. Одновременно наши войска и магические ордена будут приведены в боевую готовность, а герцог рю Вилль утроит количество осведомителей и шпионов по всей стране. Средства для этого в бюджете есть.

– Неплохо, – Его Величество вперил взгляд в Красного Лихо, – но в чем прокол?

Полковнику невольно вспомнилось, как давно, в юности, король так же спрашивал у них с Арком домашние задания, заставляя анализировать промахи друг друга.

– Большинство кланов уже не испытывает к людям явной вражды, – задумчиво произнес он, – но доверять не спешит. Подобное письмо они могут воспринять как провокацию. С вами, Ваше Высочество, я согласен: именно кланы, с поддержкой государства, должны решать эту проблему. Но убеждать их надо по-другому! Жаль, только единицы из них сталкивались с зараженными... Увидевшие своими глазами поверят быстрее!

– Умрут они быстрее... – невесело усмехнулся Аркей. – Но гибели невинных мы не можем допустить!

– А если... – пробормотала Ники и вопросительно посмотрела на Лихая.

Тот ответил ей таким полным огня взглядом, что Его Величество нахмурился.

– Я хочу, чтобы ты... вы, полковник, поделились с главами кланов своими воспоминаниями о той лаборатории, – отчеканила архимагистр. – Вы готовы это сделать?

– Только о лаборатории? – мягко уточнил Лихай, и, к удивлению присутствующих, щеки Ники окрасил румянец.

– Только! – дернула она плечом.

– Включая мои последние мысли? – еще нежнее спросил Торхаш.

– Это не обязательно! – прошипела волшебница.

– То есть мои ощущения от пребывания в клетке, разговор о сокрытых и ритуал? – сдержанно улыбнулся Лихай.

– То есть! – прищурилась Никорин.

Остальные следили за разговором, как за мячом, который двое перебрасывали друг другу.

– Я готов! – кивнул полковник и перевел взгляд на губы собеседницы.

Те приоткрылись... Яркие, манящие, припухшие...

– Ники! – возмутился Его Величество. – Что это значит?

– Я вытащу из сознания полковника слепок воспоминаний – магический айдолон, – опомнилась та, – перенесу на радужник и подготовлю соответствующий свиток с заклинанием, позволяющим активировать кристалл. Таким образом, каждый из глав кланов сможет увидеть, услышать и почувствовать то же, что и Лихай!

– Это сработает? – король требовательно уставился на Торхаша.

Тот с трудом отвел глаза от лица архимагистра.

– Должно сработать, Ваше Величество! Но для пущего эффекта я сам посету глав кланов и расскажу о том, что видел! Имея возможность сравнить мои слова и воспоминания с кристалла, они убедятся, что их не обманывают и угроза действительно велика!

– В этот раз один ты не пойдешь! – бесцветным голосом сказал наследный принц. – Прошлого было вполне достаточно!

Лихай молча кивнул. Он слишком хорошо знал Арка: когда друг говорил с такой интонацией, спорить с ним не следовало.

– Через час жду твои предложения о группе сопровождения, – добавил Аркей и посмотрел на Ники. – Ваше Могущество, в сложившейся ситуации необходимо ускорить проведение операции «Ласурские призраки» или... отменить ее.

Его Величество, скрывая усмешку, налил себе воды из графина с обнаженной эльфийкой на крышке. Хватка-то у сыночка как у Стремы!

Ники взглянула на часы.

– Через два часа я встречаюсь с графом рю Воронном и адепткой ан Денец в Золотой башне. Группа отправится уже завтра...

Редьярд едва не фыркнул – архимагистр тоже могла по-волкодавьи вцепиться в чужое горло!

– А если кто-то из них нам понадобится здесь? – уточнил принц.

– Мы будем на связи постоянно, поскольку я также являюсь членом группы, – пояснила волшебница. – Случись что, я смогу любого из них вытащить прямо в Вишенрог.

Аркей перевел вопросительный взгляд на отца. Тот заворчал, как не вовремя разбуженный гризли:

– Мне все более или менее ясно! Кроме одного: откуда появился тигр, напавший на Лихая?

– Если бы я знал, Ваше Величество! – пробормотал полковник.

* * *

Старшая королевская булочница в этот день на работу не вышла, сославшись на плохое самочувствие. На самом деле она просто не могла видеть кресло в углу кухни. На ее памяти оно никогда не пустовало.

Когда в двенадцатилетнем возрасте Ванилла пришла служкой на дворцовую кухню, та предстала перед ней отдельным государством со своими нерушимыми границами, храмами, дворянством... и королем! Мастер Понсил, который тогда ей, девчонке, уже казался стариком, держал подчиненных в ежовых рукавицах и каждое утро лично обходил владения, проверяя чистоту рабочих столов. Нерадивых нелюбителей гигиены публично пороли в одном из внутренних дворов дворца. Пороли столь жестоко, что повторить сей опыт никто более не решался. Поэтому многие из новичков на кухне не задерживались, но те, что оставались, работали здесь годами, не помышляя о другом занятии.

Как-то Ванилька, которую всегда завораживал вид теста, позабыв о работе, с восторгом разглядывала двоих дюжих парней, в белоснежных одеяниях похожих на священнослужителей. Тестомесы разводили опару для пирогов, мешали, взбивали, мяти, давили, скручивали. Их одинаково красные от кухонного жара лица казались отрешенными и... счастливыми. Заглядевшись на них, а еще больше – на вкусно пахнущее тесто, Ванилла не заметила, как мастер Понсил встал рядом с ней.

– Почему не работаешь? – грозно спросил он и едва успел ухватить ее за плечо, когда она, пискнув от ужаса, метнулась в сторону. – Отвечай!

– Оно красивое... тесто! – выпалила Ванилька, ощущая, как ивовые розги уже касаются ее задницы. – Нравится на него смотреть!

– Сама месила когда-нибудь? – приподнял брови мастер. – Знаешь, как это тяжело?

– Конечно знаю, – позабыв про страх, возмутилась рыжая девчонка, – у меня папка поваром в трактире работает! У нас вся семья готовит так, что пальчики оближешь!

– Тамир, – позвал Понсил одного из тестомесов, – выдели ей доску и все необходимое. Пусть заведет опару, скажем, для пирожков с капустой. Начинку дашь из той, что сегодня готовится. А ты, – он грозно посмотрел на Ваниллу, а та была еще слишком неопытна, чтобы разглядеть в его глазах искорки смеха, – испеки дюжину пирожков. Маленьких, на один зуб. Если мне понравится, пойдешь в поварята к госпоже Урбан, если нет – будешь наказана за безделье!

И, развернувшись на каблуках, Главный королевский повар продолжил вояж по своим угожьям.

Надо сказать, что пирожки ему понравились, несмотря на то что немного подгорели.

– Съедобно, – вынес он вердикт, и уже на следующее утро счастливой Ванильке выдали широкую белую рубаху, что надевалась поверх обычной одежды, фартук и белую косынку.

Так началось ее восхождение к должности Старшей королевской булочницы. Постепенно, взрослея, она научилась понимать, как мастер подбирает людей. Он брал только тех, кому действительно нравилось работать на кухне, тех, кто обожал готовить, а не просто имел склонность к кулинарии. Наверное, после родителей мастер Понсил стал для нее символом незыблемости мира. Символом, которого не стало.

А тут еще и отец задумал жениться на старости лет!

Ванилька то ревела, уткнувшись в грудь мужа, то злилась, отталкивая его и ругая непутевого отца!

К полудню измученный Дрюня явился на поклон к Ее Высочеству Брунгильде, упал той в ноги и взмолился о помощи.

– Идем! – решительно сказала она и поднялась из-за своего стола. – Безобразие! – строго заявила принцесса, входя в личные покои рю Дюеммнонов и направляясь к подруге. – Посмотри, до какого состояния ты себя довела! Собирайся!

– Куда? – всхлипнула Ванилла.

– Прогуляемся! Погода сегодня прекрасная! Для будущей мамы это полезнее, чем заливать слезами в четырех стенах!

В дверь деликатно постучали.

– Ваше Высочество, я принес вам пелерину для прогулки и свиток с заклинанием иллюзии для смены внешности! – заглянул в комнату Григо Хризопраз.

– Он мысли читает? – удивилась Ванилла, переставая плакать, но еще шмыгая носом.

– Иногда, – улыбнулась Бруни, – одевайся давай!

Спустя некоторое время подружки под ручку прогуливались по вишенрогским улочкам.

– Да не пара она ему, не пара! – возмущалась Ванилька, позабыв о слезах. – Для нее это брак по расчету! У отца и дом хороший, и доли в твоих, Брунька, трактирах, а значит, денежки капаят! А она, даже работая старшей горничной, много ли накопила? Хватит ли на старость?

Принцесса вспомнила красивое и гордое лицо Туссианы Сузон и пожала плечами.

– Она не очень приятная особа, признаю! Но, во-первых, мне кажется, она не стала бы женить на себе мужика из-за денег. У Пиппо нелегкий характер, и он помешан на работе, ты сама это знаешь! Зачем госпоже Сузон такой проблемный муж, когда с ее манерами, умом и внешностью можно подцепить какого-нибудь состоятельного стряпчего или целителя? А во-вторых, я часто вижу их вдвоем, и мне кажется, им хорошо вместе!

– Да они совершенно разные! – возмутилась Ванилла. – О чем они будут говорить долгими зимними вечерами?

– А о чем вы с Дрюней говорите долгими зимними вечерами? – невозмутимо улыбнулась Бруни.

– Да ты... Да мы... Да я!.. – потеряла дар речи подруга.

– Каждый из нас ищет свое счастье, – задумчиво сказала принцесса, – ищет, где умеет и как умеет. И иногда вместо огромного счастья находит частичку тепла... Маленькая частичка тепла в собственном доме – разве это плохо?

Ванилла рю Дюемнон не нашлась, что ответить.

* * *

В Вишенроге не просто потеплело. К вечеру солнце затопило город, принеся настоящую жару, поэтому поздний обед королевской семьи был сервирован в малой столовой, куда не попадали закатные лучи.

Весеречский волкодав, оправдывая свою кличку, ворвался в помещение первым, умело оттеснив Его Величество, и занял любимое место под круглым столом, позволявшим псу вертеться в нужную сторону наподобие часовой стрелки. Впрочем, если ужин удавался, Стрема вертелся со скоростью стрелки секундной, а не часовой. Редьярд вошел вместе с

Аркеем, спустя несколько минут вернулась с прогулки запыхавшаяся Бруни, забежавшая в свои покои за перстнем королевской бабушки, увидев который, Его Величество довольно осклабился. Последними пришли герцог Ориш и принцесса Оридана, ведущая за руку рыжего мальчишку-оборотня. Королевский секретарь привычно прошептал на ухо Его Величеству, что Их Высочество принц Колей во дворце отсутствуют.

– В супе мало морковки! – пробурчал король, заглядывая в огромную супницу после того, как слуга поднял крышку. – А жаркое не так пахнет! Без мастера Понсила – пусть Индари будет к нему милостива! – нас ждет голодная смерть!

– О нет! – воскликнула Оридана, глядя на короля круглыми глазами и прижимая к себе Саника.

– Змейка моя, не надо пугаться! Его Величество изволит грустно шутить... – похлопал ее по руке дядя. – Знаете, Ваше Величество, неподалеку от нашего дворца в Гаракене есть скала, которую называют Скала Аркаеша. И вот представьте себе, каждый день, в любую погоду с нее прыгал в море один местный чудак. Он говорил: «День, когда я не покорю свой страх, прожит зря!»

– Чудак, но не дурак, – благосклонно кивнул Редьярд.

– Он прыгал с этой скалы шестьдесят лет! – воскликнул Фигли. – Его помнили мои родители! И когда его не стало...

– Разбился? – уточнил Аркей.

– Нет, умер в собственной постели, в окружении детей и внуков, – покачал головой герцог. – Так вот, когда его не стало, всем показалось, что море шумит по-другому. Так и с вашим жарким, Ваше Величество! Это печально, но это жизнь.

– Увы нам, – кивнул король. – А где пирожки к супу? И почему не подали пива?

– А вы не просили! – растерялся Ян Грошек, почтительно застывший у входа в столовую.

– Хочу пива! – рявкнул Его Величество. – С мерзавчиками мастера...

Он вдруг замолчал, снова заглянул в супницу, потянул носом мясной дух с блюда и с подозрением посмотрел на Бруни:

– А скажи-ка, моя дорогая невестка, осилит ли мастер Пип дворцовую кухню, и в какие сроки?

– Ой, – не на шутку заволновалась принцесса, – Ваше Величество, мой дядя обожает готовить и пробовать новые рецепты, но, боюсь, для него сейчас личная жизнь важнее!

– Это почему? – осведомился король.

– Видите ли... – Бруни замолчала, подыскивая слова, – он собрался жениться и, наверное, предполагает больше времени проводить дома, с супругой!

– Человек предполагает, а король располагает, – пожал плечами Его Величество, – соответственно, я приказываю мастеру Пипу Селескину, твоему дядюшке, завтра с утра явиться на дворцовую кухню и принять дела. Если ему что-то понадобится, все необходимое он сможет заказать у дворцового распорядителя, указ мной будет подписан уже сегодня. И поверь, невестка, жалованье Главного королевского повара станет ему хорошим подарком к свадьбе!

Бруни с отчаянием взглянула на мужа: Пиппо покинет «Старый друг», а значит, нужно срочно искать нового повара! Аркей только головой покачал, и принцесса прекрасно его понимала. Если ласурскому королю что-то втемяшивалось в голову, удалить это что-то оттуда можно было только вместе с головой, поэтому неожиданный поворот в жизни дядюшки Пипа следовало принимать как данность.

– Ян, что у нас после обеда? – между тем спросил Редьярд, с довольным видом приступая к трапезе.

Под столом Стрема сделал охотничью стойку.

– Вилька в ручку, а не в глазик! – ворковала Оридана над Саником.

Рыжий мальчонка, напряженно сведя светлые бровки, постигал нелегкую науку столового этикета.

– Делегация из Гаракена, Ваше Величество, – ответил секретарь, не заглядывая в свою папку, – протокол обычный: вручение верительных грамот, обсуждение насущных вопросов, посещение трактира «У старого друга»...

– А это еще зачем? – король изумленно посмотрел на Бруни.

– Гости выразили желание полюбоваться на картину мастера Вистуна, – уточнил Грошек. – И не они одни. Все иностранцы, в последнее время прибывающие в Вишенрог, считают своим долгом посмотреть «Похищение».

Редьярд поморщился, вспомнив картину. О чем-то она нашептала ему тогда, в ночной тиши, когда он вместе с Ники и Дрюней тайно прокрался в мансарду... О чем-то, о чем людям знать не полагалось, будь они хоть простолюдинами, хоть королями!

– То есть мировая общественность признала картину шедевром? – нехорошим голосом поинтересовался король, и его старший сын внимательно взглянул на него, явно ожидая еще какой-нибудь пакости, вроде назначения мастера Пипа.

– Признала, – кротко ответил Ян.

– Тогда почему она висит в трактире, а не в Королевской галерее искусств? – еще более мерзким тоном осведомился Редьярд. – Разве не очевидно, что достояние Ласурии, имеющее художественную ценность, должно находиться в подобающем месте!

Секретарь не нашелся, что ответить. Зато нашлась Бруни.

– Ваше Величество, одним из условий моей сделки с художником Вистуном была общедоступность картины, – произнесла она, делая упор на слове «моей», – именно поэтому «Похищение» открыто для обозрения всем желающим, как и другие работы мастера!

– То, что признано мировым сообществом, должно сохраняться в определенных условиях! – упрямо наклонил голову король, становясь похожим на разъяренного Железнобока. – У тебя там, в трактирной мансарде, они созданы? Температура? Влажность?

– Мастер Висту нашел помещение подходящим, – уклончиво ответила Бруни и успокаивающе улыбнулась Оридане, смотревшей на нее с испугом.

Гаракенская принцесса к королю Ласурии относилась с опаской, как к огромному и шумному механизму, а когда тот был в гневе, боялась как огня.

– Ян, отдайте приказ перенести «Похищение» во дворец, – кинул Его Величество и, довольный собой, скормил Стреме баранью ногу.

– Но так нельзя! – воскликнула Бруни. – Простой народ не ходит в Королевскую галерею искусств!

– Вот и хорошо, что не ходит, – усмехнулся Редьярд.

– Отец, – поддержал жену Аркей, – ты не можешь просто взять и спрятать картину, слава о которой разошлась по всему Тикрею!

– Ты хочешь сказать, что я не прав? – изумился Его Величество.

– Ваше Величество, забирайте картину, – вдруг сказала Бруни и взглянула на него потемневшими глазами, – но откройте галерею людям для посещений на пару дней в седмицу и по праздникам!

Аркей посмотрел на нее с обожанием и снова повернулся к отцу.

– Я хочу сказать, отец, что предложение моей жены повысит репутацию королевского дома у народа, поскольку ты не только проявишь заботу о национальном достоянии, но и позволишь людям прикоснуться к настоящему искусству!

Еще одна баранья нога исчезла под столом. Саник, покосившись на принцессу Оридану, которая следила за беседой затаив дыхание, сполз со своего места и скрылся под столешницей. Из-под свисающей скатерти мелькнула белая кисточка хвоста, а у звука разгрызаемых волкодавом

костей появилось эхо.

Герцог Ориш продолжал наслаждаться ужином, поглядывая на спорщиков, но не считая возможным вмешиваться.

– Тебе по душе эта идея? – уточнил Его Величество.

– Какой толк от картин, на которые никто не смотрит? – пожал плечами принц. – Пусть поработают на славу нашей Родины!

– Работа должна приносить доход! – назидательно довершил король и лукаво улыбнулся невестке. – Итак, мое высочайшее решение: посещение галереи будет бесплатным только по праздникам и выходным! А в будни пусть платят денежки! Так-то, моя дорогая!

* * *

Слухи о том, что герцогиня рю Филонель покинула королевский замок, уже к вечеру следующего дня после Весеннего бала завладели умами дворцовых обитателей. Придворные, от скучной жизни обладающие богатым воображением, соревновались друг с другом, придумывая самые невероятные версии произошедшего. Шептались, что Агнуша, поссорившись с Его Величеством, отбыла в Невьянский замок, затем – что король в результате ссоры сослал ее в Накусьвыксуньскую пустошь. Поговаривали, будто эльфийка пыталась отравить короля, а король – задуть эльфийку. Судачили насчет возможной беременности герцогини, которую пожелали скрыть от общественности. И только спустя несколько дней слухи о том, что рю Филонель отбыла на родину по обоюдному согласию с Его Величеством, сообщенные лукавым Трояном нужным людям, успокоили взбудораженных придворных. Естественно, в этих слухах не нашлось места для пропавших драгоценностей ласурской короны.

Поперемывав кости эльфийке, свита успокоилась. Агнушу дружно не любили, хотя вынуждены были с ней считаться, потому так же дружно постарались забыть, тем более что для обсуждения нашлись другие темы, начиная с новой дворцовой кастелянши и назначения ее жениха, придворного художника мастера Вистуна, главным художником строящегося Единого храма богов, и заканчивая кандидатурами на звание фаворитки Его Величества. Последний вопрос вызывал больше всего споров. За годы своего «правления» рю Филонель извела дворцовых обительниц, которые могли бы составить ей конкуренцию за место в королевской постели. Пятиминутные увлечения Его Величества (сунул-

вынул-удалился с достоинством) в счет не шли. Да, оставалась Ники Никорин – сияющая и вечная, как солнце. Но независимый нрав ласурского архимагистра уже давно вычеркнул ее из списка возможных претенденток на чью-либо постоянную любовницу. Как бы то ни было, все дворцовые дамы дружно заказали своим портным и портнихам новые наряды, скупили в вишенрогских лавках средства и свитки для омоложения и вышли на охоту за немалым достоинством Его Величества.

Ранним утром Туссиана Сузон потерянно бродила по опустевшим покоям герцогини. Несколько дней она провела как в тумане и даже пару раз всплакнула. Такое с ней происходило впервые в жизни. Всегда сдержанная, собранная и готовая трудиться, сколько потребуется, она шла по жизни ровно. Завоеванное в дворцовой иерархии место было комфортным, работа приносила удовлетворение, и с хозяйкой, характер которой был весьма непрост, отношения вполне сложились... Нет, не теплые, но деловые и даже доверительные. Обе знали, что им нужно друг от друга, и ценили то, что друг другу давали. Когда Агнушка сбежала (а Туссиана догадывалась об истинном положении вещей), госпожа Сузон вдруг обнаружила себя в пустоте. Как опустели комнаты, заставленные роскошной мебелью и драгоценными безделушками, так и в душе стало тихо и сонно. Да, она собиралась сказать Ее Светлости о скором замужестве и попросить расчет, но Туссиана всегда сама принимала решения и несла за них ответственность, а сейчас судьба сыграла с ней дурную шутку, опередив ее выбор.

Проходясь по таким знакомым комнатам, госпожа Сузон по привычке поправляла покрывала, смахивала пыль, переставляла на более выгодные места статуэтки и открывала окна, впуская в помещение, пахнущее одиночеством, легкий весенний ветерок. Даже разложила на столе письменные приборы в соответствии с привычками герцогини. И едва не завопила от ужаса, когда услышала возню в спальне. Ступая осторожно, Туссиана вошла в комнату, готовая позвать на помощь, но в душе лелея надежду, что Ее Светлость вернулась, и увидела поросенка Колю, яростно пихающего пяточком завернувшийся угол ковра. Этот Аркашев угол всегда слегка заворачивался, и старшая горничная не раз уговаривала герцогиню сменить ковер, но та категорически отказывалась. Ковер эльфийской работы путешествовал с хозяйкой с незапамятных времен, и только в последний, так сказать, путь Агнуше не удалось его взять по вполне понятным причинам.

– Ты как сюда попал, противный свиненок?! – воскликнула Туссиана, не без злорадства представляя на месте поросенка одного принца с

похожим именем. – Вот я тебе!

Коля сердито хрюкнул и постучал копытцами прочь – искать развлечения подалее от суровой горничной.

Госпожа Сузон наклонилась, приглаживая угол ковра рукой. Словно старого кота гладила – молью поеденного, поседевшего, но любимого. Как вдруг увидела белеющий листок бумаги. Она вытащила его, стряхнула пыль, развернула и... увидела знакомый почерк хозяйки. «Дорогая, – писала та, не упоминая имен, – надеюсь, в последний раз убирая мои покои, ты найдешь эту записку, которую я не могла передать тебе, не вызвав подозрений. Слишком много врагов у меня было, да ты и так это знаешь! Мне искренне жаль, что ты не родилась в Лималле, – мы стали бы подругами. Впервые встречаясь с тобой, я была поражена тому, с каким достоинством ты, простая горничная, держалась и разговаривала со своей будущей хозяйкой. Редкое качество для человека. Только тебе я могла доверить свои тайны, только ты видела мои слезы, которых было немного. Но они были! Позволь отблагодарить тебя за те услуги, что ты оказывала мне, за молчание и за... доверие. Улица Ростовщиков, дом двадцать четыре. Просто назови имя».

С минуту Туссиана смотрела на листок в оцепенении, а затем поспешила сжечь его над пламенем свечи и покинуть покои герцогини. Сердце горничной взволнованно билось в груди, на щеках алел совершенно не свойственный ей румянец, когда она спешно бежала из дворца, направляясь по указанному адресу. Она никогда не ждала благодарности от окружающих, не ждала их и от хозяйки, но письмо, проникнутое таким редким для герцогини теплом, оказалось ценнее всяких вознаграждений!

По указанному адресу располагалась старинная ростовщическая контора, владельцем которой, к удивлению госпожи Сузон, оказался гном. Когда она назвала свое имя, он некоторое время вглядывался в нее подслеповатыми глазами, а затем прошамкал, трясая седой бородой:

– Следуйте за мной!

В глухом, без окон, помещении, оказавшемся за конторкой, он ненадолго оставил Туссиану, но вскоре вернулся, неся сундучок. Поставил его на стол, кивнул посетительнице:

– Он не заперт. Можете открыть и пересчитать.

Еще не понимая, что происходит, госпожа Сузон откинула крышку и увидела, что сундук полон золотых монет. Сверху лежала очередная записка. Почерком герцогини рю Филонель была указана сумма награды для верной горничной.

Единственного человека, сумевшего вызвать истинно эльфийское

уважение.

* * *

Возбужденные голоса смолкли как по команде. Члены бригады специального назначения, носящей кодовое название «Ласурские призраки», которая уже завтра должна была отправиться в путь, прекрасно понимали, что не стоит обсуждать услышанное вне покоев архимагистра. Последним на плитки портала, ведущего из кабинета Ники, ступил новый член команды – высоко вздернув подбородок и изо всех сил стараясь казаться опытным магом, которому наплевать на предстоящие тяготы и опасности. Проводив его взглядом, Никорин хмыкнула: намучаются с ним Призраки. Однако парень того стоит! Ошибки по глупости или от страха участникам ее команды не свойственны, а вот ошибки от отсутствия внимания к деталям случались и раньше. Этот товарищ со своей педантичностью и скрупулезностью станет гарантом их обнаружения... Хотя она бы повесилась, случись ей путешествовать с ним бок о бок! Еще раз хмыкнув, архимагистр посмотрела на сидящего напротив нее оборотня и улыбаться перестала. Обманула сама себя, думая о «последнем, покинувшем кабинет». Последний сидел перед ней, и его поза источала силу, уверенность и даже немалую толику угрозы.

– Я хочу услышать от тебя правду, моя госпожа, – разлепив кривящиеся в ироничной усмешке губы, спросил Грой Вирош, – твое сердце уже отдано Красному Лиху, или ты играешь и его, и моим?

Волшебница недобро сощурила глаза. Она уже и забыла, каково это – ощущать себя загнанной в угол, сдерживать рвущееся сердце, пытаясь найти ответ на вопрос, на который невозможно ответить, не наступив себе на горло...

– Что дает тебе право спрашивать меня об этом, Грой? – резко спросила Ники. – Между нами нет обещаний, только приятное для обоих времяпрепровождение!

В лице сидящего напротив на миг проступила звериная морда – четко обрисованный черный устрашающий рисунок, безмятежность желтых глаз. Безмятежность смерти.

– Видишь ли, Твое Могущество, я решил, что ты нужна мне, – с ленивой грацией пожал плечами оборотень, – я хочу тебя и не собираюсь отступать. Однако и зла тебе не желаю... Если ты играешь Торхашем – играй, пока не наиграешься. Я терпелив, подожду, покуда он тебе не

надоест, и снова окажусь рядом тогда, когда ты захочешь крепких объятий.

Архимагистр до крови прикусила губу, пытаясь сдержать бешенство. Да кто он такой, этот бродяга, впрыгнувший в ее жизнь, как в окно экипажа, катящего по ухабистой дороге, и расположившийся в нем надолго? Как он смеет говорить с ней, как с девчонкой-несмышленьшем?

– Остынь, Ники, – бросил Грой, поднимаясь, но не подходя к ней. – Тебе никуда не деться от меня. Любовь в голове красивой женщины – всего лишь бабочка, стремящаяся на огонь. Сгорит одна, другая, третья... А огонь будет всегда. Пока я не вернусь вместе с остальными Призраками, у тебя будет время подумать об этом! Добрых улыбок и... – он белозубо усмехнулся, – горячих объятий тебе, моя госпожа!

И, развернувшись, оборотень покинул покои архимагистра, шагнув в портал. Надо отметить, покинул очень вовремя, потому что следом, метя ему в голову, полетела тяжелая хрустальная чернильница, за которой тянулся рваный синий пунктир разлетающихся в воздухе чернил.

– Стоп! – самой себе приказала Никорин, потому что от охватившей ее ярости дрогнуло основание Золотой башни.

Мановением руки она вернула чернила в чернильницу, а чернильницу – на стол и, тяжело дыша, откинула голову на спинку кресла. Он решил... Он так решил... Обалдеть можно! «А сама-то...» – шепнул вкрадчивый внутренний голос. Память услужливо поднесла образ Ясина Зорея, и сердце, словно чернильница, привычно расплескало тоску. Разве она спрашивала бравого капитана «Касатки», хочет ли он ее любви? Нет! Она пошла за ним на край света, не страшась быть растерзанной командой голодных моряков, не боясь ураганов и штормов, – и получила желаемое. Никто не говорил ей – да кто, мол, дал тебе право!

Резко встав, архимагистр подошла к окну и уткнулась лбом в толстое стекло. Привычная картинка залитой солнцем гавани была сродни успокоительному: все хорошо и спокойно, все под контролем, под ее, Ники, контролем. Но отчего тогда так болит душа? Отчего ярость сменяется печалью, заполняющей мир белым-белым туманом...

Ники сама не заметила, как шагнула вперед – сквозь стекло, сквозь свет и воздух Вишенрога к отрогам горы, укрытой туманом. Когда они с Ясином оказались здесь впервые, разыскивая Белого старца, она, парящая в вечной дымке, уже называлась Безумной. Много позже они снова поднимались по той же тропинке, и у них болели руки от Силы, пропущенной сквозь ладони, а сердца – от скорби по погибшим. Покончив с обезумевшими тварями, в которых Гересклет превратил своих почитателей, необходимо было покончить и с ним самим. Да, бог огня

утратил большую часть сил, однако был жив.

Сейчас здесь пахло морозом и стылým камнем, и от этого запаха, вызвавшего воспоминания о губах и руках красноволосого оборотня, Ники стало жарко.

А тогда пахло гарью...

Хлопья пепла падали с небес, подобно снегу, покрывая черным и серым пустошь, в которую превратилось поле битвы.

Они загнали его на вершушку горы. Истощенный, бледный, в лохмотьях, великий воин и полководец одержимых армий казался полутрупом. Ни следа божественной силы, лишь на самом дне зрачков тлели злые багряные искры – единственное, что осталось от прежнего Гересклета. Даже его белые волосы почернели, будто обуглились. Сейчас в нем было не узнать того, кого они когда-то знали под именем Белого старца. Того, кто учил и наставлял их в течение многих лет, даруя возможность управлять Силой, приблизившей их к давно почившим богам. Они с Ясином дружно удивлялись: откуда может быть столько мудрости в человеке? Покуда не узнали правду... Впрочем, всей правды они не узнали и тогда. Не поняли слов того, кто казался раздавленным, почти сдавшимся, не живым, но и не мертвым.

– Дети, какие же вы дети, – говорил он, дрожащей рукой вытирая угольные разводы с лица, – дети, которые могут изменять мироздание, но предпочитают спасти никчемные миры!

– Этот мир – наш, Гересклет, – прорычал Зорель, – кому, как не нам, его спасти?

– А зачем? – огонь полыхнул в глубине зрачков. – Зачем вы его спасли?

– Тебе не понять, бог!

– Отчего же? Я, как и любой из богов, понимаю все сущее и вижу дальше любого из вас! Например, я вижу, как ты...

Синий огонь, вырвавшийся из рук Ясина, ударил Гересклета в грудь, вплавив в камень.

– Не желаю слышать твои лукавые речи, – крикнул Зорель, – я видел тех, кто поддался им: они лежат там, у подножия горы, все до единого обратившиеся в пепел!

– Их убили вы, а не я... – прохрипел Гересклет, глядя на них с ненавистью. – Вера в меня делала их счастливыми!

В настоящем, по памяти идя с закрытыми глазами по узкой тропинке между камней, Ники внимала голосам из тумана, звучащим в тишине... Надо было выслушать умирающего бога тогда, но Ясин будто устранился его слов. И теперь она знала почему.

В прошлом еще один энергетический удар потряс гору до основания, на века превратив местность в кладбищенскую пустошь, спекшуюся землю которой первые живые ростки пробили лишь спустя двести лет. Злые искры в зрачках Гересклета вспыхнули и погасли.

– Лжец и ублюдок, – сплюнул Ясин ему под ноги, – покойся с миром!

И, обняв Ники, повел прочь, к соседней горе, принадлежащей весеречским гномам. Следовало проверить, не остался ли кто-то из них в живых.

В настоящем волшебница остановилась на краю пропасти, в которую однажды едва не оступилась. Но тогда сильная рука любимого спасла ее.

Гора Безумная. Ее, Ники, рубеж и предел.

На самом деле все началось не в той пещере, где они с Зорелем обрели Силу, равную божественной, а гораздо позже. Здесь.

Глаза цвета льда широко распахнулись от предчувствия. Путь ласурского архимагистра, начавшийся сотни лет назад отсюда, из тумана, однажды вернется в туман. Сюда.

* * *

В вишенрогском дворце человеку несведущему что-либо найти было бы сложно – почившие монархи, желая украсить замок, постарались: понастроили дополнительные помещения, галереи и переходы, иногда безо всякой логики. Редкий смельчак, вроде герцога рю Вилля, рисковал совершать долгие прогулки по дворцовым коридорам без опаски заблудиться и выйти вовсе не туда, куда собирался. Фрейлины и горничные вообще передвигались группами не менее трех, успевая не только пофлиртовать с гвардейцами, стоящими на часах, но и уточнить дорогу.

Принцесса Бруни, сопровождаемая Григо Турмалином, неожиданно услышала в дворцовом лабиринте матрону Мипидо, накануне назначенную новой кастеляншей замка, и поспешила поздороваться и спросить, как она справляется с новой работой. Обладая от природы глубоким и звучным голосом, Клозильда легко себя обнаружила. В эту минуту она отчитывала двух дюжих слуг такими словами, что оба, красные, как помидоры, смотрели в пол, переминаясь с ноги на ногу.

– Да в ваших перчиках разумения и то больше, прости меня Пресветлая, чем в головах! Грязное белье, не грязное – кто же его прямо на пол бросает? Вы сами-то, чай, на полу не спите, а по нему ногами ходите? Уважение должно быть к постельному белью и, как правильно говорит Его

Величество Редьярд, ги-ги-е-на! Отныне белье в прачечную только в специальных мешках переносить, а не друг в друга завернутое! И каждую тряпочку расправлять, прежде чем в мешок бросать! Прачкам и без вас забот хватает! А сейчас марш к матушке Диве, она вам мешки выдаст!

Парни поспешили уйти, то и дело оглядываясь. Клози следила за ними, насупившись.

– Разнесла в пух и прах? – улыбнулась Бруни, подходя к ней и обнимая. Сопровождающий принцессу секретарь приветливо кивнул. – Рада тебя видеть в добром настроении!

– Твое Высочество! – приседая в реверансе, Клозильда толкнула обширной кормой и едва не обрушила одну из стен коридора. – А знаешь, мне, пожалуй, тут нравится. Полномочия шире, территория больше – и еще парни! До того у меня одни девки под началом были, а с парнями, я тебе скажу, проще управляться!

– Просто для них многие вещи не важны, – кивнула Бруни. – Там, где мужик пойдет и сделает, дева найдет кучу проблем, расстроится и проблемы утроит.

– Точно! – подняла палец Клози и вдруг помрачнела. – А у меня беда, Твое Высочество! Прямо ума не приложу, что делать!

Выражение лица матроны было вовсе не шутливым, и принцесса невольно испугалась:

– Что случилось, Клози?

– Дама Мерло, та портниха, что мне платье обещала сшить аккурат к свадьбе, слегла надясь с тяжелой лихорадкой! Так что теперича у меня ни портнихи, ни платья! За такой короткий срок, что до свадьбы остался, никто не успеет свадебное пошить... Значит, придется покупать готовое!

– Вот еще глупости, – возмутилась Бруни, – на свадьбу – готовое платье! А ну-ка, идем со мной! Григо, ты пока свободен!

Клозильда с подозрением посмотрела на принцессу.

– Ваше Высочество! – поклонился секретарь и отправился в обратную сторону.

Принцесса невольно загляделась на его прямую спину, разворот плеч и уверенную походку. Старый друг хорошел с каждым днем своей новой жизни и, похоже, знал об этом.

Бруни привела матрону Мипидо к знакомой дубовой двери и постучала.

– Входите! – раздался ворчливый голос.

За порогом стоял маленький гном в фартуке с большими карманами, в которых были закреплены многочисленные ножницы.

– Уважаемый мастер Артазель, позвольте представить вам мою подругу, матрону Клозильду Мипидо! – представила ее принцесса.

– Ох! – выдохнула Клози и потеряла дар речи. В Вишенроге о королевском портном не слышал только глухой.

Маленький мастер осмотрел посетительницу с ног до головы и, всплеснув руками, воскликнул:

– Торусова плешь, какая мощь! Какая скульптурность! Какая пластика! Да, здесь есть где разгуляться! Дорогая моя, вы великолепны, говорил ли вам кто-нибудь об этом?

Туча Клози неожиданно зарделась.

– Вистунчик мой говорил, – тихо призналась она.

– Жених, – пояснила Бруни, скрывая улыбку.

– Слышал о вашем нареченном и видел его картины! – гном с уважением поклонился. – Они выше всяких похвал! Ваше Высочество, – он перевел горящий энтузиазмом взгляд на Бруни, – сделайте старику подарок, скажите, что привели ко мне не просто вашу подругу, но мою клиентку?

Смеясь, принцесса кивнула.

– О-о-о, вы сделали мне день! – вскричал Артазель. – Но я с содроганием жду, когда же почтенная матрона любезно даст мне разрешение...

– На что? – с подозрением осведомилась Клози.

– На примерку! – пояснила Бруни. – Мастер Артазель может сшить свадебное платье в кратчайшие сроки! И, похоже, он так восхищен тобой, что даже согласен сделать скидку!

– Свадебное? Десять процентов! – сразу же стал серьезным гном.

– Мощь! – напомнила Бруни. – Сорок!

– Много работы и мало времени... – проворчал Артазель. – Пятнадцать!

– Скульптурность! – возмутилась принцесса. – Где еще вы найдете такую шикарную клиентку!

– Хорошо, двадцать!

Матрона Мипидо неожиданно изящно закружилась. В глазах ее загорелись лукавые огоньки.

– Вы упоминали мою пластику, почтенный мастер, мне было так приятно это слышать! – мурлыкнула она. – И я не встречала во дворце дам... моей комплекции. Возможно, вы опасаетесь не справиться с заказом?

– Да как вы!.. – возмутился Артазель, но спустя мгновение захохотал: – Чувствую крепкую мастеровую хватку моих стрекозок!

Бруни и Клози, переглянувшись, захихикали как девчонки.

– Хорошо, – добавил портной, отсмеявшись, – пусть будет тридцатипроцентная скидка на платье невесты и десятипроцентная – на платье подружки невесты! Только никаких салатových грядок, хусним, в моей мастерской! Я еще не забыл заказ вашей, Ваше Высочество, подруги, госпожи рю Дюемнон!

Женщины дружно кивнули.

– В примерочную! – приказал мастер, доставая из кармана фартука портновский метр. – Почтенная матрона, вам придется скинуть платье и остаться в одном белье, дабы мерки получились точными!

Мерки он снимал долго и вдумчиво. Иногда отступал на шаг от Клози, которой из-за роста не пришлось взгромождаться на специальный пуфик, и разглядывал ее, как разглядывают природный катаклизм, – с перемежающимися в глазах восхищением, ужасом и мыслями о вечном.

– Когда, говорите, свадьба? – уточнил Артазель, закончив.

– Через седмицу, – ответила Бруни за подругу.

– Время еще есть, и это прекрасно! – покивал мастер и бесцеремонно указал на дверь. – А теперь идите, мне нужно работать!

– Чудесный человек! – воскликнула матрона Мипидо, оказавшись в коридоре. – То есть гном! Я слышала, о нем толковали, что он единственный гном-портной в Вишенроге, который обшивает только людей! Это правда?

Принцесса пожала плечами.

– О мастере Артазеле почти ничего не известно, Клози. С тех пор как я попала во дворец, я слышала множество слухов о нем, и, похоже, большинство – неправда. Но я точно знаю, что Артазель никогда не использует свое полное имя. Никому не известно, мастер ли он Синих гор или Весеречских скал? Или, может быть, Серой скалы? Известно, что он служил еще деду и бабке Его Величества. Той самой бабке, – Бруни с тоской взглянула на чудовищный перстень на пальце, – чье кольцо я вынуждена носить!

Клози, взяв ее за руку, вздохнула не без зависти.

– Чудесное кольцо, Твое Высочество, такое красивое, такое большое! Здоровское кольцо!

– Подарила бы тебе его с удовольствием, – хмыкнула Бруни, – но не могу!

Они ушли, переговариваясь.

В маленькой комнате позади примерочной Артазель, сидя за столом, с воодушевлением набрасывал на большом листе бумаги эскизы свадебного

платья и даже не подозревал, что совсем рядом с ним находится Его Величество Редьярд Третий...

Король со счастливой улыбкой отпрянул от потайного глазка. Услышав в коридоре разговор Бруни и Клозильды, он не зря нырнул в этот секретный кабинет, из которого примерочная была видна как на ладони!

Редьярд поправил ставший тесным гюльфик... Маленький портной прав!

Какая мощь!

Какая скульптурность!

Какая пластика!

Все это должно оказаться в его руках! В одежде... А лучше без нее!

* * *

Большой поэтический турнир начинался сразу после Весеннего бала, подобно паводку затопляя городские площади. Труверы, менестрели, стихоплеты и графоманы читали почтенной публике свои шедевры, соревнуясь в звучности голосов и артистизме. Любой мог принять участие в соревновании, но надо сказать, что публика в Вишенроге, как и во всяком столичном городе, была избалована зрелищами и неплохо разбиралась в стихах. Поэтому в следующий круг турнира – квартальный – выходили немногие. Большинство же было освистано и прогнано прочь, иногда – пинками.

В наступающих сумерках рядом с фургоном горел костерок, бросая на его аляповато раскрашенную стену танцующие отблески. Они оживляли изображение эльфийки, которое начинало соблазнительно шевелиться. С площади звучал сильный и срывающийся от волнения голос молодого поэта:

*Клин журавлиный, тянущийся ввысь,
Дарит сердцу – печаль, а мечте – колыбель.
Невзирая на все и живя невзначай,
Нарисуй мне на облаке
Белую дверь.*

Дома, смотрящие на площадь фасадами, заглушали чтеца, и казалось, его голос звучит издалека – то ли из прошлого, то ли из будущего.

*К своим собственным снам на рассвете вернись,
Опустив мне в ладони серебряной искрой,
Невесомым пером и дыханьем небыстрым
Сюжет для романа
С названием «Жизнь».*

Гент Мертвая голова, сидящий на приступочке фургона, покачал головой и хмыкнул.

– Придумают тоже! Роман с названием «Жизнь»!

– Ничего удивительного, – возразила Алли, задумчиво помешивая морс в висящем на распорках над огнем котелке. – Каждый из нас проживает свою историю, которую вполне можно назвать романом!

– Мне по вкусу героические баллады, – засмеялся Гент, – там есть размах и вообще есть чему поучиться.

В неуклонно надвигающейся на Вишенрог ночи голос поэта взял финальную ноту:

*Я вот этим ключом отпру все замки,
И не скрипнут блестящие петли случайно...
Мы, как небо и птица, стали близки,
Называя друг друга
Мечтой и печалью*.*

– Какая чушь! – послышался скрипучий голос магистра Иживолиса. – Алли, где мой морс?

Девушка молча налила морса в кружку и передала Генту, который протянул ее в темноту фургона.

– Вы никогда не верили в любовь, мэтр, – грустно произнесла она, разливая оставшийся напиток по кружкам для себя и Гентушки. – И, наверное, никогда не поверите! А между тем она существует!

– Нет ничего более эфемерного, чем любовь, – прозвучало из фургона. – Прекрасный призрак, за которым люди носятся, сломя голову, забывая о собственном благополучии. Некоторым кажется, будто они наконец достигли ее... И они любят ее с улыбкой слабоумных, не подозревая, что перед ними пустота.

– Подозреваю, что вы говорите страшные вещи, мэтр, – ухмыльнулся Гент, – но поскольку они ко мне не относятся, мне проще. А вот Алли

сейчас расплачется...

– Не дождешься, – вскинула подбородок та. Ее глаза блестели. – Мэтр, вы, как всегда, правы! Я – та, что в поисках любви носится по всему Тикрею, сломя голову и забывая о собственном благополучии. Хотя я предпочла бы найти ее рядом...

– И мы называли бы друг друга «мечтой и печалью»? – голос Людвина сочился ядом.

Алли только головой покачала. Запрокинув голову, загляделась на звезды.

– Иногда мне хочется, чтобы этот мир исчез, – пробормотала она, – в нем так много боли!

– Ни капли, – мэтр Иживолис откинул занавесь и появился на пороге фургона, – вся боль только в твоей голове, девочка! Налей мне еще морса!

Котелок был пуст. Тяжело вздохнув, девушка поднялась, сняла с крюка в стене фургона ведро и пошла за водой к ближайшему колодцу.

Гентукки пересел к костру, освобождая свое место для магистра. Протянул ладони к огню.

– Когда мы двинемся дальше, мэтр? Сразу после окончания турнира? Людвин тоже посмотрел на небо.

– Боюсь, – сказал он, – нам придется задержаться.

Гент Мертва голова посмотрел на него с удивлением, но промолчал.

С площади доносились крики толпы в поддержку поэта.

– Любви не существует, – вдруг проговорил магистр и скрылся в фургоне. И уже оттуда добавил: – В отличие от сострадания.

* * *

Глава клана Смертей-с-ветки Дархан Асаш откинул полог молельни и шагнул внутрь. Клан с незапамятных времен жил в лесах к северу от Вишенрога, стараясь свести общение с людьми на нет. Но, к сожалению, люди быстро научились производить такие вещи, которые оборотни делать не умели. Поэтому приходилось посещать ближайшие ярмарки, меняя звериные шкуры и целебные травы на оружие и полезные в быту мелочи, без которых фарги устраивали настоящие домашние скандалы.

В маленькой – два на два шага – молельне было темно. Несколько полосок света – из прорех в шкурах, накрывающих шалаш, – разрежали темноту, как сияющие лезвия. Дархан сел, скрестив ноги, и прикрыл веки. В темноте под ними вспыхнули две злые желтые точки. Были времена,

когда он, от всего сердца молясь Арристо, видел под веками лишь темноту. И тогда хотелось плакать в небо, как котенку, брошенному матерью в пургу. Но однажды он снова увидел их – глаза бога. И с тех пор видел постоянно, когда молился, с радостью отмечая, как в ответ на его молитвы ярче становятся сакральные огни. Молился глава клана нечасто. Суровая жизнь в лесах оставляла время лишь на выживание, да и молитва не приносила покоя. Вместо него почему-то вспоминались старые обиды – между своими, между своими и чужими. Вот, например, совсем недавно – как гнали парни из соседней деревеньки рыжего Зохана, посмеявшегося подружиться с человеческой девчонкой. Не было между ними ничего – он, глава, почуял бы. Лишь интерес друг к другу молодых сердец, бившихся в одинаковом авантюрном ритме. Возможно, позже из этого и выросло бы что-то большее, если бы не удар вилами в спину рыжему пацаненку. Удар, от которого он не оправился и до сих пор, несмотря на совместные усилия клановой знахарки Золлы и человеческой ведьмы Эстель, пришедшей на помощь, хотя никто ее не звал.

Дархан сердито нахмурился. Странные они, эти люди. Сами ошибаются, сами исправляют ошибки. Нет, не понимает он их и, пожалуй, даже боится. Вот только кому в этом признаешься? Только тому, кто все и так видит.

«Крепости прошу у тебя, Арристо, вечный охотник, идущий по горячему следу, – зашептал Дархан, – крепости духа, крепости мысли, крепости руки. Были времена, когда люди нам не требовались и мы со всем справлялись сами! Были времена, когда мы опережали их во всем: в силе, скорости, кровожадности! А нынче...»

Глава запнулся, приоткрыв светящиеся в темноте глаза. Нынче Зохан бы умер, несмотря на все старания Золлы, если бы не вмешательство ведьмы! Вот и гадай теперь, люди – необходимое зло? Или нужное добро?

Снаружи послышались возбужденные голоса. Дархан тяжело вздохнул, заглянул с благодарностью в желтые глаза Арристо – все ж таки не один на один со своими мыслями! – и нацепил на лицо привычное выражение – суровое, спокойное выражение уверенного в себе самца.

Она стояла на поляне, окруженная выкрикивающими обвинения оборотнями. Маленькая светловолосая девчонка, закутанная в шаль, с узелком в руках, который растерянно прижимала к груди. Лет тринадцать, не больше. Надо же, пришла... дура! Не побоялась.

Дархан шагнул в круг, подошел к ней, склонился и рявкнул:

– Чего здесь забыла?

А то он не понял, чего она здесь забыла! Из узелка пахло домашними

пирогам с мясом и брусничным морсом с медом. Он рывкнул, надеясь, что она пискнет мышью и сбежит, однако она встретила его взгляд прямо, хотя и метался в серых глазах страх.

– Я к Зохану... Проведать его! Знаю, наши парни его чуть не убили... Но не убили же? – серые глаза наполнились слезами. – Скажите, что не убили?

– Из-за тебя он пострадал! – выпрыгнула дикой кошкой мать Зохана, фарга Шамиса. – Держаться вам надо друг от друга подальше, ясно тебе?

Губы девчонки задрожали. Сейчас точно бросит узелок и убежит. Неожиданно для самого себя Дархан положил руку ей на плечо и сказал:

– Зохан жив, но сильно ранен. Выздоровливать будет долго.

– Можно я его увижу? – спросила она.

– Да уж, попрощайся с ним и вали отсюда! – рывкнула Шамиса. Ее рысьи глаза горели, на ушах только что кисточки не отросли, белые клыки скалились.

– Уймись, фарга! – чуть повысил голос Дархан.

И вдруг ощутил запах чужака. Не человека – оборотня.

Высокая красноволосая фигура оттолкнулась от древесного ствола, под прикрытием которого наблюдала за разыгрывающейся сценой, и вышла в круг.

– Иди к Зохану, – приказал девчонке Дархан и зыркнул на Шамису, – узнаю, что ты руки распускала или ей гадости говорила, – оторву хвост! После проводишь ее и проследишь, чтобы она до деревни добралась невредимой!

Фарга склонила голову, признавая превосходство вожака.

Прищурившись недобро, взглянула на девчонку.

– Иди за мной. Как тебя звать, отпадчая?

– Рубина, госпожа.

Позабыв о них, глава клана Смерть-с-ветки повернулся к гостю. То, что тот был опасен, становилось ясным с первого взгляда. Но было и другое ощущение. Одиночка. Вожак без клана.

– От тебя пахнет людьми, чужак, а людей мы не привечаем, – прорычал Дархан. – Кто ты, и что тебе нужно в наших землях?

– Я – посланник Его Величества Редьярда Третьего, Лихай Торхаш Красное Лихо, – спокойно ответил тот. – И у меня к тебе разговор, Дархан Асаш Смерть-с-ветки. Долгий и серьезный. Удели мне время.

«Удели мне время» было произнесено так, будто Дархан не просто согласился поговорить, но уже и пир устроил по этому случаю! Рыжий наглец! Глава клана усмехнулся про себя. Если бы не веяло от

красноволосого опасностью и боевым опытом, который не приобретешь на обычной охоте, он бы надрал ему холку, невзирая на имя ласурского короля. Но устраивать бойню в становище, где есть старики, фарги и детеныши, не очень мудро. И поэтому... Поэтому он уделит ему немного времени, несмотря на нехорошее предчувствие, закравшееся в душу.

* * *

Туссиана внешне казалась спокойной, однако на самом деле нервничала. Мастер Пип опаздывал на свидание, а опозданий пунктуальная госпожа Сузон не любила. Покусывая губу и ругая себя за плебейскую привычку, не способствующую красоте, она пила уже третью чашку морса, когда Пип Селескин наконец вошел в небольшую кондитерскую, где была назначена встреча. Он обильно потел и краснел лицом, сильнее чем обычно, – не самое лучшее начало разговора о совместном будущем! Впрочем, доживя до своих лет и опыта, госпожа Сузон прекрасно понимала, что взрослого человека не исправить. Или ты принимаешь его каким он есть, или идешь на все четыре стороны и ждешь призрачного счастья.

– Туся, – жарким шепотом заговорил Пип, садясь напротив и сжимая ее руки, – ты не поверишь, что сегодня случилось! Ты не поверишь, где я был, и ни за что не поверишь, с кем разговаривал!

Она нахмурилась. Пока сидела, подбирала правильные, как ей казалось, слова для беседы, потому что состоятельная женщина обычно отпугивает нормального мужчину. А она стала очень, очень состоятельной! Герцогиня рю Филонель была щедра сверх меры.

– Может быть, ты позволишь сначала мне сказать? – чуть изогнула ровные брови Туссиана. – Раз уж опоздал!

– Я не могу молчать, просто не могу! Мне надо поделиться с тобой, непременно! – вскричал Пип.

– Пиппо...

– Я был во дворце...

– Пиппо...

– Король говорил со мной!..

– Пип!

– Он подписал указа о моем назначении Главным королевским поваром!

Мастер Селескин обмяк, будто сдувшийся шарик, и шумно выдохнул.

– Уф! Туся, вот теперь я всё сказал!

Госпожа Сузон ошеломленно молчала. Чего угодно ожидала услышать от него, но только не этого! Главный королевский повар! Это... это... Это угроза семейному тихому благополучию, к которому она стремилась, разве нет?

– Ты согласился? – холодно спросила она и поняла, что сморозила глупость.

Положительно, для деловой женщины, самостоятельно зарабатывающей на жизнь, безделье подобно слабоумию! Разве можно отказать королю, коли указ уже им подписан?

– Конечно, Тусь, конечно, я согласился! Бруни расстроится, но моя Ванилька будет на подхвате в «Старом друге», а с десертами у нее не хуже меня выходит! Пресвятые тапочки, дворцовая кухня! Это же целое государство в государстве! Я о мастере Понсиле – да будет Индари милостива к нему! – еще мальчишкой слышал невероятные истории! Мечтал быть таким же, как и он! И вот, сбылась мечта! Скажи, ты рада за меня?

Госпожа Сузон прекрасно понимала, какая удача для рядового повара – подобный каприз Его Величества. А вот на душе стало горько: на мгновение позволила себе помечтать, что дорога мастеру Пипу, действительно дорога. Но у него на уме одна только кулинария!

Туссиана хотела разделить с ним свое состояние... Купить отдельный дом, только для них двоих, чтобы не приходилось делить его с Персианой и семейством, с воспоминаниями о прошлом браке. И жить в свое удовольствие столько лет, сколько будет обоим отведено Пресветлой!

– Пип, – коротко взглянув на него, спросила она, – ты уверен, что тебе по-прежнему нужна жена?

– Конечно! – улыбнулся тот, не замечая неладного. – А кто будет ждать меня по вечерам с работы и целовать у порога? Кто будет делиться новостями за день, и, самое главное, с кем ими буду делиться я?

– Ты? – прищурилась госпожа Сузон.

– Конечно! – он поднес ее руки к губам. – Теперь у нас хватит денег купить дом, как ты и хотела! Не сразу, конечно, но хватит... А мой останется Персиане и ее детям.

Туссиана резко поднялась. На миг обида так перехлестнула сердце, что стало больно дышать. Она и сама не понимала, на кого обижалась – на Пипа, который сейчас говорил только о себе и своих достижениях, забыв о ее желании серьезно поговорить, на Его Величество, так невовремя подписавшего этот Аркашев указ, или на себя – на свои обманутые

ожидания, на несбывшиеся и, похоже, недостижимые мечты!

– Да, я хотела выйти за тебя замуж! – ровно сказала она. – Но теперь передумала. Ты получил то, к чему стремился всей душой, – работу во дворце, а я – неожиданно – наследство. Теперь я богата и мне не нужно выходить замуж, чтобы обеспечить себе спокойную старость.

С лица Пиппо отхлынула кровь.

– Что ты такое говоришь, Туся? – растерянно спросил он. – Спокойная обеспеченная старость – это прекрасно, но, мне казалось, мы встречались не поэтому, а потому что нам хорошо вместе.

– Нам и было хорошо, – кивнула она, ощущая, как просятся на глаза жгучие слезы, – но судьба совершила крутой поворот. Похоже, мы больше не нужны друг другу! Прости, Пип, и прощай!

Туссиана быстро вышла прочь, стараясь не растерять достоинство... Да что там, выскочила, как девчонка-поломойщица, страдающая по конюшему! Как тяжело ломать себя ради другого... Она не смогла. А он... А у него есть такое заманчивое предложение от ласурской короны!

Неожиданно ее взяли за плечи, с силой развернули и прижали к стене. Она не успела испугаться, потому что разглядела решительное лицо мастера Пипа.

– Мне по-прежнему нужна жена, – строго сказал он, – но если ты не готова – я готов ждать сколько угодно. Потому что ты мне нужнее, Туссиана! И вообще, что за дела? Я тебе рассказал свои новости, а ты мне – нет! Так дело не пойдет, моя дорогая! Идем-ка, выпьем морсу и обсудим, что нам делать с моей так не вовремя свалившейся новой работой и твоим неожиданным наследством!

Госпожа Сузон неожиданно всхлипнула и уткнулась лицом в его широкую грудь. От повара пахло приправами и тестом. Запах был родным и успокаивающим, однако его не хватило, чтобы остановить ее все-таки пролившиеся слезы.

– Глупая ты моя, – прошептал Пип, – любимая.

* * *

Прошли времена, когда рыси жили в шалашах, подобных молельне. Нынче только она одна и осталась во всем стойбище, сработанная по старинке. Остальные здания были сложены из бревен, основательно, крепко, надолго. Смерти-с-ветки жили в этом лесу с незапамятных времен и считали его своим. Помятуя о клане, жители соседних деревень не часто

ходили в ту сторону.

Дархан пригласил гостя в свой дом. Коротко глянул на жену и детей, и те скрылись на женской половине, чтобы не мешать разговору. Угощения глава клана гостю не предложил. Угощения предлагают тому, от кого ждешь добрых вестей, а от этого Аркаеш лишь знает, чего ожидать.

Войдя, красноволосый коротко окинул взглядом горницу, и Дархан мог бы поклясться, что он подметил все, даже паутину в углу. Гость сел за стол, положил руки перед собой. Оружия у него не было – глава клана не почуял запаха металла. А вот какие-то предметы были. И один из них – свиток.

Словно читая его мысли, он отстегнул от пояса футляр, протянул Асашу.

– Прочти, а после мы побеседуем!

Недоверчиво поглядывая на удобно устроившегося оборотня, глава клана начал читать. К концу чтения на его лице смешались самые разные эмоции, но основной было возмущение.

– Что за страшилки ты возишь с собой? – Дархан бросил свиток на стол, борясь с желанием швырнуть его в очаг. – Наши братья ставят опыты на своих же? Не считаешь с количеством жертв? Это просто невозможно!

– Я бы тоже так решил, уважаемый Асаш, – чуть пошевелился гость, – если бы не был одним из тех, кого обманом заманили в подобное место.

– Ты? – Дархан едва не отшатнулся. – Ты заражен?

– Слава богам, нет! Мне удалось бежать... Но я видел там многое, чего предпочел бы не видеть. И, да, я видел, как наши братья заражают наших братьев! Я могу рассказать тебе об этом, если ты не настолько глуп, чтобы отказаться выслушать меня.

Дархан сжал кулаки. Наглая рыжая морда! Вызвать его на поединок?

– Проблема в том, – усмехнулся Торхаш, – что зараженные направляются с севера в сторону Вишенрога. И твой клан – один из тех, кто обязательно окажется у них на пути.

Глава клана шумно выдохнул. Эмоции эмоциями, но он в ответе за своих рысей! За их покой, здоровье и жизнь! Никто не упрекнет его в том, что он плохо заботится о клане!

– Как я узнаю, что ты не лжешь мне? – хмуро спросил он.

Лихай толкнул к нему переливающийся всеми цветами радуги драгоценный камень.

– Заглянув в него, увидишь то, что происходило, моими глазами. Если, конечно, решишься! – и он снова усмехнулся, открывая острейшие белые клыки.

Дархан скрипнул зубами.

– Рассказывай! А потом я посмотрю в твой заколдованный камень и проверю, обманываешь ты или нет! И если ты обманул...

Наглец только пожал широкими плечами да перекинул на спину длинную косу. И начал говорить.

Чувствовалось, что он умеет выражать свои мысли по-военному кратко и ясно. Перед глазами Асаша представляли промерзшие пещеры в Весеречской глуши, где, заторможенные холодом и оттого не такие молниеносные и опасные, испытывали невыносимые муки самые разные оборотни. Дархан представил, как его самого ведут, крепко держа, двое дюжих тигров, а каменный, уводящий вниз, коридор не спешит заканчиваться, словно давая ему время подумать о прежней жизни. Об ошибках. О несделанном, несбывшемся...

– Остановись! – рявкнул Дархан и схватил камень. – Я хочу это увидеть!

– Смотри, – любезно кивнул Красное Лихо.

И Асаш смотрел. На безжизненно застывшие на полу фигуры. На другие, с уголка губ которых стекала липкая слюна. На тех, кто, беснуясь, бросался на стены каменных клеток, разбиваясь в кровь. Смотрел в маленькие глазки гризли-оборотня, горевшие двумя злыми желтыми искрами...

Когда колдовство опустило, глава клана откинулся на спинку стула и прикрыл веки. Радужник, выпав из его руки, стукнул об столешницу.

– Я прошу лишь подумать, – мягко произнес гость, убирая камень в мешочек, что висел на шнурке на его шее. – Подумать о возможности подобной участи для твоего клана. Те, кто это задумал, не жалеют наших собратьев – тебе это о чем-то говорит?

Дархан открыл глаза.

– О том, что они ненавидят людей, как и многие из нас! Ведь, насколько я понял, они делают это для того, чтобы их уничтожить!

– А мне это говорит о том, что они не остановятся даже перед уничтожением собственной расы, лишь бы утянуть за собой человечество! – резко сказал Торхаш. – Я не хочу, чтобы гибли мои братья и сестры даже ради такой великой цели, как Тикрей без людей!

– Ты одиночка! – изумился Асаш. – Какое тебе дело до остальных оборотней!

Спустя мгновение белые клыки едва не касались его горла. На грохот упавшего стула заглянула фарга; прикрыв рот ладонями, чтобы не закричать, застыла в дверях.

– Вот именно, – прошипел гость. Его мышцы были из стали, потому

что мощный Дархан не мог даже шевельнуться. – Мой клан уничтожили люди, и теперь вы все: и рыси, и волки, и тигры, и медведи – моя семья! И я не позволю никому, слышишь, никому уничтожить ее!

Он ослабил хватку и отступил. Уже от дверей сказал спокойно и с улыбкой:

– Благодарю за гостеприимство, Дархан Асаш!

И вышел.

Глава клана, рыкнув, отстранил бросившуюся к нему фаргу и поднялся со стола, куда повалил его гость. Наглая рыжая морда.

* * *

Лихай вошел в дом без стука и увидел у кровати закутанную в черные одежды женщину. Тяжелая копна смоляных волос ниспадала ей на спину, и он невольно залюбовался ими, гадая, какое увидит лицо. Единственное, в чем он не сомневался, так это в том, что лицо будет человеческим – запах рассказал ему все о незнакомке раньше, чем он ее увидел.

Она обернулась, и Торхаш ступешался. Ожидал увидеть молодую женщину, однако незнакомка была не молода, хотя и прекрасна. Резкие черты лица, полные яркие губы, не поблекшие от времени. Несколько морщинок в углах глаз и рта указывали на возраст, не делая ее старухой. Лишь взгляд темных, как сливы, глаз – непонятный, невозможный, тяжелый – казался средоточием самого времени, заставляя подчиняться безоговорочно. Этой женщине была знакома изначальная, древняя сила природы, не та, которую маги добывали из Источников, а та, что пронизывала все сущее, позволяя биться сердцу вселенной. Ведьма!

– Зачем ты здесь? – спросила она низким сильным голосом.

– Хотел взглянуть на парнишку, – не стал скрывать Красное Лихо.

Женщина оглядела его и встала. Чуть раздобревшая фигура была по-прежнему статной и сильной. Такую легко представить королевой в золотом венце и пышном платье. Такую легко представить рядом с королем!

– Можешь поговорить с ним. Он слаб, но пироги умял в одно мгновение!

На ее губах мелькнула и пропала неуверенная улыбка. Казалось, эти губы давно разучились улыбаться.

Она вышла, а Лихо, наоборот, подошел к кровати и сел на стул. И встретил смысленный взгляд рыжего веснушчатого парня лет пятнадцати.

– Ненавидишь их? – просто спросил Торхаш.

Уголок рта парня дернулся.

– Есть немного.

– Тебе кто-нибудь говорил, что ненависть порождает только ненависть?

Зохан Рысяш Смерть-с-ветки сверкнул глазами.

– Сам знаю! Они еще у меня поплатятся!

– И ты получишь новый удар в спину или убьешь кого-нибудь и сядешь в тюрьму, – пожал плечами Лихай. – Почему ты не дрался?

– Я дрался! – вскинулся мальчишка, зашипел от боли и упал обратно. На бинтах, туго перетягивающих его грудь и спину, показалась кровь. – Но их было больше... И они все взрослее меня! А мы с Руби только книгу читали! И всё! Они пригрозили ее... Не скажу что, если я сам не уйду. Ну, я и ушел! А это... – он, болезненно поморщившись, кивнул на свое плечо, – в спину прилетело.

– В Ласурии не везде люди и оборотни ненавидят друг друга, – задумчиво проговорил Лихо, будто не слышал слов Зохана, – я живу в славном городе Вишенроге, и там...

Он говорил негромко, словно сказку рассказывал... В душе впервые шевельнулось сожаление о собственных детях. Лихай только с одной фаргой хотел бы иметь их... но ее не было в живых.

Когда он закончил говорить, в карих глазах мальчишки появилась глубокая задумчивость. Здесь и сейчас невозможно было исправить ситуацию, сложившуюся между двумя народами, которые ненавидели друг друга со времен Вечной ночи. Но научиться жить бок о бок, понимать противника, стать сильнее и мудрее, оказывается, можно было!

По спине Красного Лиха потянуло холодком. Знакомое чувство опасности. Он резко обернулся и увидел ведьму, стоящую в дверях. И снова удивился силе ее взгляда, бывшего, как клинок.

– Выздоровливай, парень! – сказал Торхаш и встал, освобождая место для целительницы.

– Куда ты теперь? – спросила та, подходя к кровати.

Так спросила, будто они были знакомы целую вечность.

– Догоню фаргу с девчонкой, провожу до деревни... – ответил он.

Она молча кивнула и забыла о нем, касаясь чуткими пальцами окровавленных бинтов.

Лихай вышел наружу, постоял, глядя в небо и не обращая внимания на проходящих мимо и косящихся на него членов клана, легко развернулся и побежал прочь, на бегу превращаясь в красного лиса, идущего по следу.

Посланник ласурского короля ушел, а Дархан продолжал сидеть за столом, сцепив перед собой руки и глядя в пустоту. Вот, оказывается, как чувствуют себя вожаки-одиночки: в ответе за всех, без разбора... Арристо, подобные мысли никогда не приходили ему в голову! Асаш радел за свой клан – весь остальной мир мог пропасть, а он бы и не заметил, если бы дело не коснулось Смертей-с-ветки! Но, может быть, он был не прав? Да нет! Чушь собачья! Точнее, лисья. Как можно верить наглой рыжей морде, как можно помыслить о том, чтобы доверять Редьярду Третьему, в народе прозываемому Ласурским лисом? Все они заодно! Нет, лучше закрыться в своем мирке, ни во что не вмешиваться, как жили они все эти годы... Тогда почему не уходят из памяти промерзшие коридоры Весеречского подземелья, остановившиеся взгляды заключенных в каменные клетки оборотней, слюна и кровь, отчаяние, ярость и жажда?

Дверь открылась бесшумно. Дархан ощутил сквозняк и вскинул взгляд – лис вернулся? Зачем? Но на пороге стоял не Красное Лихо, а незнакомец, худой и бледный, закутанный в теплые одежды так, что видны были только глаза, горящие лихорадочным блеском глаза тяжелобольного. Удивительно, но Асаш не понял, кто перед ним – человек или оборотень. Потому что вошедший не источал запаха. В сердце главы клана невольно закралась жуть. Даже мертвые пахнут, и если смерть врага пахнет сладко, то остальные просто воняют. Но кем должно быть существо, лишенное всякого аромата?

– Прости мое вторжение, – прошелестел тихий голос, и незванный гость сел напротив, продолжая кутаться, будто мерз, – я видел, как выходил от тебя тот, кто предал ваш народ, гонец Ласуринга, проклятая кровь!

– Ты кто такой? – хрипло спросил Дархан, стараясь, чтобы голос не дрожал. Веяло от пришельца необъяснимой жутью, от которой хотелось, обернувшись, забраться на верхушку самой высокой сосны.

– Я его тень, – усмехнулся пришелец. – Я – та правда, которую он пытается скрыть, та великая цель, о которой мы все мечтаем тайно, боясь произнести вслух.

Глава клана хотел было задать следующий вопрос, но запнулся и продолжил молча смотреть на незнакомца. Потому что знал, о какой цели тот говорит... Тикрей без людей – свободный, полный лесов и невспаханых полей. Тикрей, где можно выйти из чащи, не боясь получить удар вилами в бок, где не нужно думать над тем, что сказать собеседнику-

человеку, чтобы быть не так понятым! Тикрей, полный дичи и покоя! На миг представился Лихай, говорящий: «Брат, мир не изменить! По-другому уже не будет!»

– Вместе мы изменим этот мир, – зазвучал почти бесплотный голос. – Все, что требуется от твоего клана, – не вмешиваться и не сообщать властям, если увидите зараженных, направляющихся в сторону Вишенрога!

– Но мои рыси... – попытался возразить Дархан.

– Если не вмешаются – останутся в безопасности, – оборвал гость. – И смогут насладиться криками людей, например, из той деревни, в которой люди подняли руку на члена твоего клана...

– На Зохана? Откуда ты... – изумился Дархан.

И вдруг понял, что пришелец уже стоит в дверях.

– Загляни в свое сердце, – мертвый голос напоминал шелест сухих листьев, – и ты увидишь, как сильно желаешь этого!

– Постой... – растерянно позвал глава клана.

Он, как и все оборотни, терпеть не мог алкоголь, но сейчас хотелось не просто выпить кружку пива, а напиться до скотского состояния, дабы позабыть навсегда этот день, в который все пошло кувырком.

В дверях было пусто. Ни тени. Ни звука.

В голове главы клана Смертей-с-ветки – тоже.

* * *

От выходок любимца Редьярда Третьего – Короля шутов, Повелителя смеха, Господина шуток и Хозяина толп – обычно стонали все, начиная от поломоек и заканчивая самим венценосцем. Женитьба не сделала Дрюню терпимее к человеческим порокам и недостаткам, а даже, пожалуй, добавила в этот список несколько новых строк. Остановить распоясавшегося шута мог только Его Величество (и то не всегда), но случались несколько часов тишины, когда Дрюня вел себя достойно без его приказов, – часы заседаний Большого и Малого королевских советов. В это время шут не вваливался в помещение с какой-нибудь непристойной шуткой или остротой, направленной в самые чувствительные места присутствующих, не передразнивал участников Совета (что с энтузиазмом делал в остальное время), а терпеливо, как Стрема – ужина, ждал под дверями.

Ждал он и сейчас. Малый королевский совет заседал уже больше трех часов – у Его Величества после отпуска наконец дошли руки до требующих

внимания дел. Ванилька, которая в связи с назначением Пипа на должность Главного королевского повара была вынуждена уволиться с дворцовой кухни, чтобы вплотную заняться «Старым другом», с утра ушла в трактир. И Дрюня маялся бездельем, ожидая, пока оставленный у дверей королевского кабинета паж не прибежит к нему с известием об окончании Совета.

Скука деятельной натуре шута на пользу не шла. Он сделал акробатические упражнения и растяжки, к которым привык еще со времени путешествия в труппе мэтра Иживолиса, сожрал яблоко, выпил легкого вина, посмотрел в окно, поплевал семечки на стоящих внизу гвардейцев, последил, как, аккуратно переставляя лапы, идет по карнизу здоровенный котиче, поймал себя на мысли повторить опасный трюк, вспомнил, что он совсем скоро станет отцом, и передумал. Хотелось прогуляться, однако после встречи с Алли удовольствие от прогулок было испорчено опасением снова с ней встретиться. Дрюне было и стыдно, и смешно одновременно, но эльфийка оказывала на него какое-то магическое влияние, противостоять которому казалось крайне сложным. Стоило только вспомнить ее нежную кожу, лукавый изгиб губ, пушок на щеке...

Когда в дверь его покоев постучал паж с известием, что Его Величество освободились и обедают у себя в кабинете, Дрюня ужасно обрадовался и даже наградил мальчишку монеткой. Хоп-хоу, кто-кто, а братец Рэд с его интригами заставит позабыть о высоких, соблазнительно покачивающихся грудях, тонкой талии и... Тьфу ты, изыди!

Король не столько обедал (было еще слишком рано для перемены из пяти блюд и компота), сколько перекусывал рябчиком, запеченным с брусникой в сливках. Из всех постоянных членов Малого королевского совета в кабинете остался только один – волкодав Стремительный, занявший стратегически выгодную позицию справа от Его Величества. Когда Дрюня вошел в кабинет, оба – и король, и пес, – посмотрели на него с укоризной.

– А я чего? – воскликнул шут, падая в любимое кресло и алчно глядя на стоящие на столе яства. – Я ничего!

Редьярд проследил, чтобы гвардейцы, охраняющие его кабинет, закрыли дверь, и спросил шепотом заговорщика, решившего покуситься на жизнь царствующей особы:

– Принес?

Шут порылся в кармане, достал небольшой фиал с плотно притертой пробкой и передал Его Величеству. Фиал мгновенно скрылся в недрах королевского стола.

– Четыре капли каждому в любую еду или напиток, – таким же шепотом пояснил Дрюня.

– А чего так мало? – удивился Редьярд. – Давай пополам?

– Нельзя, братец! Если не хочешь, чтобы они скончались друг на друге!

– Не хочу! – нахмурился король. – Но все равно доза какая-то невразумительная! А если ее хватит всего на один выстрел?

Шут захохотал так, что чуть не свалился с кресла.

– Братец, – серьезно сказал он, отсмеявшись, – ты только что насмешил шута, а это дорогого стоит! Колька – твоя копия! Насколько я помню, ты не останавливался на одном выстреле, даже будучи пьяным в зюзю. Чем вызывал, между прочим, жгучую зависть своей тени!

– Какой тени? – опешил Его Величество.

– Меня, глупый ты братец, меня!

– Да? – довольно переспросил Редьярд. – Ты только что порадовал короля, шут, а это дорогого стоит! Бери второго рябчика!

Дрюня с удовольствием уцепился за предложение, точнее, за птичку.

– Знаешь, братец, я тебе иногда удивляюсь, – заметил он, утолив первый голод. – Вот ты с виду такой серьезный и важный, настоящий венценосец, а подлости делаешь простые, человеческие...

– Это какие такие подлости? – изумился Его Величество, а Стрема возмущенно гавкнул.

Кому как не шуту знать, что каждый монарх более всего на свете не любит три вещи: похмелье в день официальных мероприятий, не уплаченные подданными вовремя налоги и правду. Поэтому Дрюня аккуратно вытер салфеткой руки и, приготовившись дать деру от разгневанного короля, произнес:

– Ну вот опять же приворотным зельем собрался опоить младшего сына и его жену. А зачем?

К его удивлению, Редьярд не вспыхнул, не наорал на него, даже не покраснел вареным раком, лишь зарозовел юной кривоточкой.

– Как бы тебе объяснить, братец, – пробормотал он. – Колька на меня похож больше, чем Арк... Но его жена уже брюхата, а Колькина – еще нет. Была бы Оридана бойкой девкой, я бы не беспокоился об их будущем. Такие девахи обычно быстро понимают, что наследник рода лишним не будет, хотя бы один, а лучше двое, и устраивают всё сами. Но Ори... Знаешь, иногда я думаю, что она была бы хорошей парой Арку. Смотрела бы ему в рот, ловила бы его дыхание по ночам и была бы счастлива простым бабским счастьем, которое одинаковое и у коровниц, и у королев.

Однако судьба распорядилась по-другому...

– Зря ты рвешь себе душу – она мудро распорядилась, – участливо заметил шут.

– Ничего я не рву, – невесело усмехнулся король и, поморщившись, потер левую сторону груди, – просто хочу быть уверен, что, ежели меня не станет, у Кольки будет какая-никакая, а семья!

* * *

Спустя две недели с начала Большого поэтического турнира в Вишенроге случилось событие, которое после обсуждали во всех городских кварталах. Женился человек, нарисовавший «Похищение» и «Осеннюю фею», – картины, которые оставили равнодушными только тех столичных жителей, которые по объективным причинам не смогли их увидеть. Мастера Вистуна, главу Гильдии гончаров, знали многие в Вишенроге, но слава художника Висту Вистуна, нового королевского живописца, за короткое время облетела весь Тикрей и устремилась дальше, через пролив, в Гаракен.

Для удобства подружек невесты, находящихся в интересном положении, решено было, что Туча Клози в день свадьбы отправится в храм не из дома Гильдии прачек, который она еще не передала преемнице, а прямо из дворца.

В пять утра в покоях Бруни над ней и Ваниллой уже хлопотали королевский куафер, фрейлины, горничные и мастер Артазель, пришедший лично проследить за тем, как платья сядут на их значительно (а у некоторых и очень значительно) округлившиеся фигурки.

– Стойте, моя морковка, стойте, – приговаривал гном, ползая на коленях вокруг Ваниллы, – вот здесь надо закрепить скульптурную складочку, дабы при походке вы не напоминали уточку... Покружитесь, солнце мое, покружитесь, – уже Бруни говорил он, – медленнее, вот так, хорошо! Все-таки отличная у вас фигура, Ваше Высочество! На ней ладно сидят все платья!

– Все *ваши* платья, мэтр! – ответила принцесса, любуясь собой в зеркале.

Она знала, что мастер выполнил пожелание жениха видеть невесту в платье «цвета луны середины лета, что отражается в озере, полном кувшинок», хотя самого платья пока не видела. А невеста, как назло, при каждом вопросе делала страшные глаза и ладонями закрывала рот, чтобы

не проболтаться. Для подружек Артазель подобрал ткань нежно-лилового оттенка – с таким небо после заката отражается в водной глади того самого озера, в котором позже должны отразиться луна и кувшинки. Бруни цвет платья подходил идеально, добавляя глубины серым глазам, а Ванильке неожиданно придал благородную бледность, которая ей, обычно румяной, удивительно шла.

– Ох, как жду я подарков от жениха! – воскликнула та, подвигая принцессу у зеркала и любуясь «скульптурной складочкой», когда довольный работой гном покинул покои. – Интересно, что это будет? Украшения? Деньги?

Бруни взмахом руки отпустила прислугу. Остались только самые близкие: герцогиня рю Воронн в торжественном платье темно-фиолетового цвета, украшенном серебряной сеточкой, и Катарина Солей, чье пышное одеяние горничной и фартук удачно скрывали беременность. Вздохнув, принцесса покосилась на себя в зеркале – ее беременность уже не скроешь. Впрочем, если уж сравнивать, то у Ванильки вообще живот выпирает как флагман, идущий в атаку!

– Не знаю, – улыбнулась Бруни. – Ну что, идем будить невесту?

– Думаешь, она еще дрыхнет? – с сомнением спросила подруга. – В такой-то день?

Матрона Мипидо сладко спала в небольших, но уютных покоях дворцового кастеляна, теперь принадлежащих ей. Здесь еще преобладала мужская обстановка, но уже было чище и светлее, чем раньше. Прежние тяжелые темные гардины по указанию Клози заменили светлыми и легкими, небольшой камин, согревающий покои в холодные ночи, подновили и побелили, а на стенах появились радующие глаз акварели мастера Вистуна.

– Вот ведь счастливица! – завистливо вздохнула Катарина, глядя на улыбку, порхающую по губам невесты. – Если бы я замуж выходила, глаз бы не сомкнула от волнения!

На лицо горничной набежала тень. Она невольно положила руку на живот, будто пыталась защитить еще не рожденного ребенка, который, к сожалению, был нужен только матери.

Принцесса ободряюще тронула ее за плечо и принялась расталкивать Клозильду, косясь в угол, где стояло упакованное в защитный чехол свадебное платье. Паж, готовый позвать мастера Артазеля, уже маялся под дверью.

Спустя полчаса совместными усилиями удалось прогнать с лица Клозильды улыбку из сна. Улыбка оказалась упорной и насиженное место

покидать не желала. Однако матрона Мипидо продолжала дрыхнуть уже без нее, не подозревая о том, что время торжественной церемонии все ближе и ближе, а ее любимый Вистунчик в своем доме главы Гильдии гончаров дует уже пятую стопку успокоительного настоя под заботливым взглядом посаженного отца, мастера Пелевана.

– А? Что? – продрала глаза невеста еще полчаса спустя. – Дайте поспать!

– Какой поспать? – взъерилась Ванилька, отдуваясь, как мерин-тяжеловоз, везущий бревна, – расталкивать габариты матроны оказалось не просто. – Быстро вставай! Тебя уже ждут в храме!

– Зачем? – удивилась Клози и вдруг изменилась в лице. – Пресвятые тапочки, у меня же свадьба сегодня! С Вистунчиком моим гениальным!

– Аркашевым тестикулам слава! – мрачно заметила Ванилла, присаживаясь на край кровати. – Что-то я устала немного... Твое Высочество, кати ее умываться!

Однако катить Клозильду не пришлось. Свадебный адреналин вздернул ее на ноги, метнул в купальню, а оттуда в угол, где стояло платье. Защитная ткань спала, открывая взорам многоярусное сооружение, расшитое мелким жемчугом. Должно быть, весило оно немало, но матрона легко сняла его с подставки и потрясла перед изумленными лицами посетительниц.

– Вот она, шедевра мастера Артазеля! Луна середины лета в озере, полном кувшинок!

В дверь постучали.

– Я могу войти? – раздался голос маленького мастера.

Должно быть, паж, услышавший голос пробужденной нимфы и измученный долгим ожиданием, сбегал за портным, не дожидаясь приказа.

– Входите, мэтр! – в один голос воскликнули все присутствующие.

Платье действительно напоминало перевернутую кувшинку, лепестки которой невесомо ложились один на другой и загадочно поблескивали жемчужной россыпью. Под руководством Артазеля оно было торжественно водружено на матрону Мипидо, которая попыталась придать лицу выражение, с ее точки зрения соответствующее шикарному наряду.

– Лучше не надо! – констатировала Ванилька, а Катарина едва не насильно оттащила Клози от большого зеркала, чтобы усадить перед трюмо и сделать прическу.

– Ваше Высочество, – заглянул в дверь Григо Хризопраз, – у дворцовых ворот стихийное бедствие в виде толпы зевак, уличных музыкантов и друзей жениха, которые прибыли, дабы вручить подарки

прекрасной невесте и ее подругам.

– Мы уже бежим! – тяжело поднялась с кровати Ванилла. – Летим! Скачем!

– Галопируем! – с серьезным лицом добавила Бруни.

От хохота Клозильды из ее высокой прически выпали все шпильки до одной.

– Это не волосы, а бедствие! – всплеснула руками Катарина, бросаясь подбирать их с пола.

Спустя еще некоторое время невеста, похожая на крупногабаритный сахарный бутон с торта и слегка встрепанная, выходила из дворца, от волнения отрывая сильными пальцами прачки одну за другой жемчужинки с верхней пелеринки.

* * *

Друзьями Висту оказались двое старейших мастеров Гончарной гильдии и странствующий художник с бледным лицом и горящими глазами. Окинув понимающим взглядом округлившись подружек невесты, он энергично обменялся шкатулками с одним из пожилых гончаров и пошел в атаку на бастион с названием Клозильда.

– О, несравненная дева, красотой повергающая к стопам всех представителей мужского пола, твое необъятное обаяние сразило наповал бедного творца натюрмортов! Но гораздо важнее, что сраженным наповал оказался мой старинный друг, чудеснейший и добрейший человек, мастер Висту Вистун! – Один из гончаров ткнул его локтем под ребро, и художник, поправив бархатный берет с пером, едва не слетевший с его головы, поспешно добавил: – Глава Гильдии славных гончаров! Рассказывая мне о вашей встрече, он был немногословен, однако его глаза наполнились такой любовью, что я даже боюсь представить чувство подобной силы...

– Чуйство... – прошептала Туча Клози и сопнула носом.

– Мой друг Висту – человек скромный и практичный, и подарок, что он шлет тебе со всей любовью, ему под стать, – подмигнув, сообщил художник и откинул крышку шкатулки.

Ванилька, ожидавшая увидеть драгоценный гарнитур, разочарованно выпятила губу. На малиновой подушечке лежал простой железный ключ.

Бруни с опаской покосилась на невесту и поразилась выражению чистейшего восторга, бушевавшего на ее лице, подобно майской грозе. Дрожащими руками Клозильда взяла ключ, на миг прижала к губам и,

спрятав за корсет, отвернулась, чтобы скрыть подступившие слезы.

Пока один из гончаров, шагнув к Ванилле, начал произносить речь, принцесса тихо спросила:

– Все в порядке, Клози?

– Все великолепно, Твое Высочество! – всхлипнула та. – Это ключ от чердака, где он держит картины, которые никому не хочет показывать! Понимаешь, что это значит?

– Понимаю, – с восхищением покачала головой Бруни, – похоже, это ключ от его сердца!

Подругам невесты подарили их портреты, выполненные яркими красками на костяных пластинках. Они были так искусно нарисованы, что казались живыми. Принцессе даже было страшновато заглядывать в глаза самой себе. Казалось, та Бруни смотрит на нее с превосходством и снисходительной насмешкой, потому что она совсем-совсем другая, несмотря на внешнее сходство: полная уверенности в себе, внутренней силы и спокойствия. К сожалению, Бруни не могла сказать, что ей, настоящей, присущи эти черты. При внешней невозмутимости, приобретенной за годы работы в трактире, она по-прежнему остро переживала события вокруг себя, и хорошие, и плохие.

– А что это тут у нас? – в мгновение ока портрет Ваниллы оказался в руках ее невесты откуда взявшегося супруга.

Тот был одет в соответствии с событием: в салатовый камзол, при виде которого почему-то сразу приходили на ум пасущиеся на лужайке кролики, желтые лосины и синие туфли с помпонами. Образ довершал легкомысленный красный шарфик, заколотый брошью, изображающей лобызающихся пастуха и пастушку.

– Ох, это ж любовь моя законная! – воскликнул шут, разглядывая портрет. – Передайте мастеру Вистуну, что этот подарок – для меня! Я буду носить его тут... – он похлопал по нагрудному карману камзола, – и в часы разлуки смотреть на любимую, пускать скупую мужскую слезу и вспоминать ее пышные, мягкие, соблазнительные...

– Кхгм! – поперхнулась Ванилла.

– ...Глаза! – нашелся Дрюня и сам же зашелся в приступе хохота.

Бруни заметила в толпе за его спиной широкоплечую фигуру в плаще, с глубоко надвинутым на лицо капюшоном. Видна была только пшеничная с сединой борода. Его Величество сдержал обещание и явился на свадьбу. Инкогнито.

– Однако пора отправляться в храм! – воскликнул шут. – А чего же мы ждем?

Принцесса скрыла лукавую улыбку. Клозильда взволнованно оглядывалась, ожидая свадебный экипаж, который должен был отвезти в храм ее и подружек. От звука весело стучащих по камням мостовой копыт толпа зевак прянула в стороны. Невеста, открыв рот, смотрела, как подъезжает не украшенная цветами повозка, а самая настоящая карета, запряженная гнедыми лошадьми, чьи шкуры лоснились, а в гривы и хвосты были вплетены весенние цветы. Карета была по-королевски роскошная, из орехового дерева, с мягкой отделкой внутри из голубого бархата и кожи и с мальчишкой-грумом на запятках, одетым едва ли не богаче Дрюни.

– Ох, мое сердечко сейчас разорвется! – совершенно искренне простонала матрона Мипидо, бросаясь к карете, от кареты к Бруни, от Бруни к лошадкам, от лошадок к груму и оттуда обратно к принцессе. – Твое Высочество, это же... Это... Ваш подарок! О-о!..

– Это он, Клози, – засмеялась Бруни, обнимая ее, – давай же сядем и поедем!

– Да! – поддержала Ванилла, опираясь на руку шута. – Давайте уже сядем!

На полпути к храму карету встретил эскорт жениха, в котором, кажется, решил поучаствовать каждый гончар из квартала мастеровых. Словно подчеркивая принадлежность к гильдии, они, все как один, прямо на праздничные камзолы надели рабочие фартуки. Поскольку мастер Вистун на следующий день после свадьбы должен был передать полномочия главы Гильдии преемнику, мастера, годами работавшие под его руководством, таким образом выражали Висту свое почтение.

Жених, сильно волнуясь, заступил карете дорогу и мгновение разглядывал ее, разинув рот. Про разговор с Бруни он помнил, но такого шикарного подарка не ожидал. К своему титулу придворного живописца он пока не привык, потому к предметам роскоши относился с опаской. Спohватившись, Висту подошел к карете, распахнул дверцу и подал руку Клозильде.

Они не сказали друг другу ни слова, но от взгляда, которым обменялись, в сердцах у всех, кто это видел, завели хоралы тепло, любовь и радость, делая и так солнечный день еще светлее и радостнее.

Посаженный отец мастер Пелеван ждал невесту у ступеней храма, а за его плечом шмыгала носом и вытирала дрожащими пальцами слезы сухонькая старушка.

– Мамочка моя! – издали увидев ее, в изумлении закричала матрона Мипидо. – Мамочка, да как же вы добрались из такой дали! Мамуля!

Томазо довольно переглянулся с женихом – сюрприз удался!

Более не сдерживая слез, Клози и ее матушка обнялись. Глядя на них, Бруни изумленно переглядывалась с Ваниллой. Как у такой маленькой, худенькой женщины получилась эта великолепная и необъятная матрона?!

– Окажите мне честь, матушка Юлиана, введите дочь вместе со мной в храм! – элегантно поклонился мастер Пелеван, с улыбкой разглядывая заплаканные счастливые лица невесты и ее матери.

Бруни не сомневалась, что идея привезти матушку Юлиану, которая жила в деревеньке чуть ли не на границе с Драгобужьем, на свадьбу дочери принадлежит мастеру Вистуну, и поймала себя на том, что с удовольствием подошла бы к нему и расцеловала – и в губы, и в щеки, – не наблюдай за ней столько посторонних глаз!

* * *

Свадебная церемония прошла как по нотам. Бруни опасалась, что Клози снова разрыдается в храме, – а рыдала матрона Мипидо громогласно! – но она вела себя прилично. Не спускала глаз с Висту и улыбалась тихой и торжественной улыбкой, подобную которой принцесса никогда не видела на ее лице. После церемонии на площади зазвучала громкая музыка. Сразу несколько групп бродячих музыкантов, объединившись, наяривали известные мелодии, заставляя толпу приглашенных и зевак пуститься в пляс. Прямо перед ступенями храма гончары и стеклодувы уже выставили в огромный, в половину площади, круг изделия гильдии, наполненные пенным пивом и легким прошлогодним вином. Они решили отступить от традиции, по которой жених обходил родственников и гостей с одним бокалом, а заодно и показать, так сказать, товар, то есть посуду, лицом. Чего здесь только не было! И разнообразные горшочки, пузатые и не очень, закаленные или глазированные, с ручками и без, и бокалы – из тонкого и толстого стекла, прозрачные, с росписью или обработанные искусными резчиками, и кувшины – высокие и низкие, с узкими или, наоборот, щедрыми широкими горлышками, и даже вазы, украшенные аппликациями из самоцветов, дерева и металла. Снующие среди гостей добровольные помощники разносили блюда с нарезанными ломтями хлеба, мяса и сыра.

– За молодых! – прозвучал из толпы мощный голос (Бруни узнала голос Его Величества), и людская волна, накатив на заслон из гончаров, смела его, похватав посуду.

В этот день радовались скорому лету, любви и чудесам, что,

оказывается, случаются, сводя на жизненном пути таких разных людей, как жених и невеста. Когда потемнело, празднество переместилось в квартал мастеровых, где разожгли костры и жаровни и вынесли на улицу столы. Вино лилось рекой. Разгоряченные музыканты играли так, что от инструментов летели искры.

Измученный долгим днем, успокоительной настойкой, церемонией и вином жених, зажатый мощными плечами Томазо Пелевана и Пипа Селескина, которые позволяли ему не упасть со стула, сладко спал. А неутомимая невеста все кружилась и кружилась в танцах с разными партнерами, бросая на любимого нежные взгляды. Ее не смущала его усталость, то, что в этот знаменательный день он не танцует с ней, не ласкает и не балует нежными словами и взглядами. Она любила Висту таким, каким он был, со всеми достоинствами и недостатками, и ощущала себя счастливой уже оттого, что в ее жизни вообще случилась свадьба. Единственное, что немного смущало Клозильду Мипидо, так это тот факт, что самым частым ее партнером по танцам был король (тот самый, который инкогнито). Впрочем, Его Величество вел себя прилично, стати матроны к себе сильно не прижимал (на самом деле стати были столь обширны, что их и не требовалось прижимать, поскольку они поглощали окружающее пространство сами, но Рэд разумно не сказал об этом партнерше), шептал ей на ухо вполне приличные комплименты и приятности, на ноги не наступал и держал ее в объятиях уверенно, как человек, который голыми руками может задушить медведя.

Ванилла, тоже узнавшая короля, следила за ним круглыми от изумления глазами, однако помалкивала и периодически искала взглядом в толпе загулявшего мужа. Танцевать ей было уже тяжело, но Дрюне пара вообще не требовалась – он веселил сам себя, а заодно и всех окружающих, от карманного воришки до почтенного мастера-гончара.

Когда совсем стемнело, Бруни, от которой ни на шаг не отходил верный Григо, разыскал принц Аркей.

– Самые веселые свадьбы – в квартале мастеровых, – сказал он, улыбаясь, и целуя жену. – Надеюсь, ты уже танцевала? Устала?

– Нет, я ждала тебя, – засмеялась принцесса, показывая мужу, что его уловка не удалась и от танцев ему не отвертеться. – Давай, Кай, пригласи меня!

– Пресвятые тапочки! – усмехнулся он, протягивая ей руку и помогая подняться с места.

Довольная принцесса потянула его в толпу. Секретарь, проводив их взглядом, в котором взблескивали лукавые искорки, отступил в тень, зашел

за пустующий дом. В нем не горело ни одно окно – все обитатели праздновали на улице. Спустя мгновение дракон взмыл в ночное небо, рванул к звездам и закружил, сверху разглядывая Вишенрог. В свободном и веселом городе слышались музыка и счастливый смех.

Дракон с удовольствием выпустил облако дыма из пасти, а затем повернул голову и покосился золотым глазом на женщину в белой тунике, которая сидела на его спине боком, свесив босые ноги, и без страха болтала ими в пустоте. Встречный ветер не смел тронуть ни единой пряди ее черных волос.

«Нравится ли тебе то, что ты видишь, моя госпожа?» – прозвучал его безмолвный голос, и каждое слово в нем тлело огненным сгустком.

«О да, Турмалин, мне нравится! Мое сердце радуется!» – отвечала она, и каждое ее слово вспыхивало новым светилом.

«Покатаемся, моя госпожа? Как когда-то давно...»

«Да, мой Турмалин, покатаемся! Неси меня к морю!»

Огромная черная тень скрывала звезды там, где пролетала под ними, но маленькие беззаботные человечки внизу ничего не замечали.

* * *

Ладья для новобрачных была подготовлена при непосредственном, хотя и тайном участии Его Величества – таков был его свадебный подарок. Поэтому она оказалась не обычным корабликом, а грациозной шхуной, украшенной с истинно королевской щедростью. Увидев ее, Клози в испуге отступила, но затем с присущей ей решимостью ринулась на abordаж, прихватив под мышку блаженно улыбающегося во сне мужа. Ей-ей, видя его состояние и зная, что художник не из молодцов, имеющих луженый желудок, рассчитанный на тоннаж спиртного, невеста не мечтала о страстной ночи. Но она представляла себе, как возляжет на брачное ложе рядом со своим Вистунчиком и под плеск волн станет любоваться его лицом. Как положит его руку себе на грудь или сожмет его пальцы и поцелует их... Эти тонкие, чуткие пальцы настоящего мастера!

Седобородый представительный капитан встретил новобрачных на палубе, у трапа, с удовольствием истинного любителя жизни облобызал ручку невесте, сделал вид, что не замечает отсутствующего состояния жениха, и проводил молодую пару в свадебную каюту. Едва дверь за ними закрылась, шхуна отчалила, разворачиваясь на волнах и блестя боками, словно питанная косатка.

Матрона Мипидо, теперь уже матрона Вистун, уложила жениха, точнее, уже мужа, на ложе, усыпанное лепестками роз, и со счастливыми слезами на глазах оглядела пышную обстановку. Стол был накрыт богато и с изяществом; из приоткрытого иллюминатора, полускрытого бархатной занавеской, доносился плеск воды о борта и веяло нежным весенним духом. В углу каюты покоилась на бронзовых лапах самая настоящая ванна, наполненная теплой водой. Мягко горели магические лампадки, разогретый воздух, поднимаясь от них, превращался в розовые сердечки. Рядом с кроватью красовалась истинной роскоши позолоченная ночная ваза с ручкой в форме ветви.

Клозильда вылила в себя бокал первоклассного вина (она никогда не пила розовое гаракенское, но напиток был таким вкусным, что название пришло ей в голову само собой), скинула свадебное платье и приняла ванну. А затем, в чем мать родила, возлегла на ложе рядом с любимым и, как и мечтала, положила его руку себе на грудь. В помещении было тепло, даже жарко. Выпитое разлилось в теле матроны истомой, заставило смежить веки.

Под плеск волн мягко переливалось жемчужным сиянием сброшенное платье, напоминая гигантскую кувшинку, расцветшую прямо в каюте. С мостика доносилась негромкая приятная мелодия – капитан использовал музыкальный свиток. Однако скоро его звуки спугнул свадебный фейерверк, раскрывший крылья над причалом. После Клози страшно корила себя, что не увидела его, – а оплаченные королем маги постарались на славу, устроив настоящее представление! – но сейчас она сладко спала, чувствую руку мужа на груди. Руку, которая вдруг ожила и принялась с силой мять ее плоть – не больно, не неприятно, но с совершенно очевидными намерениями.

И это было прекрасно!

Не открывая глаз, новобрачная потянулась к Висту, который с неожиданной силой прижал ее к кровати, оглаживая, как застоявшуюся лошадь, пробуя всюду крепкими пальцами и нежными губами.

Что может быть лучше поцелуев, раздвигающих мягко колышущийся полог сна и проникающих в сознание, чтобы вызвать одно-единственное желание – без остатка принадлежать тому, кто дарит их? Такие вкусные, такие умелые, слегка колючие...

В сознании Клози забрезжила тревога. Матрона тоже была сильной, потому освободила руки от страстного захвата, принимаясь гулять ладонями по крепкой, даже мощной фигуре мужчины... оказавшегося на месте мужа!

Страх матроне Клозильде был знаком лишь один – самый тихий, самый спокойный и самый страшный человеческий страх – страх одиночества. Она не боялась кладбищ, уличных хулиганов и пьяных мастеровых, не испугалась бы шайки разбойников, встреченной в дороге, или матросской драки в порту Вишенрога. Не испугалась и сейчас. Широко открыла глаза, силясь разглядеть незнакомца, от которого пахло дорогим вином и парфюмом – будто он по очереди пил и то, и другое.

В каюте царил кромешный мрак. Лампадки погасли, растратив волшебные сердечки на период сладкой дремы влюбленных, иллюминатор был задернут шторкой. Недобро прищурившись в темноте, Клозильда, чья обширная грудь колыхалась от гнева, сильнее раскачивая шхуну, коснулась чужого лица. Под пальцами оказалась ухоженная... борода. Борода?!

Туча Клози нашарила под кроватью ночную вазу (слава Пресветлой, пока пустую!) и недолго думая опустила ее на темечко охальника. Тот, охнув, скатился с матроны, напоследок толкнув ее возбужденным достоинством в бедро. Надо сказать, весьма ошеломляющим достоинством. Впрочем, сейчас Клози не обратила бы на него внимания, будь оно даже размером с драконово. Она вскочила с кровати, размахивая ночной вазой, как отважный рыцарь – мечом, и погналась за незнакомцем, в темноте налетая на предметы мебели.

– Да я тебе, обмылок мужской гордости, сейчас пообломаю не только рога, но и ребра! – взревела она, справившись с алкогольно-сонным туманом в голове, заставившим ее промедлить с нападением. – Я тебе сейчас твою удочку обмотаю вокруг шеи... и завяжу матросским узлом! А после возьму колотушку... и отобью, как постельное белье, до ослепительной белизны! Я тебя, Аркаешева сына, суну в чан и откипачу по полной!

Неудавшийся любовник, прикрываясь чем можно от града ударов, легконогой ланью скакал по каюте, охая, когда ночная ваза соприкасалась с его телом, и пытался что-то прокричать в ответ. Но затмить вопли матроны было невозможно.

Когда раздавшийся грохот оповестил Клозильду, что враг повержен, она, тяжело дыша, нащупала один из магических светильников и попыталась его зажечь. Судя по тихим шагам, негодяй пытался пробраться к выходу из каюты. Позолоченное оружие защиты честных невест, пущенное рукой Клози на звук, придало незнакомцу ускорение, впечатав его в дверь. Взыв от боли, он распахнул створку и выскочил в слабо освещенный коридор. Матрона едва успела разглядеть крепкие ягодицы, покрытые трогательным пушком, широкие плечи и светлый затылок, как

дверь захлопнулась, скрыв загадочного гостя от ее взгляда.

Магическая лампадка наконец зажглась. Ночная ваза победоносно заблестела на пороге. Каюта была разгромлена, ванна – перевернута. Кроме этого, молодая жена обнаружила потоп, испорченное платье и мужа, который продолжал спать в одном из кресел у стола, видимо, перенесенный туда незнакомцем.

Она бросилась к нему, зовя по имени.

– А? Что? Любовь моя! – пробормотал во сне художник, продолжая посапывать.

В крови Клози пел победную песнь азарт первой брачной ночи. Ночи, которая должна была принадлежать Висту! Завтра она разберется с произошедшим, потребует ответа от капитана и «этого так не оставит»! А сегодня...

Клозильда Мипидо, теперь уже Вистун, решительно вернула мужа на супружеское ложе, забаррикадировала дверь столом и креслами и принялась будить супруга всем, чем могла, – губами, руками, грудями, – но только не ночной вазой!

* * *

Его Величество в эту ночь сомкнул лишь один глаз – тот, о который по касательной ударились ночная ваза, превращенная матроной Ми... Вистун в орудие самозащиты. Собственно, глаз и сомкнулся только оттого, что заплыл. А поскольку пресловутое орудие соприкасалось с королевским туловом сильно и часто, чего Редьярд желал бы от самой Клози, но никак не от предмета, ночью болело все – от макушки, первой испробовавшей силу руки новобрачной, до подвернутой во время постыдного бега лодыжки.

Когда на помощь королю в его покои, куда он перенесся посредством порталного перстня прямо со свадебной ладьи, явился Дрюня, сладко зевающий и пахнувший теплом супружеской постели, Редьярд, стоя у зеркала в чем мать родила, с критическим лицом наблюдал, как чудно меняет цвет памятный синяк от матроны.

– Уй! – воскликнул шут, в изумлении протирая глаза. – Ты, братец, никак ударился об угол дворца!

– Я ударился о честь Клозильды Мипидо, – усмехнулся король и приказал: – Не стой столбом, дурак, сделай что-нибудь!

– Позвать мэтра Жужина? – Дрюня сделал движение к двери.

– Не вздумай! Еще не хватало объяснять ему, откуда взялись эти отметины!

– Да? – шут недоверчиво посмотрел на короля. – Мне кажется, Ожин видел и не такое!

– Такое – не видел! – отрезал Его Величество, теперь оглядывая спину: между лопаток красовался сине-черный кровоподтек. – Ступай в город и купи мне лечебных свитков! А пока дай что-нибудь холодное, что ли...

– Какой такой город? – вытаращился Дрюня. – Ночь на дворе, все добрые вишенрогцы спят в своих кроватках, и только их озабоченный повелитель ищет приключений на свою... на свой глаз!

– Голова болит, – пожаловался король и лег в пустую холодную кровать, – никто меня не любит, не жалеет!

– Горе ты мое венценосное, – покачал головой шут. – Держись, я сейчас.

Он принес с кухни кусок сырого мяса, который приложил к заплывшему глазу Его Величества, пару полотенец с завернутым в них льдом – для лодыжки, и штоф гномьего самогона – для опохмела и быстрого сна.

– Спи! – приказал шут королю, устроив того поудобнее. – Как только откроются магические лавки, я принесу тебе свитки, а до тех пор прикажу никого сюда не пускать.

– Я уже приказал, – простонал Редьярд. – Никого, кроме тебя!

– Тогда спи!

– Сплю. Стой!

– Стою!

– Вот, возьми.

Высунувшаяся из-под одеяла королевская длань протягивала знакомый фиал с приворотным зельем.

Шут попятился.

– А мне это зачем?

– Подольешь за завтраком Кольке и его жене.

– Я не смогу! – испугался Дрюня. – И вообще, это была твоя подлая идея!

– А я тебе приказываю, – скучным голосом сообщил король, – и вообще, ты сам говорил, что ты моя тень. Так?

– Так!

– И от своих слов не отказываешься?

– Н-нет.

– А у подлого короля тень тоже подлая! – торжествующе провозгласил

Его Величество. – Это раз! И Колька на завтрак явится по моему приказу – два. Это я на случай, если ты начнешь ныть, что Его Высочество семейные завтраки не посещает.

– Пресвятые тапочки, – пробормотал шут, но фиал взял, – иногда мне кажется, что я служу самому Аркаешу!

– Кто знает, кто знает, – донесся из-под одеяла сонный голос.

* * *

Два раза в седмицу Ее Высочество Бруни навещал мэтр Жужин – контролировал течение беременности. Сегодня он явился вне графика и маялся в гостиной, ожидая, пока Катарина поможет принцессе встать, умыться и надеть домашнее платье.

– Почему сегодня, Ожин? – спросила принцесса, едва поздоровалась. – Вы чем-то встревожены?

– О нет, Ваше Высочество! – поспешил успокоить ее целитель. – Я всего лишь наслышан о том, что вы танцевали ночь напролет на свежем воздухе!

Бруни засмеялась.

– Тогда вам следует осмотреть моего мужа, мэтр!

– Для Его Высочества Аркея танцы сродни насморку, – поддакнул заглянувший в покои Дрюня, – глупо, мучительно и никуда не денешься! Маменька, я пришел сообщить, что Его Величество за завтраком не появится. Не ждите, начинайте без него! Но со мной!

– Он плохо себя чувствует? – тут же сделал стойку Жужин.

– Что вы, что вы, Ваше Целительство, – замотал головой шут, – все мы иногда желаем поваляться в постели!

Ожин и Бруни переглянулись, и в их глазах мелькнули похожие мысли о новой неизвестной (или, наоборот, известной) фаворитке. Впрочем, они оба ошибались.

– Вы позволите? – спохватившись, целитель протянул руки к принцессе. Не касаясь ее округлившегося тела, поводил вдоль, встряхнул кистями, поводил снова.

И вдруг, улыбнувшись, спросил лукаво:

– Ваше Высочество, а кого бы вы хотели – мальчика или девочку?

Стоящая в стороне Катарина захлопала в ладоши и засмеялась.

– Мэтр, вы увидели? Вы наконец увидели?

– Да, – кивнул тот, продолжая улыбаться, – теперь я могу точно

сказать, Ласуринг какого пола вскоре украсит династию!

– Ваше Высочество? – горничная вопросительно посмотрела на принцессу.

Бруни давно научилась понимать ее без слов – Катарина спрашивала разрешения сбегать в кабинет Его Высочества Аркея и позвать его для выслушивания главной утренней новости. Принцесса задумчиво кивнула, размышляя над вопросом целителя. А действительно, кого бы ей больше хотелось? Мальчишку, похожего на Кая: темноволосого и темноглазого, серьезного, рассудительного, – или девочку, подобную ей самой: крепенькую, непосредственную и упрямую?

Под сердцем билось тепло, невидимая птица гладила крыльями изнутри, будто ласкалась. Мальчик или девочка? Да какая, пресвятые тапочки, разница, кто толкает ее пяткой под ребро, кто будет смешно и жалобно плакать по ночам из-за колик в животике, сосредоточенно сосать молоко, сладко сопеть во сне и еще слаще пахнуть?

Из коридора донесся голос Солей:

– Лисс, Его Высочество в кабинете?

– Катарина, добрых улыбок и теплых объятий тебе! Какая ты красивая сегодня!

– Кройсон, ты оглох? Я тебя спрашиваю, Его Высочество в кабинете или где-то во дворце?

– Ох, прости, Катарина, он в кабинете, да. Давай я тебя провожу?

– В комнату, которая в конце коридора? – в голосе горничной звучала насмешка. – Нет, благодарю.

Несмотря на волнение, вызванное известием Жужина, разговор между адъютантом мужа и своей горничной принцесса взяла на заметку.

Принц явился незамедлительно. Не стесняясь присутствующих, нежно поцеловал жену, обнял и посмотрел на целителя. От его взгляда тот вытянулся в струнку и бодро отрапортовал:

– Позвольте сообщить, Ваши Высочества, что вы ожидаете сына!

Из двери высунулось любопытное ухо шута – тот и не скрывал, что подслушивает. Наоборот, заорал во всю силу легких:

– Мальчик? Мальчик! Хоп-хоу, у нашего Арка будет сын! Сын!!!

Сделал сальто в коридоре и колесом покатился прочь, выкрикивая радостное известие, – не иначе отправился будить Его Заспавшееся Величество.

Принц и принцесса переглянулись. Взгляды сказали им то, что они не хотели бы произносить при посторонних. Они безумно любят друг друга... Им обоим нет разницы, какой ребенок будет первым... И они хотели бы не

сразу сообщить эту новость всему миру, а вначале побаякать ее вдвоем, насладиться, как изысканным удовольствием... Они и сейчас жаждут побыть наедине, но...

– Много работы, родная! – пробормотал принц, целуя ее пальцы. – Благодарю тебя! И вас, мэтр Жужин, – спохватившись, добавил он и вышел в коридор, позвав адъютанта.

Тот не услышал – загляделся на сияющую Катарину. Горничная, искренне радуясь чужому счастью, будто светилась изнутри.

– Лисс! – окликнул Аркей. – Идем!

Тот опомнился, лихо щелкнул каблуками:

– Слушаюсь, Ваше Высочество!

– Мои поздравления! – в комнату входил сияющий Григо Хризопраз. – Подозреваю, что Его Величество будет более чем доволен и подарит вам, Ваше Высочество, очередное чудовищ... прекрасное украшение своей прабабушки!

– Пресвятые тапочки, только не это! – взмолилась Бруни. – Григо, какие у нас планы на сегодня?

– После завтрака вы... – секретарь открыл свою папку, – хотели посетить городскую больницу и магистрат, а затем навестить в «Старого друга» – подозреваю, чтобы отведать булочек госпожи рю Дюемнон!

– Вы слишком проникательны! – погрозила ему пальцем принцесса и, смеясь, отправилась одеваться к завтраку.

* * *

Дрюня успел сгонять за свитками, обрушить их целительную мощь на болезное Величество, сообщить ему радостное известие о внучке и снова уложить спать. А также в сотый раз представить, как Колею становится известно о приворотном зелье и он нанимает для шута наемного убийцу. Или даже двух!

Поэтому на завтрак он шел в очень плохом настроении. Очень-очень плохом настроении, тем более что Ванилла, узнав о присутствии младшего принца, идти вместе с мужем решительно отказалась.

– Не желаю слышать гадости, на которые не смогу ответить! – отрезала она. – Да, я выгляжу как корова на сносях, да, хожу как разжиревшая индейка, да, у меня опухают лицо и лодыжки – но это я про себя и так знаю! Без Его Высочества Колея!

– Дуреха, – прижал ее к себе Дрюня, – я этого не замечаю, а до других

тебе не должно быть дела! Зато у нас будет ребеночек! Твой и мой!

После этих слов Ванилька растаяла, всплакнула и в отличном настроении отправилась в «Старого друга», где старалась проводить хотя бы несколько часов в день. А шут поплелся в Малую королевскую столовую, потной ладонью сжимая в кармане камзола фиал с зельем.

За столом уже сидели Их Высочества Аркей и Бруни, герцог Ориш с племянницей и Саник Дорош. Последний есть не хотел (на завтрак обещали творожную запеканку с вареньем, которую оборотень терпеть не мог), поэтому капризничал, а именно, сурово нахмутив светлые бровки, смотрел в одну точку на белоснежной скатерти.

– Его Величество продолжает изволять почивать! – радостно сообщил шут с порога, поклонился всем присутствующим и сел на свое место.

Принц внимательно посмотрел на него.

– Отец себя хорошо чувствует?

– Хорошо, очень хорошо! – поспешил успокоить его Дрюня, как давеча мэтра Жужина. – Просто великолепно себя чувствует! Но очень хочет спать! Как и я, впрочем...

Бруни только покачала головой. Решила, видимо, раз дело не в новой королевской фаворитке, значит, в том, что Его Величество и шут опять пили всю ночь во дворце или в городе. Но она снова ошиблась.

– Добрых улыбок! – раздалось с порога недоброе.

В столовую вошел Его Высочество Колей. Вот кому не помешали бы сон до полудня и банка рассола.

Оридана вскинула на него встревоженный взгляд и подвинулась ближе к дяде. Его Светлость Ориш, съевший на политесе собаку размером со Стрему, наблюдал за мужем племянницы весьма доброжелательно, однако Дрюня заметил суровую складку у губ герцога: скажи младший принц какую-нибудь гадость, и ему не поздоровится!

Подойдя, Колей поцеловал руку Ориданы, затем Бруни, осторожно положил на стол рядом с женой кипу каких-то бумаг.

– Вот... мое разрешение на опеку, – буркнул он и сел на место. – Я его подписал.

– Ох! – задохнулась от счастья Оридана и обняла Саника. – Я быть благодарна вам, супруг мой...

– Будьте благодарны Ее Высочеству Бруни, – пожал плечами Колей, – и моему отцу. А кстати, где он?

– Его Величество изволят почивать! – чувствуя себя попугаем, повторил Дрюня и крепче сжал фиал, во все глаза разглядывая младшую супружескую пару.

Более разных людей, чем Колей и Оридана, было сложно себе представить. Он – высокий, широкоплечий, как все Ласуринги, с ленивой грацией, которая с возрастом станет, как у Редьярда, медвежьей. Светловолосый, с яркими голубыми глазами и выражением лица «весь мир у моих ног, а вы все говнюки». Она – хрупкая, смуглая, черноглазая, с острым личиком, маленькими руками и ногами и с вечным страхом в глубине зрачков. Страхом перед миром, в котором оказалась.

На миг сердца шута коснулась жалость. Нет, никогда не быть гаракенской принцессе счастливой в ласурском дворце, если только... Если только не зазвучит здесь смех ее ребенка! Редьярд коварен, его план подл, но это как раз тот случай, когда цель оправдывает средства!

Прислуга внесла блюда, начала расставлять на столе.

– А какое варенье сегодня? – нарочито загадочничал Дрюня. – Не люблю вишневое, хочу клубничное! Саник, малыш, а ты какое любишь?

Рыжий мальчонка серьезно посмотрел на него и ответил убедительным басом:

– Мясо!

– Согласен! – неожиданно поддержал его Колей. – Дорогая, этому ребенку не стоит давать запеканку! Как и мне!

Оридана покосилась на подписанные бумаги и... кивнула, решив согласиться.

– Что там есть мясного на кухне, несите! – приказал Аркей, скрывая улыбку. – Я бы тоже не отказался!

– Я слышала, в Гаракене едят мясо с вареньем, это правда, Ваше Высочество? – вдруг спросила Бруни, а в голове у шута фейерверком вспыхнуло: «Вот оно!»

– Как можно, маменька? – возмутился он, заглядывая в плоские с вареньями. – Врут! Всё врут! Это же как прыгунью камбалу с молоком откусать! Последствия известны!

Колей молча завел глаза к потолку. После ночного возлияния его, по обычаю, мутило, но светлый образ куска мяса, политого вареньем, не казался таким отталкивающим, как картинка камбалы на тарелке и стакана молока рядом.

– А я – запеканку! – воскликнул Дрюня. – Маменька, тебе положить?

– Будь добр!

Он разложил по тарелкам принцесс и герцога Ориша запеканку, цапнул мисочку с клубничным вареньем и поставил себе на колени – будто бы для того, чтобы никому не досталось. Прикрыв ее краем скатерти, едва успел накапать в варенье зелье, но сбился со счета, потому что слуги

принесли мясо и начали переставлять блюда на столе.

– С клубничным, с клубничным попробуйте! – шут шмякнул гаракенке варенья на запеканку. – Творожное лакомство с клубничным вареньем – лучшее, что может случиться с вами утром!

– Мясо! – коротко возразил Саник, уже вполне сносно управляясь с ножом и вилкой.

– В Гаракене действительно едят мясо с вареньем, – отведав запеканки с вишневым вареньем (клубничное Дрюня предусмотрительно отставил), пояснил герцог Ориш, – но, как правило, это варенье из кислых ягод: клюквы, брусники, морошки... Вы же знаете, что на северо-востоке нашей страны начинается лесостепь, которая постепенно переходит в бескрайние просторы Дикоземья? Эта полоса – страна болот, где подобной ягоды полным-полно. Но, честно говоря, я даже не могу представить, каким будет на вкус мясо в сочетании со сладким вареньем!

– А это интересно! – оживился Колей и полил свой кусок жареной говядины из стоящей ближе всего к нему мисочки с клубничным вареньем, после чего с подозрением покосился на шута, который не сумел сдержать торжествующей улыбки. – Ты чего лыбишься? А ну-ка, давай со мной! Для чистоты эксперимента!

Дрюня не успел оглянуться, как принц положил ему на тарелку другой кусок мяса и полил тем же вареньем.

– Не бойся, я поддержу! – подмигнул шуту Аркей, забирая у брата мисочку и добавляя варенья и себе, и... на запеканку Бруни, чем окончательно опустошил мисочку.

– Приятного аппетита! – провозгласил Фигли Ориш.

Пока остальные опустошали свои тарелки, Дрюня сидел ни жив ни мертв.

– А ты чего? – прикрикнул на него Колей. – Давай-давай, лопай!

Тоскливо потянув кусок мяса в рот, шут бросил взгляд на сидящего напротив герцога Ориша и едва не подавился. Аркаеш его знает, как работает это приворотное зелье! А вдруг он втюрится без памяти в того, на кого первым бросит взгляд? Пресветлая, помоги!

Ее Высочество Бруни вдруг развернулась к мужу и поцеловала его в щеку. Его Высочество Аркей в ответ нежно обвел большим пальцем контур ее губ.

Принцесса Оридана, задумчиво жуя запеканку, ласково перебирала бумажные листы. Принц Колей жадно следил за ее пальцами, будто ворошащими чьи-то волосы...

В Дрюниных чреслах из искры всегдашнего интереса к жене

возгоралось пламя...

– Лисс, какие у меня планы на сегодня? – повысил голос Аркей.

Адъютант выпрыгнул из дверей, как демон из табакерки.

– В восемь утра...

– Все отменить! – не дослушав, приказал Его Высочество, который никак не мог отвести взгляда от губ жены. – Сегодня выходной!

Челюсть адъютанта только что не стукнула об пол.

– А... – пробормотал он. – Э... В смысле, есть выходной!

– Свободен! – махнул рукой Аркей и поднялся, подавая руку Бруни.

– Вы куда? – опешил шут.

– На яхту. Сегодняшний день мы проведем там, – мечтательно улыбнулся принц и повернул один из своих перстней. – Передавай отцу привет!

Сиятельная пара исчезла.

Фигли Ориш в растерянности закрутил головой, попытался встретиться взглядом с Дрюней, который старательно смотрел куда угодно, только не на сидящих за столом.

– Знаете, моя дорогая Оридана, – явно подражая интонацией отцу, произнес Колей, – мне кажется, нам надо обсудить важный вопрос! А именно вопрос о воспитании этого мальчика. Поскольку документ об опекунстве я подписал, считаю, что у меня есть право участвовать в его судьбе!

Черные глаза принцессы загадочно замерцали. Она впервые посмотрела на мужа без настороженности, но с вызовом, и поинтересовалась:

– Вы серьезно так думать, Колей? Что есть такого, чего я не давать ребенку?

– Его Высочество прав, – осторожно заметил герцог Ориш, – мальчонка должен уметь драться и ездить на лошади, это как минимум. Чему из перечисленного ты можешь научить его, змейка моя?

– Об этом я и хотел поговорить! – плотоядно облизнувшись, воскликнул принц. И многозначительно добавил: – Наедине!

– О-о... – низко выдохнула Оридана.

– Да-а! – ответно простонал Колей и поерзал на стуле.

По выражению лица Фигли Ориша можно было догадаться, что он ровным счетом ничего не понимает. Однако герцог со свойственной ему отзывчивостью похлопал племянницу по плечу.

– Если тебе действительно нужно поговорить с мужем, иди, Ори, я прослежу, чтобы Саник все съел и после прополоскал клыки... то есть

зубы!

– Это мне действительно нужно поговорить с женой! – возмутился принц, вскакивая и хватая принцессу за руку. – Поэтому предложение Вашей Светлости очень своевременно! Благодарю вас, досточтимый Фигли!

Спустя мгновение в Малой королевской столовой остались герцог Ориш, слегка ошеломленный молниеносностью завтрака, и довольный Саник, тянущий на тарелку уже второй кусок восхитительно пахнущего мяса, раздумывая над тем, какими странными бывают взрослые, которые поливают первоклассную еду непонятно чем.

* * *

День, начавшийся для Бруни восхитительно, продолжал быть таковым. День, полный плеска волн, ласк ветра и небесной сини.

Далеко впереди над морской гладью кружили орлы-рыбаки, камнем падали в воду, чтобы, вырвавшись из ее плена и тяжело махая крыльями, потащить к берегу серебристо блестящую рыбину.

На маленькой яхте было предусмотрено все на случай неожиданного появления капитана: обогревающие свитки, еда, которая не портится, вода и несколько бутылок первоклассного вина. Когда так неожиданно вспыхнувшая страсть между принцем и его женой немного утихла, Аркей вывел яхту из бухты, служившей ей тайным убежищем, и развернул в открытое море.

Принцесса, укутанная в шаль, сидела на палубе, щурясь на солнце и блеск воды, как сытая кошка. Тело слегка ломило от любовной истомы, а на душе было тепло. Так тепло, будто она морозным днем грелась у очага в любимом трактире на площади Мастеровых. Воистину, твой дом там, где твое сердце!

Аркей закрепил парус и, присев рядом с супругой, обнял ее. Нет, сейчас не Аркей – Кай, ее Кай. Босой, с голым торсом. Несмотря на теплую погоду, на море было свежо, но принцу, похоже, холодно не было. Бруни молча прижалась щекой к его груди. Так приятно ощущать ладонями тепло его кожи, крепость мышц, так уютно греться в его объятиях.

– Ты не передумала насчет имени для ребенка? – спросил он.

Принцесса подняла на него смеющийся взгляд.

– Снова хочешь, чтобы мы поссорились из-за имени? Нет, не передумала. Даже, пожалуй, уже привыкла к тому, что внутри меня

лягается маленький жеребенок по имени Рэд.

Кай тоже улыбнулся и потянулся к ее губам, которые из-за беременности немного припухли, отчего выглядели потрясающе сексуально.

– Понятия не имею, что такое на нас накатило, – признался он наконец, оторвавшись от жены, – но давай вернемся в каюту... Я снова хочу тебя раздеть!

– Я только оделась! – засмеялась Бруни, сопротивляясь в шутку, когда он подхватил ее на руки и понес вниз.

Белоснежная яхта шла неведомым курсом под всеми парусами.

* * *

Принцесса Оридана сидела за своим рабочим бюро и, сложив руки на коленях, слушала рассуждения мужа о воспитании мальчиков.

Принц предусмотрительно не садился – было крайне неудобно.

– Итак, коли уж довелось парню расти в королевской семье, значит, образование он должен получить соответствующее! – говорил Колей, кружа вокруг Ориданы, как акула вокруг приманки. – Вы согласны со мной, Ваше Высочество?

– Да! – прошептала принцесса, поймав себя на том, что беззастенчиво разглядывает мужа.

Он и раньше отдавала должное его мужской привлекательности, собственно, только этому и отдавала должное – один раз на борту свадебной яхты. А сейчас он будто открывался с новой стороны, которая принцессу безусловно волновала. Впервые они что-то обсуждали вместе, Колей говорил не гадости, а вполне разумные вещи. Это оказалось на удивление... возбуждающим.

– Тогда вам придется обуздать желание постоянно быть рядом с Саником и на несколько часов в день позволить учителям заняться его образованием и манерами! – принц остановился перед ней.

– Обуздать... желание? – уточнила Оридана, глядя на мужа снизу вверх и медленно краснея. Потому что не обуздывалось.

Колей присел на корточки, охнул, быстро встал, заставляя ее тоже подняться.

– Дорогая, мальчишки должны быть самостоятельными и не держаться за мамкину юбку... Вот как мы с Арком! – воскликнул он.

– О! – воскликнула Оридана и перевела взгляд на пальцы мужа,

которые нервно перебирали ткань ее платья. – Вы же держитесь за мою!

Колей непонимающе посмотрел вниз, тоже покраснел и вдруг, порывисто прижав жену к себе, прорычал:

– Да, Аркаеш меня возьми! Вы мне позволите?

– Не надо Аркаеш... вас... – залепетала принцесса, до самой глубины души пораженная охватившим ее желанием, – лучше вы меня!

– Ори... – честно предупредил Колей, подсаживая ее на бюро и беззастенчиво задирая ей юбку, – для вас это может быть... непривычно!

– Конечно, – фыркнула та, – вы же не ночевать в моей постели ни разу с тех пор...

Не дослушав, принц впился поцелуем в ее губы. Оридана застонала – не от боли, от напора мужа, который делал с ее ртом, что хотел. Принцесса забыла, как ее зовут, кто она такая, в единый миг будто распалась на сотни искорок, каждая из которых вспыхивала, но не сгорала – мучительно и жарко тлела. Из головы вылетели все мысли, и время остановилось, а когда двинулось вновь, Оридана обнаружила себя обнаженной, сплетающейся в объятиях с совершенно голым мужем прямо на бюро из ценных пород дерева, и вдруг ощутила, что вот сейчас... сейчас мир развалится на части. И он действительно развалился. Искры, в которые она превратилась, воспламенились, а из ее горла рвался непристойный стон, совершенно не подобающий приличной принцессе.

– Что... вы... со мной?.. – простонала Оридана, выгибаясь в сильных руках мужа.

– Я вас... – честно ответил тот.

– О-о-о! – закричала принцесса, достигая вершины волны, и опала в объятиях Колея, будто сломанный цветок.

– Вам не нравится? – Колей, тяжело дыша, отстранился и посмотрел ей в глаза. – У меня и в мыслях нет вас обидеть! У меня в мыслях... – Он рыкнул и вжался в жену, наглядно демонстрируя, что именно творится у него в мыслях.

– Наши мысли впервые сходятся... – пробормотала Оридана и первой потянулась к его губам.

– Ну хоть в чем-то! – задыхаясь от желания, прошептал Колей, подхватил ее и понес в спальню.

* * *

За стеклом башни давно стемнело, черное море слилось с черным

небом, едва прошитым светом звезд, виден ясно был лишь Вишенрог – цепочкой огней на побережье.

Ники подписала последнюю бумагу, сложила в стопку отработанных – завтра Брут заберет – и тоскливо посмотрела на пустую и холодную кровать. Получи, ненасытная утроба! Ни одного мужика, ни второго... Хоть третьего заводи, чтобы согревал ночами и шептал всякие глупости, необходимые любой женщине! Грой отправился с Призраками, и новостей от них пока не поступало. Лихай продолжил вояж по кланам, живущим вокруг столицы. Не то чтобы ей очень хотелось видеть кого-то из них, хотя темперамент, ограниченный воздержанием, уже давал о себе знать, но с некоторых пор Ники не любила спать одна. Наверное, потому что спала одна слишком долго...

Архимагистр бросила взгляд на часы. Два ночи – поздно! Надо ложиться. Как вдруг тренькнуло зеркало связи, тихонько, будто извинялось.

Увидев герцога рю Вилля, она обрадовалась до неприличия, однако сделала усталое лицо и зевнула, не прикрывая рот ладонью.

– Ты зеваешь как кошка, Твое Могущество, – понаблюдав за ней, заметил начальник Тайной канцелярии. – Прости, что побеспокоил в столь поздний час, но ты нужна мне!

– Как женщина? – Ники поднялась и потянулась.

– Как архимагистр! – уточнил Троян. – Хотя от тебя как от женщины я бы тоже не отказался!

– Неисправим, – нежно улыбнулась волшебница и шагнула в его кабинет через разделяющее их пространство.

– Невыносима, – герцог поймал ее руку, поднес к губам и с удовлетворением отметил, как изменилось лицо Никорин, когда она заметила на его столе замызганный платочек.

Выдернув пальцы из руки рю Вилля, Ники взяла платок, разглядывая вышивку красной нитью по углам – на каждой три треугольника, тот, что в середине, выше других.

– Отступники? – она подняла изумленный взгляд на Трояна. – В Вишенроге?

– Какая наглость, да? – усмехнулся герцог. – Вор-карманник, а по совместительству один из наших осведомителей, срезая кошелек у явного провинциала, который загляделся на столичные достопримечательности, заметил это у него на запястье. Он не был уверен, что увидел именно тайный знак огнепоклонников, но на всякий случай поделился сомнениями со знающим человеком.

– И для чего отступник прибыл в город? – пробормотала Ники,

возвращая платок на место. – Приобрести сувениры? Взглянуть на «Похищение пресвятых тапочек» мастера Вистуна?

Перед глазами будто сдвинулся на миг временной пласт в несколько сотен лет, и она снова увидела обезумевшие лица одержимых и клейма на коже – три треугольника, из которых один был выше других.

– Мои люди понаблюдали за ним, прежде чем арестовать. Он расспрашивал прохожих, как пройти к Золотой башне, а когда пришел туда, несколько раз порывался зайти внутрь, но передумывал.

– Ко мне? – изумленно подняла брови волшебница, прогоняя из памяти давно опостылевшие картины из прошлого. – Кракенские блохи, этого еще не хватало! Ты уже выяснил, для чего он на самом деле приехал? Убить меня?

– Он долго не хотел признаваться, – пожал плечами Троян, – но, когда заговорил, первое, что назвал, было твое имя. Он желает пообщаться с тобой, Ники. Только с тобой. С моими палачами разговаривать отказывается – упорный парень! Пойдем со мной...

– Куда? – удивилась волшебница.

– В застенки Тайной канцелярии, – любезно поклонился рю Вилль. – Только после тебя!

Конечно, архимагистр знала, куда идти. За прошедшие годы она изучила дворец Ласурингов не хуже местных крыс, и все равно спускаться в подземелье, слыша за спиной шаги герцога, было неприятно.

Редкие магические светильники в коридорах дворца здесь сменяли факелы – горящие ярко, коптящие с силой. Запах копоти въедался в ноздри, позволяя почувствовать себя не похороненным заживо под толщей камня, а живым. Во всяком случае, идя на встречу с тайным последователем запретного на Тикрее культа Гересклета, бога огня, волшебница была благодарна пламени за свет и за вонь. Такой вот парадокс.

Троян, открывающий решетчатые калитки коридора своими ключами, связка с которыми висела у него на поясе, как у заправского тюремщика, в последнюю дверь постучал, подождал, пока его оттуда окликнут, и назвал. Ники поежилась. Немногие из тех, кто попадали в эту часть дворцового каземата, возвращались к свету. Либо факелы заменяли им на долгие годы и солнце, и луну, либо смерть навсегда лишала несчастных возможности различать их сияние.

Глазам архимагистра предстало квадратное помещение с очагом, которому могла бы позавидовать и замковая кухня. Рядом с ним полукругом стояли несколько столов с лежащими на них инструментами для пыток (Ники отвела взгляд). А с другой стороны, подвешенный за вздернутые

руки, полустоял-полувисел пожилой мужчина, более всего походивший на монаха серым рубищем, аккуратной бородкой и глазами, в глубине которых притаился фанатичный огонек. Едва Никорин вошла в комнату, мужчина впился в нее взглядом и более его не отводил.

Троян коротко глянул на стоящего рядом с пленником палача – здорового, обнаженного по пояс, в красном островерхом колпаке. Тот молча покачал головой.

– Что ж, друг мой Селестий, вижу, беседа с моим специалистом более никаких плодов не дала! – обращаясь к пленнику, преувеличенно тяжело вздохнул герцог. – Впрочем, я привел ту, о которой ты спрашивал! Возможно, с ней ты будешь разговорчивее!

Ники разглядывала арестанта, не приближаясь к нему. Невысокий, сухопарый, явно привычный как к долгим переходам, так и к суровой жизни, борода аккуратно подстрижена, рубище изношено в пути, а не от нищеты. Добирался в Вишенрог пешком? На перекладных? Зачем?

– О чем ты хотел говорить со мной? – спросила Ники.

В темных глазах мелькнула насмешка. Хриплый голос ответил:

– Неужели не подойдешь ближе, госпожа волшебница? Неужели... боишься?

Никорин с негодованием качнулась вперед, однако Троян крепко перехватил ее запястье и предупреждающе качнул головой.

Старый морской волк и в подземелье был начеку! Архимагистр благодарно похлопала его по руке и приказала себе успокоиться. Еще раз взгляделась в пленника. Тот не выглядел одержимым, не тянул к ней скрюченных, как птичьи лапы, пальцев, не разевал рот в крике, от которого рвались голосовые связки, не стремился убивать все живое на своем пути. Да и сохранилась ли в них, тех, кто и до сих пор поклонялся древнему богу огня, способность мгновенно разрушать грань между сознательным существованием и кровавым безумием? Или осталась лишь в воспоминаниях?

– Мне жаль, что тогда погибли не все... – делая шаг вперед, произнесла Ники, – жаль, что некоторые выжили и, даже вновь обретя разум, не осознали произошедшего и не отреклись от того, что привело их к умопомешательству!

Пленник качнул головой.

– Ты не понимаешь, богоубийца, о чем говоришь, поскольку никогда не растворялась в божественной воле!

Повинуясь знаку начальника Тайной канцелярии, палач коротко ударил старика под дых.

– Выбирай выражения, когда разговариваешь с Ее Могуществом! – пояснил рю Вилль.

Ники думала о том, что отступник ошибается. Она не просто растворялась – сначала она думала, что постигает мудрость, затем – что любовь, а на самом деле по крупицам теряла себя долгие-долгие годы, до тех пор, пока однажды осознание потери не стало слишком явным.

– А это неважно, – спокойно ответила она, – говори, что хотел, или отправляйся в преисподнюю!

В глазах пленника мелькнуло сожаление, и архимагистр порадовалась. Не поддавалась, не пошла на поводу у воспоминаний, которые для нее реальны, а для него, с его обычным для человека возрастом, – миф. Великолепный, ужасный, пугающий, но миф!

– Скажу наедине, – старик выжидающе смотрел на нее.

– Нет! – воспротивился Троян.

– Оставьте нас! – не поворачивая головы, приказала Никорин.

– Ты забыла, что в прошлый раз тебя пытались отравить именно огнепоклонники? – склонившись к ней, горячо зашептал герцог. – И даже если забыла ты – Его Величество помнит!

– Побойся богини, Твоя Светлость! – прищурилась Ники. – Покушение было от и до спланировано тобой и мной, чтобы дать мне возможность разыскать и уничтожить могильник на Версейском плато! И потом, взгляни на него: он простой человек, который боится смерти, как и другие, хотя и неплохо скрывает это! Мне ничего не угрожает!

– Ники-Ники, откуда ты знаешь?

– Гарпун тебе в глотку, Трой, я архимагистр, а не деревенская ведьма!

Рю Вилль смотрел на нее исподлобья, явно колеблясь.

– Оставьте нас, – снова повторила Ники, добавив в голос холода, и пошла к арестанту. Дождалась, когда лягнет дверь и ключ повернется в замке, запирая ее один на один с ним, после чего развеяла удерживающую его веревку.

Мужчина со стоном облегчения упал на пол и принялся растирать опухшие запястья.

Ожидая, пока он придет в себя, волшебница подошла к столу с палаческими инструментами. Чего здесь только не было! И пилы, и клещи, и загубники, разнообразные ремни и веревки, воронки, о предназначении которых и думать не хотелось, иглы, странные механизмы, пугающие одним своим видом...

По затылку Ники потянуло холодком угрозы. Она обернулась. Отступник стоял у нее за спиной и, конечно, не видел щита, который она

сотворила сразу же, как вышел рю Вилль с подручными. Впрочем, нападать он не планировал, скорее, колебался: сказать ли то, что хотел?

Архимагистр молча ждала, уже понимая, что итог разговора ей не понравится.

– Наша община невелика... – с трудом подыскивая слова, заговорил Селестий. – Мы живем закрыто, в местах, куда не ступает нога охотников и искателей приключений, которых полно в Весеречье. Но... с некоторых пор мы...

Он замолчал, глядя на стол с инструментами. Ники проследила за его взглядом: старик смотрел на один из ножей, с широкой ручкой и иззубренным лезвием – наверняка чтобы кромсать мягкие ткани живой плоти.

– Мы хотели бы перебраться в Вишенрог и... попросить у тебя защиты! – едва слышно произнес арестант.

От изумления архимагистр не сразу осознала услышанное. А когда осознала, так опешила, что позабыла о контроле над магическим щитом.

– Мы просим защиты у Твоего Могущества, – твердо повторил Селестий, – и гарантируем, что не причиним вреда жителям города и не станем склонять их в свою веру! Если ты пожелаешь, мы поклянемся в этом на огне и крови!

– Вы... что? – хрипло переспросила она.

* * *

Уставшая за день принцесса едва смежила глаза, как за дверью спальни что-то упало, после чего послышался сердитый шепот, переходящий в повышенные тона. Бруни встала с кровати, накинула халат, подошла к двери и прислушалась.

– Еще раз распустишь руки – я их тебе отрежу! – отчитывала кого-то Катарина, явно сдерживаясь, чтобы не заорать. – Всем вам одно и то же надобно! Думаешь, коли я ношу ребенка и не замужем, значит, можно меня лапать?

– Да как ты!.. – ответил дрожащий от возмущения голос Лисса Кройсона. – Пресвятые тапочки, какая же ты дура, Катарина!

Не дожидаясь ответной реплики, Бруни распахнула створку. Ее горничная и адъютант мужа прянули друг от друга, как ошпаренные коты.

– Катарина, иди спать! – приказала принцесса и перевела взгляд на Кройсона. – Лисс, останься.

Красный от гнева парнишка побледнел, затем снова покраснел и устался в угол.

«Хорошо, что Кай работает допоздна! – невольно подумала принцесса. – Не нужно ему видеть своего адъютанта в таком состоянии!»

Сердито зыркнув в его сторону, Катарина вышла.

– Что между вами происходит, Лисс? – мягко спросила Бруни и, сев на диван, предложила юноше сесть рядом.

Он упрямо качнул головой, не желая нарушать этикет. На его щеках играли желваки. Долго молчал, затем ответил:

– Спросите у нее, Ваше Высочество!

Голос был полон обиды, такой детской, что принцесса с трудом скрыла улыбку – Весь обижался так же, когда считал, что с ним поступают несправедливо.

– Я спрашиваю у тебя, Лисс Кройсон, потому что ты мужчина и должен отвечать перед Богиней и людьми за себя и за женщину, которая тебе нравится! – строго сказала она.

– Она не просто нравится... – парень вызывающе посмотрел на Бруни. – Я люблю ее!

– Любишь женщину старше себя, которая ждет ребенка от другого? – безжалостно уточнила принцесса, пытаясь понять: осознаёт ли Лисс, что происходит на самом деле, или просто ослеплен страстью к хорошенькой горничной?

Кройсон выпрямил спину, вытянул руки по швам и свел каблуки. Его голос не дрогнул, когда он отрапортовал, как, бывало, докладывал о чем-то Его Высочеству Аркею:

– Люблю, Ваше Высочество! И я долго думал на этот счет! Пресветлая свидетель, я приму ее ребенка как своего! А того говнюка, что ей его заделал и смылся, судьба однажды накажет! Ой... Прошу прощения!

Принцесса кивнула.

– Хорошо, Лисс. Но, насколько я понимаю, Катарине сейчас претит любое мужское внимание, в том числе твое. Если ты так пытаешься заинтересовать ее – ты идешь по ложному пути.

– Но как? – горячо воскликнул юноша. – Я же к ней и так, и сяк... Compliments, цветы по утрам...

– Цветы оставь, а с комплиментами погоди, – улыбнулась принцесса. – Постарайся окружить ее заботой – постоянной, но бессловесной. Особенно она понадобится, когда Катарина родит... Заодно и сам проверишь, справишься ли ты с ролью отца. И если не наделаешь ошибок, не решишь, что тебе это все не нужно, и не будешь торопиться, Катарина Солей,

возможно, поймет, что Лиссу Кройсону нужно от нее нечто другое, чем остальным.

– Вы правда так думаете? – расцвел адъютант.

Бруни кивнула.

– Знаете, – задумчиво добавил Кройсон, – а ведь это похоже на осаду! Серьезную такую осаду, с продуманной стратегией и тактикой ведения боя... И мне это нравится!

– Ну, всяко лучше, чем бросаться в атаку сломя голову, не имея данных разведки и не подозревая об истинном количестве сил противника! – раздалось от двери.

Бруни вскинула голову и увидела мужа, плечом привалившегося к дверному косяку. Как давно он тут стоял?

– Хорошенько обдумай то, что сказала моя жена, Лисс, – сказал принц, подходя к Бруни и целуя ее, – она плохого не посоветует. Свободен!

– Слушаюсь! – радостно воскликнул адъютант и вышел, печатая шаг.

Аркей сел рядом с женой на диван, обнял ее и, устроив у себя на груди, уткнулся лицом в ее макушку.

– Как же ты вкусно пахнешь!

Бруни молчала, тихонько улыбаясь.

* * *

– Я не верю своим ушам! – воскликнула архимагистр. – Селестий, ну-ка повтори еще раз то, что сказал!

– Защиты, мы просим твоей защиты! – повторил отступник, упрямо глядя на нее.

– У меня? – уточнила Ники, все еще надеясь, что ослышалась или не так его поняла. – У той, что уничтожила вашего бога и до сих пор не чувствует угрызений совести на этот счет?

– У тебя! – в глазах отступника полыхнула ненависть.

Полыхнула живым огнем, тем, в котором сгорали на поле последней битвы сотни тысяч последователей Гересклета. Впрочем... бог был мертв, и ненависть быстро угасла.

– И от чего я должна буду вас защищать? – уточнила волшебница. Нет, не ошиблась, подозревая, что тема разговора ей не понравится!

Старик снова колебался, не отвечая. Она видела это по его ускользающему взгляду, по судорожно сжатым пальцам, по напряженным плечам.

– Ты же не настолько глуп, чтобы просить меня о помощи, не раскрывая карты? – мурлыкнула Никорин.

Из Селестия словно выкачали воздух – он едва не упал, но вовремя ухватился за край стола. На его лице сразу стали явными признаки возраста и тяжелой жизни, как будто перед Ники оказался другой человек, бледное подобие себя самого.

– Мы ведем свой род с давних времен, – тихо заговорил он, – с тех самых, когда, по легенде, ты, госпожа, уничтожила нашего бога... Но с его помощью несколько последователей выжили в битве и сохранили память о тех событиях. Было ли то проклятие Гересклета или его дар нашим предкам – я не знаю! Но они получили возможность передавать воспоминания из поколения в поколение. Поэтому я и мои братья и сестры действительно знаем, что это такое – раствориться в любви бога, которому поклоняешься! И слаще этого нет ничего на земле!

Несмотря на поднимавшуюся в душе ярость, волшебница не давала себе воли – молчала, боясь спугнуть откровения отступника. Да и не смогла бы она объяснить ему то, что видела сама, находясь по другую сторону фронта, когда вдвоем с Ясином они вышли против сотни тысяч безумцев. Для тех, кто огненной волной шел на Тикрей, это была божественная благодать, а для всех остальных – ужас и смерть в пламени, пожирающем всё и всех.

– Со временем эти способности изменились, – продолжал Селестий, – и воспоминания стали все чаще являться нам в виде снов, иногда пугающе реальных. Полученные в таких снах пророчества всегда сбывались. Например, мы знали точную дату и время нападения Крея на Ласурию...

– Знали – и промолчали? – не выдержала архимагистр.

– А кто бы нам поверил? – пожал плечами отступник. – Да и не стремились мы вмешиваться в политику.

– Ну да, в берлоге уютнее... – пробормотала Ники.

Удавила бы гада своими руками! Всех бы их удавила!

– Несколько месяцев назад одному из моих братьев приснился очередной сон, – голос Селестия неожиданно зазвучал с силой, – он увидел, как над Тикреем нависает тень гигантского облака, тень, полная ненависти. Он увидел, как Тикрей гибнет...

Старик замолчал. Бледное лицо, отсутствующий взгляд... Он вообще в своем уме?

– Мне защищать вас от тени гигантского облака, которая кому-то из вас приснилась? – рассмеялась архимагистр, но в сердце уже шевелился недобрый холодок. Холодок предчувствия. – Да ты не отступник, Селестий,

ты душевнобольной!

Старик неожиданно качнулся к ней, схватил за руки... В сознании Ники полыхнуло такими знакомыми языками пламени, и на миг, лишь на мгновение, но она увидела засохшие леса и траву, покрытую странной белесой плесенью, опустевшие водоемы и горы, рассыпающиеся пылью, раздутые трупы животных, погибших от голода и жажды, города, похожие на гробницы, потому что мор выдул из них жизнь, как выдувал ветер прах из всех щелей...

Прах...

Смерть...

Тление...

Тикрей.

Селестий отпустил ее и осел на пол. Тяжело дыша, просипел:

– Мне, мне приснился этот сон! Я был там и видел это собственными глазами! Видел толпы одержимых, рвущих друг друга на части! Видел, как гибнут народы, поглощенные ненавистью! То, что начнется как обычная война, закончится катастрофой! И старый миропорядок падет...

Пока он говорил, Ники безмолвно приказывала себе, как когда-то приказывал ей капитан Зорель: «Спокойно, юнга! Без паники! Мы что-нибудь придумаем, кракенскими блохами клянусь!» Она не желала признаваться себе, что испугана, но это было так. Нужно успокоиться... Сейчас, вот сейчас! Обдумать все заново и найти решение, ведь мир на Тикрее – та цель, ради которой Ники Никорин тогда, на Безумной, поклялась жить!

Но перед глазами стояли картины из сна-пророчества, и тем же самым наитием, каким ощущала изнанку бытия, архимагистр понимала, что эти картины – из будущего!

– Разве то, что ты рассказываешь, не было конечной целью вашего бога? – бросила она, желая разорвать затянувшуюся паузу. – Тикрей в руинах... Людские трупы... Новый передел мира!

– Наша вера несла свет и благодать Гересклета только людям, не затрагивая древние расы! И наши последователи умирали счастливыми, ощутив божественную любовь! – глядя на нее, прошипел Селестий. – А теперь погибнут все! И гномы, и люди, и оборотни, и эльфы! Но перед этим умрет Тикрей, превратится в огромную пустошь, на которой сойдутся все оставшиеся в живых. Сойдутся, чтобы убить друг друга! Ибо у *этого* нет любви, нет сердца! Только желание уничтожить все живое.

– Пресветлая!.. – пробормотала волшебница.

Вряд ли старик разобрал в ее голосе жалобные нотки, но сейчас ей

хотелось, как в детстве, оказаться в храме и, уткнувшись лбом в колени Индари, молить о помощи. Молить, зная, что она, Ники, будет услышана!

– Если в твоём пророчестве говорится о всеобщей гибели, чего ты хочешь от меня? – скрывая страх, хмыкнула она.

– Однажды ты уже спасла мир! – воскликнул Селестий. – Сделай это снова!

– Но ты говоришь, пророческие сны всегда сбываются!

– Нам всем нужна надежда... – пробормотал старик, отводя глаза.

Глядя на него, архимагистр молча качала головой: нет, нет, нет... Им не нужна была надежда, когда они жгли и убивали. Внимая голосу своего бога, они не слышали криков тех, кто погибал по их вине. Они жаждали лишь божественной любви, на деле оказавшейся грандиозным божественным мороком... А сейчас? Сейчас что нужно им сильнее, чем надежда?

– Чего ты желаешь более всего на свете? – Ники резко склонилась к отступнику, надеясь застать его врасплох. И увидела, как расширились его зрачки, как мелькнули в них знакомые языки пламени.

– Огня! – крикнул он, сжимая кулаки.

– Ничего не меняется, огнепоклонник, – архимагистр отошла от него. – Итак, мое условие: я не стану вам помогать до тех пор, пока вы не отступите от своей веры! Но, дабы облегчить муки твоей совести, добавлю еще кое-что... Видишь ли, я не уверена, что в этот раз мне удастся спасти Тикрей. Хотя, конечно, я постараюсь!

– Это твоё окончательное решение? – спросил он, комкая рубище на груди.

Никорин молча пожала плечами. И почему у нее сложилось впечатление, что старик снова колеблется перед выбором?

Следующие события произошли в долю секунды. Селестий схватил тесак, тот самый, с иззубренным лезвием, а Ники вдруг осознала, что щита на ней нет! Однако, вопреки ее опасениям, нож не был предназначен ей. Неотрывно глядя в глаза цвета озерного льда, отступник резанул себя по горлу и завалился на бок, заливая кровью пол пыточной. Волшебница не успела бы спасти его, даже если бы захотела. Оцепенев, она смотрела, как подрагивают в последней судороге конечности, как кровь весело пузырится в ране.

Селестий сделал свой выбор, не сумев отречься от веры, но давая возможность жить той, что обещала попытаться спасти мир.

Ванилла выбралась из-под рук-ног обожаемого супруга, кряхтя, потеряла ноющую поясницу. Даже несмотря на то, что они с Дрюней кувыркались в постели весь вчерашний день (и с чего бы такое счастье?), тело казалось окаменевшим и плохо слушалось хозяйку. О-хо-хо, мэтр Ожин во время последнего осмотра предупредил: «Вам придется набраться терпения, Ванилла. До родов еще пара седмиц – самое тяжкое время!»

В окна пробивался рассвет. Как ни хотелось остаться в теплой кроватке, сегодня нужно было обязательно побывать в «Старом друге». И так вчера прогуляла целый день! Провалилась... Про... Ванилька хихикнула, нежно накрыла одеялом Дрюню и принялась одеваться. До трактира давно не ходила пешком – Пип, который в связи с назначением на должность Главного королевского повара появлялся во дворце уже в шесть утра, отправлял дочь с одной из повозок, едущих на рынок.

Госпожа рю Дюемнон любила эти утренние поездки, энергичный пересвист птиц в кронах деревьев, еще пустующие улицы Вишенрога, запах свежего хлеба из пекарен. Любила приезжать в трактир первой и открывать дверь своим ключом. Входить в тихое помещение, отдергивать шторы, распахивать окна, впуская свежий ветер и свет, который чудно играл на акварелях мастера Вистуна, развешанных по стенам зала на первом этаже. Любила разжигать печь на кухне и огонь в камине зала, слушать гудение пламени и треск занимающихся поленьев. Да, иногда она скучала по дворцовой суете, но честно говоря, в последнее время ее больше привлекала камерная обстановка «Старого друга». Тем более что комната для нее и ребеночка была уже оборудована в отделенной от галереи части второго этажа. Каждый раз, когда Ванилла входила туда, ее сердце замирало от счастья, о котором когда-то она и не смела мечтать!

Там стояли комод, трюмо с зеркалом, широкая кровать и рядом – смешная маленькая колыбелька. Такая маленькая по сравнению с кроватью, что, глядя на нее, хотелось плакать от умиления. И именно этим утром Ванилька неожиданно расплакалась, стоя на пороге. Она и сама не знала отчего. От того, что сердце полнится любовью, или от раннего утра и облаков на небе? От тяжести собственного живота и боли в ноющих ногах или от тепла, что, поднимаясь из зала по трубе, проходящей через комнату, ласкало кожу? В единый миг такой простой и понятный мир раздвинул границы, даря бывшей королевской булочнице массу новых ощущений, которые оказалось тяжело вынести.

– Хозяйка, вы наверху? – послышался веселый голос Селеста Гриппена – молодого повара, нанятого Пипом себе в помощь еще до назначения Главным королевским поваром.

– Да, я уже спускаюсь!

– Морса сделать вам горячего?

– Будь добр!

Ванилла торопливо вытерла слезы краем передника, который уже не висел на талии, а лежал на животе, как скатерть на прикроватном столике, и начала спускаться – как вдруг острая боль пронзила поясницу, свела внутренности в клубок. Охнув, Ванилла уцепилась за перильца, чтобы не скатиться с лестницы. Ногам стало горячо и мокро. Дрожащей рукой она приподняла подол юбки и увидела под собой лужу. Хотела было испугаться, но представила ребеночка – там, в животе. Ребеночка, который чувствовал то же, что и она. Сжав зубы, чтобы не стонать от боли, Ванилла спустилась вниз и вошла на кухню.

Селест – высокий, нескладный как вешалка, выдающимся носом напоминающий бойцового узаморского гуся, напевая что-то, колдовал у плиты. В зале уже сновали служанки, расставляя стулья, выставляя на столы салфетки в красивых стеклянных вазочках и тарелки с вафельками – подарок посетителям от заведения.

– Присаживайтесь, хозяйка, – оглянулся на нее повар и изменился в лице.

Бросился к ней, помог дойти до стола и опуститься на стул.

– Пресвятые тапочки, что случилось? Вы ударились? Упали?

– Кажется, я рожаяю, – пробормотала Ванилла, – нужно позвать целителя... мэтра Жужина.

– Я сейчас...

– Стой! Куда от плиты, завтрак на носу?! Отправь кого-нибудь из девчонок, они быстро бегают!

Повар посмотрел на нее с уважением – госпожа и в таком состоянии думает прежде всего о деле! – а затем выскочил в зал.

Спустя час Ваниллу перевезли во дворец. В помещениях Ожина находилась специально оборудованная комната, в которой он иногда оставлял своих клиентов для наблюдения. Поскольку клиентами Ожина были в основном люди родовитые, «карантинные» покои отличались не только функциональностью, но и сдержанной роскошью.

К тому моменту, когда Ваниллу переодели в чистую длинную льняную рубаху и уложили на кровать, схватки скручивали ее каждые полчаса.

– Дрюне... кто-нибудь... сообщил? – постанывая от боли,

поинтересовалась роженица. – И не сообщайте!.. Пусть... дрыхнет! Скажите только... Ее Высочеству Бруни!

– Уже, – доброжелательно улыбнулся целитель, который сидел рядом и мягко прощупывал ее живот.

Ванилла часто задышала, переживая очередную схватку, и посмотрела на Жужина.

– Мэтр, вы говорили, еще две седмицы ждать! А оно вон как вышло!

– Бывает, – спокойно пожал плечами тот. – Преждевременные роды, знаете ли, могут начаться от тысячи причин: скушали не то на ужин, слишком энергично вешали белье, были нежны с супругом...

– Мешалки-венчики! – воскликнула Ванилла, не сдержавшись. – Была! Была нежна с супругом! Каюсь!

– Вы лучше дышите, уважаемая, – посоветовал мэтр, – каяться будете потом.

– А кричать можно? – деловито уточнила она. – Уж очень хочется покричать!

– Кричите, – улыбнулся Ожин, – меня вы не напугаете.

Мэтра Жужина действительно напугать не удалось. Зато удалось напугать Дрюню, которому кто-то успел сообщить радостную новость, несмотря на предупреждение супруги. Шут как раз шел по коридору к покоям целителя, сопровождая Ее Высочество Бруни с секретарем, когда раздался полный страстного нетерпения вопль, потрясший замок.

– Что это? – резко побледнел и остановился Дрюня.

Принцесса встревоженно оглянулась на Григо Хризопраза.

– Крик увеличивает объем легких, что косвенно помогает вытолкнуть плод, – любезно пояснил тот, – кроме того, с ним легче переносятся родовые боли и прочие неудобства! По всей видимости, Ваше Великолепие, мы слышим, как рождает ваша жена!

Позеленевший шут заткнул уши и бросился прочь. Крик Ваниллы преследовал его, отражаясь от стен.

– Идемте, Григо! – заторопилась Бруни. – Я должна быть рядом с ней!

Однако на пороге уже стоял мэтр Жужин, сурово нахмутив брови.

– Ваше Высочество, прошу меня простить, но я вас к подруге не пущу...

Принцесса открыла было рот, чтобы возразить, однако целитель потряс перед ее лицом длинным пальцем.

– Даже не просите! Возвращайтесь в свои покои и ждите радостных вестей! В вашем состоянии не стоит наблюдать роды и вообще находиться рядом с роженицей! Во избежание всяческих, так сказать, эксцессов!

– Каких еще экс...цессов! – возмутилась принцесса. – Впустите меня!
– Мэтр хочет сказать, что все это может спровоцировать ненужное напряжение мышц и ранние роды, – мягко беря Бруни за руку и разворачивая прочь, сообщил Григо. – Пойдемте!
Принцесса умоляюще посмотрела на Жужина.
– Ожин, вы же скажете ей, что я приходила?
– Конечно, Ваше Высочество. Я даже скажу, что нарушил этикет и прогнал вас, но вызвал во дворец Персиану Тумсон, дабы госпоже рю Дюемнон было не так скучно! Идите, идите уже! Поищите будущего папашу!

* * *

В это самое время будущий папаша ворвался в покои Его Величества, как будто за ним гнался разозленный осиный рой, наглухо закрыл двери, привалился к ним спиной и только тогда смог отдышаться, чтобы произнести первое слово. Нецензурное.

Король, который весь предыдущий день и всю ночь лелеял боевые раны, изводя на них целительные свитки, перепугался не на шутку, разглядев выражение его лица.

– Кто умер? – хрипло спросил он, приподнимаясь на кровати.

– Ванилька рожает! – простонал Дрюня и осел на пол. – Она так кричит... Я не могу этого слышать! Она разрывает мне сердце на тысячу маленьких шутов, каждый из которых тыкает мне в печень булавкой для шейного платка!

Король еще раз оглядел шута и спустил ноги на пол. За время знакомства он впервые видел Дрюню в состоянии, явно требовавшем его вмешательства. Обычно случалось наоборот, вмешательства требовало состояние Его Величества. А он-то гадал: наступит ли когда-нибудь такой момент?

Подойдя к шуту, Рэд легко вздернул его на ноги, протащил через комнату и усадил за столик у окна, на котором слуги по его приказу уже сервировали ранний завтрак.

– Ешь, – приказал король, – пей! Нет, сначала все-таки пей! – и собственноручно налил в чешуйчатый толстенький бокал старого ласурского вина.

– Но я не...

Одна королевская длань крепко ухватила Дрюню за затылок и

запрокинула ему голову, а другая влила в него вино.

– Пойду отолю, – сообщил Его Величество, ставя бокал на стол, – а ты поешь, поешь. Ибо я вернусь, и мы продолжим!

Шут тоскливо покосился на бюро, где лежал гербовый бланк, на котором Рэд вчера явно пытался что-то писать. Однако, судя по рисункам пышнотелых девиц в одних передниках и чепцах, выведенных его задумчивой рукой, управленческое вдохновение короля быстро покинуло.

– Итак, – Его Величество вернулся и сел за стол, энергично вытирая полотенцем мокрую шевелюру и бороду, – наливаю!

– Может, не надо? – запротестовал Дрюня.

Ванилькин крик все еще звенел у него в ушах. Так хотелось пойти к жене!.. Но вдруг там что-то плохо? Вдруг там все в крови? О-о-о...

– Пей! – приказал король.

И шут послушно выпил бокал. И еще один. И еще. И даже не заметил, что в пару последних Его Величество добавил несколько стопок гномьего самогона. Не заметил, потому что заснул, уронив голову на край стола.

Дождавшись, пока его дыхание выровняется, Рэд осторожно переложил Дрюню на кровать и постоял рядом, с улыбкой разглядывая его осунувшееся лицо. После чего позавтракал и вернулся к бюро, где с раздражением оттолкнул гербовый лист.

Взгляд в зеркало во время умывания подсказал, что Его Величество уже может показаться на люди, но – Пресветлая свидетель! – делать этого ему не хотелось. Не то чтобы он был сильно расстроен категорическим отказом матроны Мипидо (теперь уже Вистун) от любовных утех. Просто... Просто неожиданно все потеряло смысл. Король не желал признаваться себе в том, что завидует и Клози, влюбленной в собственного мужа, и Дрюне, который у него на глазах едва не поседел, переживая за жену. Да, у него, у Рэда, в последние годы было полно утех, от самых изысканных до самых примитивных, но место в сердце пустовало, как ни пытался он заполнить его любовью к стране с названием Ласурия. То самое место в сердце, что отчеркивал, словно границей, край лесной чащи.

Редьярд помнил запах травы и хвои...

Солнечные пятна, озорно скакавшие по лужайке...

Звериные тропы, извилистые, узкие – на один след...

И блеск воды в зарослях...

И кувшинки на водной глади...

Все это были призраки прошлого. Призраки, которые он стремился, но не смог изгнать из памяти.

Отсутствующим взглядом глядя в одну точку, Его Величество рвал

гербовый лист на мелкие клочки. В сердце будто всадили тупую иглу. Он знал, как она называется, – одиночество. Знал, но продолжал бороться.

Король выкинул обрывки бумаги, подтянул к себе другой лист и начал писать новый указ.

* * *

Оридана проснулась поздно, сладко потянулась... Опомнилась и резко села, прикрывая обнаженную грудь одеялом. Под пышным кроватьным пологом пахло Колеем, точнее, близостью с ним. Близостью, от которой у принцессы не сильно, но чувствительно болел низ живота. Творец, что они выделявали с мужем, уединившись после завтрака в ее покоях! Ох!

Принцесса залилась краской и нырнула под одеяло. Впрочем, от самой себя не спрячешься, поэтому очень скоро она встала и, не зовя служанок, отправилась в купальню – краснеть дальше, смывая с себя липкие следы прошедшей ночи.

Принцесса была не глупа. Как верно заметил как-то Дрюня (Оридана, естественно, об этой реплике не знала): «Легкомысленность не есть глупость, а есть недостаток привычки думать!» Если она действительно в чем-то или в ком-то нуждалась – использовала весь спектр интеллекта и обаяния. Проблема была в том, что Ее Высочеству никто особенно не был нужен. Она прохладно отнеслась к браку со старшим принцем и не устроила сцену, когда ей объявили, что придется выйти за младшего. Хотя и тосковала по родине, но не стремилась обзавестись подружками и приближенными из числа ласурской знати, доверившись только Бруни. Не требовала от мужа подарков, замков и увеселений, справлялась сама. И не верила в то, что когда-нибудь Колей станет ей хорошим мужем.

В общем, гаракенская принцесса, несмотря на кажущееся легкомыслие, довольно трезво смотрела на вещи. Прошедшая ночь, увы, ничего не меняла в ее жизни. Как бы Оридана ни хотелось поверить в чудо, сейчас, глядя в окно на залитый солнцем двор и кусая губы, она ясно понимала, что неожиданная страсть любовью и не пахнет. И впервые ощущала разочарование, но вовсе не по поводу Колея. Если кого ей и следовало оплакивать, так это свое собственное сердце.

Оно разбилось тогда, когда отец насильно разлучил принцессу с Иракли Ракешем, отправив его на границу с Дикоземьем, а ее начав готовить к браку с наследником ласурского престола. Именно с тех пор Оридана стало безразлично происходящее с ней. Иллюзии влюбленной со

всей пылкостью юного сердца девочки развеялись в прах, заставив ее замкнуться в себе. Наверное, это и называется взрослением: потеря, которая впервые лишает мир оттенков.

В дверь постучали.

– Войдите! – крикнула принцесса, отворачиваясь от окна.

Обычный день. Обычные хлопоты. Но пустота, поселившаяся в сердце, стала сильнее после сладкой истомы любовных утех.

Оридана оделась. Ощущая чувство вины за то, что вчера целый день не виделась с Саником, она позавтракала с ним и поиграла. Встретилась с взволнованным дядей, который передал ей письмо от мужа и подарок: браслет, украшенный шелковым обсидианом в обрамлении радужников. Мягкий блеск овального камня удивительно шел к смуглой коже принцессы. Однако она равнодушно скользнула по нему взглядом и развернула письмо. Его Высочество муж многословно благодарил ее за проведенное вместе время и уверял, что был глуп, упуская совместные ночи. Он давал обещание бывать у нее чаще (раз в месяц) для исполнения супружеских обязанностей и просил назначить день, когда это было бы удобно самой Оридане. К письму прилагался план занятий для маленького оборотня, в составлении которого явно принимал участие принц Аркей.

– Передайте Его Высочеству Колею мою благодарность за внимание и подарок, – улыбнулась принцесса дяде, но глаза ее не улыбались. – Скажите ему, что я не возражаю против занятий с Саником, как бы мне ни хотелось держать его подле себя.

Герцог Ориш молча поклонился. Он слишком хорошо знал свою племянницу – в такие мгновения ее лучше всего было оставить в покое.

Когда он ушел, Оридана приказала свите остаться и в сопровождении Саника спустилась в оранжерею. В последнее время оборотень все чаще становился человеком и не спешил менять ипостась. Но, увидев вожделенные розы, мальчик тут же обернулся щенком и на всех четырех поспешил исследовать заросли. Принцесса проводила его взглядом и медленно пошла по тропинке, подставляя лицо солнечным лучам, которые сквозь стеклянный купол падали вниз. Ее внимание привлекла одна из беседок: кованую изящную решетку, изображающую птиц с затейливым орнаментом на крыльях, увивали розовые плети, усыпанные маленькими коралловыми бутонами. Эти розы очень любила гаракенская королева Орхидана, мать Ее Высочества. С ее легкой руки сорт стали называть «Искры любви», а прежнее название оказалось позабыто. Оридана обрадовалась цветам, как старым друзьям, и поспешила к беседке. Взбежала по ступеням, остановилась на пороге, улыбаясь...

Улыбка угасла. Навстречу спешно поднимался и склонялся в поклоне высокий широкоплечий незнакомец... неуловимо похожий на Иракли. Несмотря на то, что в отличие от Ракеша волосы у мужчины были светлыми, его темные глаза оглядели принцессу с вниманием и силой, от которых ее сердце забилося чаще. Позабыв об этикете, Оридана беззастенчиво разглядывала его открытое привлекательное лицо, простую мантию мага без опознавательных знаков.

– Простите меня, Ваше Высочество! – воскликнул он и смутился. – Ох, еще раз простите! Мне следовало молчать, пока вы не прикажете говорить!

– Говорить! – немедленно приказала Оридана и тут же поправилась: – Говорите! Кто вы? Ваше имя?

Где-то в стороне Саник Дорош увлеченно подкапывал розы.

– Я – ученик королевского мага мэтра Квасина, – ответил незнакомец. – Мое имя – Варгас Серафин.

* * *

К первым в своей жизни родам Ванилла рю Дюемнон отнеслась как к тяжелой работе, которую надо было сдать в срок. И в чем-то она, несомненно, была права. Несмотря на то что временами ей приходилось несладко, она не теряла оптимизма. По совету Жужина дышала, как собака, бегающая по кругу, иногда орала во весь голос и, кажется, даже наслаждалась процессом. Младшая сестра Персиана, сидящая в изголовье кровати, держала ее за руку, обтирала ей лицо тряпицей, смоченной в прохладной воде, поила теплым морсом для поддержания сил.

Однако спустя двенадцатый час родов Ванилла, мягко выражаясь, подустала.

– Все идет хорошо, просто великолепно! – подбадривал ее целитель. – Дорогая, вы умница! А ну-ка, поднатужьтесь!

– Я чувствую себя гужевой конякой не первой свежести, которая тащит дровни со столетними бревнами из Узамора в Вишенрог! – пожаловалась роженица сестре, когда очередная схватка отпустила. – И отчего Пресветлая не предусмотрела какой-нибудь иной путь появления на свет?

– Отчего люди не летают? – глубокомысленно спросил Ожин и сунул руку под простыню, накрывающую Ваниллу. – О! Вот и темечко!

– Волосики, волосики какие? – подалась вперед Персиана. – Чай, светло-каштановые, как у мамки?

– Я потом вам скажу, – любезно улыбнулся целитель, – когда увижу темечко целиком с головой, а голову – с туловом!

– Мэтр, а долго еще? – взмолилась роженица. – Меня сейчас разорвет!

Жужин кинул взгляд на часы, стоящие на прикроватной тумбочке, и приказал:

– Кричите, Ванилла! Так, как я вас учил, – чтобы звук уходил вниз, в живот!

И поспешно зажал уши.

– Твою ма-а-а-а... – заорала Ванилла, выгибаясь на кровати.

Персиана, мать двоих детей, с растроганной улыбкой смотрела на старшую сестру.

– Головка вышла! Волосики темненькие! – заглянув под простыню, сообщил Ожин. – Еще пара таких замечательных потуг, и мы увидим ребеночка целиком!

– А глазки, глазки чьи? – едва не подпрыгивая от любопытства, спросила Персиана.

– Глазок пока нету! – отрезал целитель, но, увидев, как бледнеет молодая мать, поспешно поправился: – Закрыты пока глазки!

– А носик? Носик-то видно! – торжествуя вскричала Персиана. – Чей носик, мэтр?

– Мамин, – покорно ответил тот, понимая, что избавиться от назойливого внимания к личности младенца не получится. И снова взглянул на часы: – Ванилла, тужьтесь!

Спустя еще несколько потуг покои целителя огласило торжествующее мяуканье новой жизни.

– А кто у нас тут? – спросил мэтр, тыкая младенца пиписькой в лицо сначала всем присутствующим, а затем молодой маме. – Кто это такой хорошенький?

– Это Людвин рю Дюемнон! – сердито ответила молодая мама, дрожащей рукой вытирая струящийся со лба пот. – Аркаеш поberi моего упрямого муженька! Все-таки вышло по-евойному! Кто-нибудь ему сообщил уже, а?

Повинуясь движению длинного пальца Жужина, служанки порскнули прочь – сообщать заинтересованным лицам радостное известие.

Принцесса Бруни подняла на ноги весь дворец, чтобы отыскать счастливого отца. Его Величеству сообщили о благополучном завершении родов, и он добавил переполоху, когда будил шута, ревя над его ухом, как Железобок. Смешивая гномий самогон с вином, король знал, что делал, дабы избавить Дрюню от стресса!

С пятой попытки шут разлепил осоловевшие глаза и поинтересовался:

– А? Что? Они наступают?

– Кто? – опешил король.

– Гномы! Много гномов! И все такие малю-ю-юсенькие!

Редьярд переглянулся с Бруни, которая пришла, чтобы проводить Дрюню к супруге, и, подняв его с кровати, хорошенечко потряс:

– Проснись, дурень! Ванилька твоя родила!

– Мышку? – уточнил шут. Один глаз у него никак не открывался, руки висели как плети, а колени подгибались.

– Норушку, ага, – хохотнул Его Величество. Приказал своим гвардейцам тащить шута в покои мэтра Жужина и периодически щекотать, из-за чего Дрюня худо-бедно начал переставлять ноги сам, хотя, кажется, так и продолжал спать с открытыми глазами, поскольку нес такую чушь, что гвардейцы едва не падали от хохота.

К концу пути шут сумел разлепить оба глаза и разглядеть лежащую на кровати супругу, на руках которой шевелился кто-то размером со щенка. Разглядеть больше ему не позволили алкогольные пары.

Гвардейцы отпустили его, чтобы он смог подойти к жене.

– Люблю тебя, коровелла моя! – пробормотал Дрюня и незамедлительно упал лицом вниз.

– Это еще что такое? – изумилась Ванилла.

– Неизбывное счастье отцовства... – задумчиво пробормотал Жужин.

* * *

Над Тикрейской гаванью раскинулась звездная ночь, спугнув этот длинный и суматошный день.

В юго-западной башне дворца сладко спали Бруни и Кай. Принц обнимал жену, ощущая под ладонью жизнь-непоседу, растущую в ее животе.

В покоях придворного живописца, наоборот, не спала чета Вистунов, в который раз с изумлением перечитывая указ, подписанный Его Величеством и оглашенный сегодня. По нему мастеру Висту даровался титул маркиза, поместье неподалеку от Вишенрога и дом в квартале белокостных. Под текстом указа, над подписью короля, его рукой было выведено: «За верность семье и Ласурии». Матрона Вистун, разобрав сии каракули, едва не упала в обморок, а когда взяла себя в руки, всерьез задумалась над родовым гербом, центральное место в котором должна

была занять позолоченная ночная ваза.

Не спала и Катарина Солей в своей комнате. Ворочалась, смотрела то в стену, то в потолок, изо всех сил старалась не плакать, шепча еще не рожденному ребенку: «Все будет хорошо, мой маленький! Ты прости, я хотела тебя убить... Я очень испугалась, что останусь одна и все от меня отвернется. Надеюсь, ты, когда вырастешь, не встанешь перед таким выбором! Нет! Я в лепешку расшибусь, но тебе не придется делать выбор, потому что у тебя буду я. И я всегда пойму тебя, поддержу, помогу!»

Герцог рю Виль, наоборот, спал крепким сном человека, не ведавшего, что такое совесть.

Принцессе Оридане снилась улыбка мужских привлекательных губ. Она очень хорошо помнила эту улыбку, но никак не могла вспомнить лица того, кому она принадлежала.

Где-то на границе с Драгобужьем поднимался с земли лис, отряхивался и оборачивался красноволосям мужчиной. Молча смотрел, как подходит к нему волшебница с глазами цвета озерного льда, появившаяся из ниоткуда.

– Что-то случилось? – спросил он, когда она остановилась совсем близко.

Загадочно улыбнувшись, она поднялась на цыпочки и прошептала в самое ухо, вызвав в его теле волну жара, прокатившуюся по позвоночнику к паху:

– Я соскучилась...

А в замке ласурских королей, у кровати, на которой спала Ванилька, стоял, не дыша и не замечая, как по щекам текут слезы, Король шутов, Повелитель смеха, Господин шуток и Хозяин толп, спасенный мэтром Жужином от жестокого похмелья. Стоял и смотрел, как на груди его жены распластался похожий на лягушонка Людвин рю Дюемнон. Младенец хмурил во сне комические бровки, кривил губки – переживал долгую дорогу из тьмы лона к солнечному свету.

От этого дивного зрелища Дрюню отвлекли стук конских копыт и залихватистый собачий лай, прозвучавшие в ночи. Он поспешил к окну и успел увидеть, как исчезает в воротах конь с таким знакомым всадником в сопровождении здорового пса, стремительной тенью стелющегося по земле.

Его Величество гнал коня прочь от столицы и ничего этого не знал. Он знал лишь одно: игла, засевшая в сердце, вынудила его покинуть городские стены. Ночной ветер будто выдувал туман из памяти, обнажая острые углы прошлого, биться об которые было больно и до сих пор.

Стрема, радуясь движению, оглашал округу басовитым лаем,

вызывавшим отклик у собак из окрестных деревень, и оглядывался на хозяина, словно звал за собой. В дом, в который возвращался. Король не улыбался, как обычно, глядя на него.

Когда на горизонте неровной линией, перечеркнувшей звездный свет, встала громада Ласурской чащи, Редьярд придержал коня, а потом и вовсе спешился и пошел вперед, держа гнедого в поводу. Сердце колотилось так, словно Его Величество не ехал верхом, а бежал.

Убежавший вперед пес одним прыжком пересек границу между пустошью и чащей, а затем вернулся, вопросительно глядя на хозяина – мол, почему не идешь следом? Король покачал головой и замер, глядя в черноту, притаившуюся под лесным пологом, вдыхая весенние ароматы древесных соков, хвои и влажной земли. Поскуливая, волкодав уселся у его ног и застыл; двигались лишь чуткие уши и нос.

Нет ничего страшнее, чем смотреть в темноту. Чем дольше всматриваешься, тем сильнее кажется, что она проникает в тебя, обволакивает и смотрит голодным ответным взглядом. Ее взор физически ощутим, от него бегут мурашки по коже и приподнимаются волоски на затылке, а сердце начинает чудить и пропускать удары. И кажется, еще миг – и темнота прыгнет на тебя как зверь, чтобы поглотить, растворить, стереть навсегда с лица этого мира...

Его Величество моргнул, приходя в себя. Стрема дремал у его ног, положив большую голову на лапы. Над лесом рассвет белел полосой, и между деревьями уже видна была заветная тропинка. Если другие звериные тропы вели к водопою и укромным местам, то эта, единственная, бежала туда, куда Редьярд стремился, но никак не мог попасть: к его недостижимой мечте с дерзкими губами, копной черных волос и с глазами, как дикие сливы. Пресветлая, столько лет прошло, Эстель, наверное, давно выглядит настоящей ведьмой – старой, седой и беззубой, – а он все не решается переступить эту черту! Боится, что не сможет остановиться, если пойдет по этой тропинке... Но, Аркаеш его побери, он помнит обо всем: о новом храме, строительстве которого только началось, о скором появлении внука, об угрозе, нависшей над Ласурией. Помнит каждое из тысяч неоконченных дел, требующих его внимания, присутствия, ежедневного участия...

Если и существуют узы более болезненные, чем узы памяти, то это узы долга!

Передернув могучими плечами, король приказал псу:

– Стрема, идем!

Волкодав вскочил, глядя на хозяина с надеждой: неужели сейчас они

поохотятся?

Его Величество развернулся и пошел прочь. Пес поплелся за ним, но вдруг наострил уши, неуверенно гавкнул и... помчался в лес.

– Стрема! – позвал удивленный Редьярд. И уже громче: – Стремительный, ко мне!

Ответом ему было пение ранних птиц и шум ветра в древесных кронах.

Король прождал около часа, иногда принимаясь звать пса, но тот так и не вернулся. Ощущая себя за этот час постаревшим, Редьярд оседлал гнедого и поехал обратно.

Солнце едва позолотило сторожевые башни крепостной стены, когда король подъезжал к Вишенрогу. В дворцовых воротах слонялась, словно не находила себе места, фигура в сиренево-зелено-красном.

Его Величество спешил, кинул поводья подбежавшему конюшему и, хлопнув шута по плечу, преувеличенно жизнерадостно спросил:

– Ты чего маешься?

Саднило сердце от беспокойства о Стреме. А с другой стороны, пес взрослый, опытный – набегается, вернется!

– Набегался? Вернулся? – спросил Дрюня, заглядывая королю в глаза, и тот вздрогнул от совпадения собственных мыслей и его слов. – А я испугался...

– Чего же, дурень? – заинтересовался Редьярд.

– Я решил, ты нас покинул, братец, – тихо сказал шут, и его голос жалобно дрогнул.

Его Величество остановился, будто налетел на невидимую преграду, посмотрел на ласурский флаг, развевающийся на шпиле, и пошел во дворец.

– Когда один приходит в мир, другой из него уходит... – прошептал Дрюня у него за спиной. – Я знаю, братец, ты давно этого хочешь!